

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.К. АММОСОВА

АЛТАИСТИКА ALTAISTICS

№ 2 (09)
2023

Научный журнал

Сетевое издание

Издается с 2021 года

Журнал выходит 4 раза в год

16+

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

2 (09) 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор *А. Н. Николаев*, д. б. н.Заместитель главного редактора, редактор: *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н.Выпускающий редактор *Л. Е. Манчурина*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии:

Ан Сан Чоль, PhD, директор Института имени короля Седжона в г. Якутске, Корея (по согласованию); *К. Ж. Айдарбек*, д. филол. н., ассоциированный проф. кафедры казахского и русского языков, Казахский Национальный Аграрный исследовательский университет, Казахстан (по согласованию); *И. Е. Алексеев*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Н. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Политехнического института (филиала) СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Ф. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *М. В. Бавуу-Сюрюн*, д. филол. н., проф. кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *Нь. С. уола Багдарыын*, к. филол. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. Н. Варламов*, д. ф. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. А. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *С. П. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. Л. Габышева*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Н. И. Данилова*, д. филол. н., гл. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *П. П. Дашинимаева*, д. филол. н., проф. Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *Л. С. Ефимова*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *О. С. Жубаева*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета имени Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *А. Д. Каксин*, д. филол. н., в. н. с. Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Канг Дуксу*, PhD, Институт российских исследований, Университет иностранных языков «Хангук», Корея (по согласованию); *Г. Килли Йылмаз*, PhD, проф. Анкарского университета, факультета языков, истории и географии, Турция (по согласованию); *В. Д. Монастырев*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *В. Н. Мушаев*, д. филол. н., проф., зав.кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого госуниверситета им. Б.Б. Городовикова, Россия (по согласованию); *А. А. Находкина*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Б. Ч. Ооржак*, д. филол. н., в. н. с. НОЦ «Тюркология» Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *А. Б. Салкынбай*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *Такаши Осава*, PhD, проф. Университета Осака, факультета языков и культуры, кафедра языка и общества, курс азиатских и африканских исследований, Япония (по согласованию); *Г. Г. Торомоев*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *М. Д. Чертыкова*, д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *А. Е. Шамаева*, к. филол. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. А. Шамина*, д. филол. н., гл. н. с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия (по согласованию); *С. И. Шарина*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию).

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 219

Тел.: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

Северо-Восточный федеральный университет <https://altaisticsvfu.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© Северо-Восточный федеральный университет, 2023

Scholarly journal
Online periodical
Published since 2021
Published 4 times a year

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education
“M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

2 (09) 2023

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. N. Nikolaev*, Doctor of Biological Sciences

Deputy Editor-in-Chief: *G. G. Filippov*, Doctor of Philological Sciences

Commissioning Editor: *L. E. Manchurina*, Candidate of Philological Sciences

Editorial Team:

Ahn Sang-Cheol, PhD, Director, Sejong Institute in Yakutsk, Korea (on agreement); *K. J. Aidarbek*, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Kazakh and Russian Languages, Kazakh National Agrarian Research Institute, Kazakhstan (on agreement); *I. E. Alekseev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. N. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Polytechnic Institute (branch), M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. F. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *M. V. Bavuu-Surun*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuva University, Russia (on agreement); *N. S. uola Bagdaryyn*, Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS), Russia (on agreement); *A. N. Varlamov*, Doctor of Philological Sciences, researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *A. A. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *S. P. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. L. Gabysheva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *N. I. Danilova*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *P. P. Dashinimaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *L. S. Efimova*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *O. S. Zhubaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *A. D. Kaksin*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *Kang Duck-soo*, PhD, Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Korea (on agreement); *G. Killi Yilmaz*, PhD, Professor, Faculty of Languages, History and Geography, Ankara University, Turkey (on agreement); *V. D. Monastirev*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *V. N. Mushaev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Kalmyk Language, Mongol Studies and Altaics, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russia (on agreement); *A. A. Nakhodkina*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *B. Ch. Oorzhak*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Turkic Studies Center, Tuvan University, Russia (on agreement); *A. B. Salkynbai*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *Takashi Osawa*, PhD, Professor, Asian and African Studies Course, Department of Language and Society, Faculty of Languages and Culture, University of Osaka (on agreement); *G. G. Torotoev*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *M. D. Chertykova*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Institute of Humanities Research and Sayan-Altai Turkic Studies, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *A. E. Shamaeva*, Candidate of Philological Sciences, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. A. Shamina*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, Department of Languages of people of the North, Institute of Philology, SB RAS (on agreement); *S. I. Sharina*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement)

Address of the founder and publisher: 677000, Yakutsk, ul, Belinskogo, 58

Address of the editorial office: 677000, Yakutsk, ul, Kulakovskogo, 42, office 219

Phone: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

North-Eastern Federal University <https://altaisticsvfu.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© The North-Eastern Federal University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Иванова И. Б.</i> Семантические особенности формантов отглагольных имён современного якутского языка	5
<i>Рахлеева А. В.</i> Этимология и семантика якутских цветообозначений, содержащих фонестему (а)ал(а)-, как отражение контраста света и тьмы в якутской культуре	16

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

<i>Герасимова Е. С.</i> Особенности перевода песен с русского на якутский язык	30
<i>Колесова М. Г., Иванова С. В.</i> «Кунан Хара» тыва баатырдыы эпоһын сахалыы тылбааһа=Перевод тувинского героического сказания «Хунан-Кара» на якутский язык	47
<i>Комиссарова В. И., Васильева С. П.</i> Концепт «вино» в поэме А. Кулаковского-Өксөкүлээх Өлөксөй «Арыгы» и в её переводе Владимиром Солоухиным «Оборотень»	61
<i>Максимова А. Д., Манчурина Л. Е.</i> Способы перевода на якутский язык терминов, функционирующих в периодической печати Республики Саха (Якутия)	72

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

<i>Степанова В. Е.</i> Художественное своеобразие поэмы «Артель Романа» С. С. Васильева-Борогонского	83
---	----

ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ

<i>Ефремов Н. Н. Х. М. Есенов</i> – талантливый исследователь синтаксического строя казахского языка	91
--	----

CONTENT

YAKUT LINGUISTICS. RESEARCH IN TURKIC LANGUAGES

<i>Ivanova I. B.</i> Semantic features of the formants of verbal names of the modern Yakut language	5
<i>Rakhleeva A. V.</i> Etymology and semantics of Sakha color terms with phonestheme (a)al- and the contrast of light vs. darkness in the Sakha culture	16

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION IN THE ALTAIC LANGUAGES

<i>Gerasimova E. S.</i> Features of the translation of songs from Russian into the Yakut language ..	30
<i>Kolesova M. G., Ivanova S. V.</i> Translation of the Tuva Heroic Legend “Khunan-Kara” in Yakut	47
<i>Komissarova V. I., Vasilyeva S. P.</i> The concept of «wine» in A. Kulakovsky’s poem- Oksokuleeh Oloksoy «Arygy» and translated by Vladimir Soloukhin «Werewolf»	61
<i>Maksimova A. D., Manchurina L. E.</i> Methods of translation into Yakut of terms functioning in the periodical press of the Republic of Sakha (Yakutia)	72

LANGUAGES AND CULTURES OF THE PEOPLES OF THE ALTAIC LANGUAGE FAMILY

<i>Stepanova V. E.</i> Artistic originality of the poem «The Artel of the Novel» by S. S. Vasilyev-Borogonsky	83
---	----

ANNIVERSARIES, DATES, EVENTS

<i>Efremov N. N.</i> H. M. Yessenov is a talented researcher of the syntactic structure of the Kazakh language	91
--	----

– ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ –

DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.76.52.001

УДК 811.512.157`367

И. Б. Иванова

Семантические особенности формантов отглагольных имён современного якутского языка

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия
E-mail: imenaotglagola@rambler.ru

Аннотация. В статье описывается система отглагольных имён существительных, образованных при помощи продуктивных и малопродуктивных аффиксов, в сравнительно-сопоставительном аспекте с другими тюркскими и бурято-монгольскими языками. Целью статьи является краткое выявление основных результатов первого систематизированного исследования дериватов якутского языка, в результате которого готовится к печати «Словарь отглагольных имен якутского языка». Для достижения намеченной цели поставлены следующие задачи: выявление системы отглагольных имён; определение основных особенностей, выявление параллелей выделенной лексики и словообразующих формантов в других тюркских и бурято-монгольских языках. Исследование ведётся на основе сравнительно-сопоставительного, этимологического анализов. Актуальность определяется тем, что в якутском языкознании требуется уделить большое внимание словообразованию и терминообразованию. Выявление и изучение дериватов позволяют понять словообразовательные возможности глаголов якутского языка, также представляют большую ценность для терминообразования якутского языка, которое остро нуждается в новых терминах, способных конкурировать с международными и русскими терминами. Для исследования отглагольных имён были использованы: метод морфемного анализа, используемый для выявления морфемного устройства производного слова; метод компонентного анализа, который предполагает исследование семантической структуры отглагольных существительных; метод семантической идентификации, используемый при толковании словообразовательных значений отглагольных существительных; и гнездовой метод, позволяющий наглядно представить словообразовательные возможности каждого глагола. Объектом исследования послужили около 6000 общеупотребительных, терминологических и диалектных имен существительных и прилагательных, образованных от 1284 глаголов, зафиксированных в толковом, диалектологических и терминологических словарях якутского языка. В данной статье кратко описывается история изучения словообразования как отдельной отрасли якутского языкознания, освещаются лексико-грамматические особенности производного слова, особое внимание уделяется имяобразующим аффиксам, проводится аналогия с другими тюркскими и монгольскими языками. Установлено, что большая часть системы словообразующих формантов состоит из тюркских аффиксов.

Ключевые слова: якутский язык, тюркские языки, лексика, морфология, имя, глагол, аффикс.

Для цитирования: *Иванова И. Б.* Семантические особенности формантов отглагольных имён современного якутского языка // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.76.52.001>

ИВАНОВА Ирина Борисовна – к. филол. н., научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН, ORSID: 0000-0003-0361-5708ю

E-mail: imenaotglagola@rambler.ru

IVANOVA Irina Borisovna – Candidate of Philological Sciences, researcher of Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences.

I. B. Ivanova

Semantic features of the formants of verbal names of the modern Yakut language

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk, Russia

E-mail: imenaotglagola@rambler.ru

Abstract. The article describes the system of verbal nouns formed with the help of productive and unproductive affixes, in a comparative aspect with other Turkic and Buryat-Mongolian languages. The purpose of the article is to briefly identify the main results of the first systematic study of the derivatives of the Yakut language, as a result of which the Dictionary of verbal names of the Yakut language is being prepared for publication. To achieve the intended goal, the following tasks are set, such as identifying the system of verbal names; determining the main features, identifying parallels of the selected vocabulary and word-forming formants in other Turkic and Buryat-Mongolian languages. The study is conducted on the basis of comparative, etymological analyses. The relevance is determined by the fact that in Yakut linguistics it is necessary to pay great attention to word formation and term formation. The identification and study of derivatives allows us to understand the word-formation capabilities of the Yakut verbs, and is also of great value for the term formation of the Yakut language, which is in dire need of new terms that can compete with international and Russian terms. For the study of verbal names, the following were used: the method of morphemic analysis used to identify the morphemic structure of a derived word; the method of component analysis, which involves the study of the semantic structure of verbal nouns; the method of semantic identification used in the interpretation of the word-formation meanings of verbal nouns; and the nest method, which allows you to visualize the word-formation capabilities of each verb. The object of the study was about 6000 commonly used, terminological and dialectal nouns and adjectives formed from 1284 verbs recorded in the explanatory, dialectological and terminological dictionaries of the Yakut language. This article briefly describes the history of the study of word formation as a separate branch of Yakut linguistics, highlights the lexical and grammatical features of a derived word, pays special attention to name-forming affixes, and draws an analogy with other Turkic and Mongolian languages. It is established that most of the system of word-forming formants consists of Turkic affixes.

Keywords: Yakut language, Turkic languages, vocabulary, morphology, name, verb, affix.

For citation: *Ivanova I. B.* Semantic features of the formants of verbal names of the modern Yakut language // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.76.52.001>

Введение

Словообразование – один из важных разделов языкознания, который способствует дальнейшему развитию языка в целом, отвечает за богатство его словарного запаса. Современный якутский язык нуждается в активных словообразовательных, терминообразовательных инновациях, поэтому процессы образования слов, различные типы словообразовательных моделей являются объектами пристального внимания лингвистов.

Информация об аффиксах, как о самом продуктивном источнике образования новых слов, содержится почти во всех грамматиках по якутскому языкознанию, как труды О. Н. Бётлингга «О языке якутов» [1], С. В. Ястремского «Грамматика якутского языка» [2], акад. В. В. Радлова «Якутский язык в его отношении к тюркским языкам» [3], Ст. Калужински «Монгольские элементы в якутском языке» [4], Л. Н. Харитоновой «Современный якутский язык» [5], крупного тюрколога Е. И. Убрятовой «Исследования по синтаксису якутского языка» [6], «Грамматика современного литературного языка» [7], «Саха билинни тыла. Морполуогуйата» [8] и т. д. Также свою лепту в изучение современных способов словообразования и терминообразования внесли П. А. Слепцов в работе «История якутского языка» [9], Е. И. Оконешиников «Лингвистические аспекты терминологии языка саха» [10], С. А. Иванов «Морфологические особенности говоров якутского языка» [11].

В архиве ЯФ СО АН СССР хранится рукопись кандидатской диссертации проф., д. филол. н. Н. К. Антонова под названием «Именное словообразование в якутском языкознании» [12], в которой отражается существующее в то время состояние словообразования в якутском языке. Н. К. Антонов является первым и единственным, кто начал тщательное исследование именного словообразования в якутском языке. Диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук защитил в 1961 году в г. Ленинграде. Научным руководителем была Е. И. Убрятова. Автор ставит задачей исследование терминологических ресурсов якутского языка, уделяя внимание семантике именных форм, могущих быть использованными в терминологической практике. Так или иначе, опытный языковед объём всю необъятную лексику якутского языка, благодаря чему данная работа не теряет свою ценность и в настоящее время. Антонов даёт совместный анализ аффиксов, которые образуют и имена существительные, и имена прилагательные от имен и от глаголов. Делит аффиксы на производительные, малопроизводительные и непроизводительные. Производительными считает 20 аффиксов, в том числе те, которые образуют имена существительные от имен или имена прилагательные. А аффиксы, которые образуют имена существительные от глаголов – это *-ыы*, *-ааһын*, *-ааччы*, *-ар* (*-ыыр*). Также приводит 31 малопроизводительный аффикс (*-х*, *-л*, *-с*, *-лык*, *-ыйа* и т. д.). Здесь тоже включены аффиксы, которые образуют имена прилагательные от имен существительных. Как видно, изучение отглагольных имен в якутском языке имеет давнюю историю.

Но в то же время не решёнными остаются вопросы о характере аффиксов, не установлена реальная картина словообразующих формантов и их значения, семантическая особенность производных слов не удостоилась отдельного внимания. Раскрытие семантического содержания наиболее продуктивных аффиксов проводится без относительно к его производящей основе. Несмотря на то, что этот раздел специально не изучался, ни один автор учебных пособий или грамматик по якутскому языку не обходил его стороной.

Как видно, в якутском языкознании отглагольное имя требует комплексного изучения во всех его проявлениях. Ни морфологические объяснения, ни описание синтаксической функции до сих пор не могут дать ключ к раскрытию природы отглагольного имени в целом.

Виды словообразующих формантов

В целях наглядного представления словообразовательной структуры отглагольного имени, состоящего из нескольких компонентов: производящей основы, т. е. глагола, также формообразующего и словообразующего формантов, т. е. аффиксов, был выбран классический словообразовательный гнездовой принцип.

В качестве единицы для исследования выступает «гнездо» однокоренных слов, происходящих от одного глагола-источника. Отметим, что в систему отглагольных имен входят:

- глагольные имена, которые употребляются в языке как имя действия, имя деятеля, процесса и которые сохраняют глагольное свойство управлять именами;
- отглагольные прилагательные, обозначающие признак предмета как результат действия;
- субстантивированные причастия, называющие предмет по его действию, тем самым перешедшие в класс существительных;
- отглагольные имена существительные, приобретшие терминологическое свойство или обозначающие конкретный или абстрактный предметы, полностью перешедшие в класс имен существительных.

Одной из основных проблем якутского словообразования в настоящее время считается объяснение семантической природы производного слова, его характера, его отличия от не-

производного слова. В докторской диссертации «Причастия в якутском языке: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование» профессор, д. филол. н. Г. Г. Филиппов [13] устанавливает особенности характера глагольных имен. По мнению Г. Г. Филиппова, причастия в результате речевой практики субстантивируются и принимают статус имени существительного, т. е. отглагольного имени существительного. Данный факт подтверждается особым характером производного имени, который обладает семантикой признака и действия одновременно. В связи с этим возникают большие трудности в переводе производных имён вне контекста на русский язык. А для того, чтобы применить гнездовой метод, который должен полностью, но в то же время схематично, отражать словообразовательные возможности глагола, надо оперировать чёткими и краткими единицами.

Во главе каждого гнезда стоит исходное слово – основа глагола, которая в якутском языке совпадает с глагольной формой 2 л., единственного числа повелительного наклонения.

В некоторых случаях (когда производность глагола представляет интерес) были включены в качестве исходного слова отыменные глаголы. Например, высокую производительность показал отыменный глагол *өйдөө* ‘помнить, вспомнить’, образованный от имени *өй* ‘ум’:

Өйдөө ‘помнить, вспомнить’

өй-д-өөһүн ‘понимание’

өй-д-өөччү ‘тот, кто понимает’

өй-дө-н-үү ‘осознание’

өй-дө-һ-үү ‘взаимопонимание’

өй-дө-т-өөччү ‘напоминающий’

өй-дө-т-(ү)һ-үү ‘напоминание друг другу’

өй-дө-т-үү ‘напоминание’

• өй-дө-бул ‘понятие’

• өй-дө-бунньук ‘памятка’

• өй-дөөб-(ү)мсүй-үү и.д.

• өй-дөөб-(ү)мсүй-ээччи ‘тот, кто старается показаться умным’

• өй-дөөх ‘мудрец; мудрый’.

Основа глагола входит в состав всех производных имен, определяет их значение, поэтому однокоренные слова в гнезде связаны смысловой общностью. Глаголы располагаются в алфавитном порядке.

Словообразовательные возможности глаголов бывают разные. Например, в словаре видно, как от одного глагола *көр* ‘видеть’ может быть образовано более двадцати имен: *көр-өөһүн* и.д., *көр-өөччү* ‘зритель’, *көр-үү* ‘смотр, взгляд’, *көр-дөр-өөччү* ‘пациент’, *көр-дөр-(ү)н-үү* ‘осмотр’, *көр-дөр-үү* ‘демонстрация’, *көр-с-үү* ‘взаимный взгляд; любовница’, *көр-(ү)лл-үү* ‘осмотр’, *көр-(ү)н-үү* ‘самоосмотр’, *кө-ст-үү* ‘вид; действие (акт)’, *көр-бүөһүт* ‘провидец’, *көр-бүөччү* ‘провидец’, *көр-дөр-үү-лээх* ‘образцовый’, *көр-өр* ‘глаз, глаза’, *көр-(ү)гэс* ‘зоркий’, *көр-(ү)к* ‘система взглядов на что-л., концепция’, *көр-(ү)нньук* ‘показуха; показатель’, *көр-(ү)н* ‘внешний вид’, *көр-(ү)н-нээх* ‘видный’, *көр-үү-лээх* ‘требующий ухода; со своим взглядом’, *кө-ст-(ү)бэ-т* ‘что-л. неопознаваемое, невидимая сила’, *кө-ст-(ү)мтүө* ‘заметный’, *кө-ст-үү-лээх* ‘видный’, *хара-май* ‘животное; то, что видно’, *хара-х* ‘глаз; то, что видит’, *көр-үү-ист-ии* ‘рассматривание’, *көр-үү-харай-ыы* ‘выращивание; забота’.

Продуктивные аффиксы

Вслед за глаголом в виде ступенчатого прибавления размещаются производные слова. В каждом производном слове выделяются все элементы, начиная с продуктивных аф-

фиксов: *-ыы, -ааһын, -ааччы*, среди которых *-ыы (-иш, -уу, -үү)* в современном якутском языке является самым производительным аффиксом. С его помощью можно образовывать существительные, представляющие собою название действия. Форма может применяться к основам глаголов состояния (*итэбэйиш* 'вера', *ахтыы* 'воспоминание', *өлүү* 'смерть'), к основам звукоподражательных глаголов (*ньиргийиш* 'громохание', *тонсууу* 'стучание', *лис гыныы* 'подражание звуку от удара тяжелым предметом'), к основам образных глаголов (*мэтэйиш* 'выгибание вперед, выставя живот', *кэдэйиш* 'выгибание спины' и т. д.), т. е. он приставляется к основам любого глагола, обозначающего обычное состояние, процесс, изменение, признак, свойство, психическое явление, движение и т. д.

В древнетюркском языке аффикс *-ыы* соответствует *-ыб, -иг*: *барыб* 'уход', *кэлиб* 'приход', *билиб* 'знание' [12, с. 53]. Следует отметить, что словообразовательный показатель *-ыы* есть почти во всех современных тюркских языках. В башкирском (*-иш, -иш, -ош, -өш, -иш*), гагаузском (*-ыш, -иш, -уш, -үш*), татарском (*-ыш, -еш*), казахском (*-ыс*), уйгурском (*-иш, -иш, -уш, -үш*), узбекском (*-иш*), ойротском (*-у, -ү*), в киргизском (*-уу, -оо*) языках он является производительным, а в турецком (*-i, -i, -и, -и (<ig/-ik)*) он относится к малопродуктивным. Этот показатель довольно узнаваем в разных языках. В киргизском языке эквивалентом аффикса *-ыы* является словообразовательный аффикс *-уу, -оо*. По поводу происхождения аффикса *-уу, -оо* в тюркологии имеется довольно устоявшееся мнение, что он восходит к зафиксированному в письменных памятниках древнетюркского языка аффикса *-ыгъ/-игъ, -гъы/-иш* и является его новым вариантом (С. Е. Малов, А. Н. Кононов, А. М. Щербак, В. М. Насилов и т. д.). Имена действия на *-уу, -оо* образуются от любых глагольных основ. Отрицательная форма имен действия на *-уу, -оо* образуется синтетическим путем при помощи глагольного отрицательного аффикса *-ба* и аналитическим при помощи отрицательных слов *эмес* или *жок*. Например, *бар+ба+уу = барбоо* 'уход', *чегинүү жок* 'отступление' и т. д. В ногайском языке с помощью аффикса *-ым, -им, м/-ы, -и* образуются имена существительные, которые не только называют действие, но и указывают на результативность этого действия: *билим* 'знание', *йарым* 'половина'. В турецком литературном языке аффикс *-i, -и (<ig/-ik)* малопродуктивный. Он образует имена действия, состояния: *korku* 'боязнь, страх, испуг'; *kosu* 'скачка, состояние в беге, пробег'; а также результат действия, как *yazi* 'письмо', *sayi* 'число, счет, номер' и т. д. В ойротском языке зафиксирован часто употребляемый аффикс *-у*, который образует имена со значением названия действия: *кычыру* 'чтение, зов' и т. д. А также следует отметить, что существует еще один аффикс *-ыш (-иш, -иш)*. Он образует имена со значением взаимного действия, как: *таныш* 'знакомство', *согыш* 'битва' и т. д. В словообразовании имен существительных уйгурского языка особой продуктивностью отличается аффикс *-иш, -иш, -уш, -үш*, присоединяющийся к основе любого глагола и служащий для образования имен существительных с отвлеченным значением. Например, *окуш* 'учеба', *линеш* 'хождение', *тузүтүш* 'исправление' и т. д. Материалы казахского языка подтверждают о двойственной природе аффикса *-с*: именной – со значением указания на процесс действия и глагольной – с выявлением оттенка значения взаимности. Но в данном языке наиболее продуктивной функцией аффикса *-с* является выражение имени действия, формы, манеры действия и процесса. Например, *согыс* 'драка, война', *агыс* 'течение', *айтыс* 'состязание импровизаторов', *утыс* 'выигрыш' и т. д. В гагаузском и татарском языках *-ыш, -иш, -уш, -еш* тоже совпадают по форме с аффиксом взаимно-совместного залога глагола. Например, *чыырыш* 'призыв, зов', *соруш* 'вопрос' и т. д. В хакасском языке аффиксы *-г/-г, -ыг/-иг* образуют имена существительные от любой глагольной основы и имеют значение действия или состояния: *садыг* 'торговля', *илег* 'мука, мученье'. В башкирском языке аффикс *-ыш, -еш, -ош* встречается в ограни-

ченном количестве слов: *эйтелеиш* ‘произношение’, *эйтеиш* ‘словесное состязание’, *инеиш* ‘вступление’, *отоиш* ‘выигрыш’ и т. д.

В якутском языке имеется изафет II типа, по Е. И. Убрядовой, оборот со сказуемым, выраженным формой на *-ыы*. Форма *саас кэлиитэ, кун тахсыыта* внешне похожи на отглагольные имена с аффиксом принадлежности на *-та*. Но это глагольные сказуемые, согласованные в лице со своим подлежащим и соотнесенные во времени со сказуемым главного предложения. Предикативное отношение внутри оборота и его подчинение главному предложению выражает аффикс *-та* – стяженный аффикс местного падежа лично-притяжательного склонения для третьего лица единственного числа на *-тына*. Сам же оборот – пережиточно сохранившаяся конструкция с древним причастием на *-ыы*[^]*-ыз*, превратившемся позднее в имя существительное. А также в якутском языке существует форма *бары-ым* ‘пойду-ка’ я, *барымыым* ‘не пойду-ка я’, которые вошли в парадигму, составившуюся из форм разного происхождения повелительного наклонения настоящего времени [6, с. 58]. Как и основа утвердительного наклонения, они относятся к числу собственно глагольных форм и в сознании говорящих никак не связываются ни с глагольным именем на *-ыы*, ни между собой. Но исторически они относятся к разным случаям употребления причастия на *-ыы*, одним из рудиментов которого является оборот с формой на *-ыыта* [5, с. 186].

Таким образом, отглагольные существительные, образованные при помощи аффикса *-ыы*, – довольно широко распространенное явление не только в якутском языке, но и в других тюркских языках. Имена могут обозначать названия действия с результирующим оттенком направленного действия, действия, в котором задействованы два или более субъекта, действия, осуществляемого многократно, состояния действия, процесса звучания, образа поведения, орудия действия и т. д.

Малопродуктивные аффиксы

В конце словообразовательного гнезда следуют имена, образованные от исходного глагола при помощи малопродуктивных или омертвелых аффиксов. Данные словообразовательные форманты выделяются жирным и курсивным шрифтом. Это сделано в целях более точной и наглядной демонстрации их в структуре гнезда. Например:

ах-**с-аан** ‘число, количество’

айд-**аан** ‘шум-гам’

эб-**иискэ** ‘прибавка; добавка’

эб-(и)**лик** ‘прибавка’ и т. д.

Одной из особенностей якутского языка является богатый арсенал словообразующих аффиксов. Данное явление можно объяснить тем, что значительная часть из них заимствована из других языков, а некоторые аффиксы отглагольного словообразования восходят к аффиксам различных причастных форм. Рассмотрены аффиксы, которые считаются непроизводительными аффиксами, т. е. исчезнувшими из употребления. Как показывают результаты, именно данные форманты способны образовывать названия конкретных, а не процессуальных предметов и понятий, что является положительным фактором для образования окказиональных терминов.

Аффикс *-быт* (*-бит*, *-бут*, *-бүт*) представляет собою аффикс причастия прошедшего времени, глагола прошедшего времени, а также является словообразующим аффиксом отглагольных имен существительных. Например, *төрөппүт* ‘родитель’, *төрөппүттэр мун-ньахтара* ‘собрание родителей’. Больше примеров не найдено, т. к. производные в основном являются причастиями.

Аффикс *-аах* (*-оох*)

При помощи данного аффикса в якутском языке образованы названия конкретных предметов: *тараах* ‘расческа’, *тутаах* ‘ручка чего-либо’, *балбаах* ‘замороженный навоз’,

ыйаах ‘указ’, *уураах* ‘постановление’, *саркаах* ‘расщепина’, *чороох* ‘то, что высунутое, торчащее’. Некоторые имена на *-аах* соответствуют именам в других тюркских языках на *-бах*. Например, *тараах* ‘расческа’ – тув. *тарабах*.

Аффикс *-аат*, *-ыат* (*-эт*, *-оот*, *-үүт*; *-изт*, *-уот*, *-үөт*): *логлороот*, *боллороот* ‘выпуклые неровности, бугорочки’, *бөллөөт* ‘недозревшее птичье яйцо в мягкой оболочке’, *ньолбоот* ‘совок, ковш в виде овала’, *төрүүт* ‘причина, повод’, лингвистический термин: *сыһыат* ‘наречие’. Полученные названия являются в основном названиями конкретных явлений, точнее предметов, полученных в результате действия, а что касается названий отвлеченных понятий, то ими являются термины. Таким образом, можно считать, что аффикс образует слова с конкретными значениями.

Аффикс *-нньык* (*-нньик*, *-нньук*, *-нньүк*): *ыйынньык* ‘указатель’ (*сыана ыйынньыга* ‘прейскурант цен’), *өлүнньүк* ‘погребальная одежда’, *өйдөбүнньүк* ‘памятка’, *оргунньук* ‘кипяток’, *кырбанньык* ‘мелко нарезанное, кусочки чего-либо’, *суунаарынньык* ‘умывальник’, *араарынньык* ‘выключатель’, *тараанньык* ‘то, что извилистое, разветвленное’. Названий процессов и абстрактных понятий с этим аффиксом в якутском языке нет, что свидетельствует о том, что аффикс является образующим только названия конкретных предметов.

Аффикс *-нньах*: *оргунньах* ‘кипяток’, *ытанньах* ‘плакса’, *сарбынньах* ‘то, что свисает; рябина’, *мунньах* ‘собрание’. Данный словообразовательный формант несет в себе семантику чего-то конкретного, точного. Присоединяется к разным глаголам.

Аффикс *-лбэ*, *-лгэ*: *эрилбэ* ‘вьюнок’, *эрчилбэ* ‘тренажеры’, *түһүлгэ* ‘арена, место проведения ысыаха’. Образованные слова представляют собой конкретные предметы и конкретные понятия.

Аффикс *-ыыс*, *-аас*, *-иис*, *-оос*: *булкаас* ‘смесь’, *тобоос* ‘повод’, *кэрдийис* ‘зарубка, насечка’, *кырыыс* ‘проклятие’, *бытырыыс* ‘бахрома’, *кучаырыыс* ‘трава-сорняк’.

Этот аффикс относится к сложным аффиксам, состоит из *-ыы* и *-с*, как аффикс *-ыас*. В других тюркских языках имеет соответствие, например, в азерб. *гарбыш* ‘проклятие’ от *гарбымаг* ‘проклинать’, татар. *каргыш* ‘проклятие’ от *каргау* ‘проклинать’. В этих языках словообразовательным аффиксом является аффикс *-ыш*, а звук *б* оказывается конечным звуком основы. Возможно, якутское производное имя *кырыыс* от *кыраа* показывает лишь огласовку конечного *-б* [12, с. 59].

Аффикс *-йах* (*-йэх*, *-йох*, *-йөх*), *-изйэх*, *-үөйэх*

В тюркских языках известен как уменьшительный аффикс. С. В. Ястремский относит его к ‘утратившим жизненную силу’ [2, с. 35]. При помощи этого аффикса образуются названия: растения *таргыйах* ‘хвощ’ от *тарбаа* ‘рассеяться, расходиться’, тюрк. *тарка* ‘расходиться’, человека *күрүүйэх* ‘беглец’, *уоруйах* ‘вор’, украшения *бүгүүйэх* ‘серебряное украшение на чепраке’.

Аффикс *-т*, *-ыт* (*-ит*, *-ут*, *-үт*): *булт* ‘охота’, *быһыт* ‘плотина’, *тоңот* ‘гололед’, *угут* ‘половодье, наводнение’, *төрүт* ‘источник, происхождение’. В других тюркских языках имена соответствуют: азерб. *кечид* ‘проход, переправа’ от *кечмен* ‘переходить’, узб. *өлэт* ‘чума’ от *өл* ‘умереть’, ойр. *чыгыт* ‘выход’ от *чык* ‘выходить’. В монгольском языке словообразовательный аффикс *-т* не указывается, но есть аффикс множественного числа *-д*. Имяобразующий аффикс *-т* ничего общего не имеет с монгольским аффиксом множественного числа *-д*. Необходимо отметить, что этот аффикс один из древнейших, ибо он наблюдается в древнем слое тюркской лексики: *егет* ‘джигит’, *сүт* ‘молоко’, *савыт* ‘посуда’ и т. д. [14, с. 120]

В современном якутском языке образует слова с конкретно-предметным значением, которые могут быть образованы от любого глагола.

Аффикс *-бат, -лбат, -рбат, -гэт*: *кубулбат, дьибилгэт* ‘волшебство’. Данный аффикс заимствован из монгольского языка. В других тюркских языках функционирует тоже в небольшом количестве.

Аффикс *-аал, -ыал*: *хатаал* ‘прыщ’, *хотоол* ‘впадина’, *чынчаал* ‘вершина’, *добуһуол* ‘аккомпанемент’, *сабыдыал* ‘влияние’, *ходуул* ‘непригодное к поеданию скотом сено’. Семантически близок к аффиксу *-л*.

Аффикс *-ыа (-үө, -иэ, -уо)*: *бүрүө* ‘покрышка, покрытие’, *мэңиэ* ‘наживка, приманка’, *өйүө* ‘еда в дорогу’, *силлиэ* ‘буря’, *хотуо* ‘рвота’, *ырыа* ‘песня’.

Аффикс *-р, -ээр* – общемонгольский аффикс, имеет соответствия в бурятском, калмыкском, монгольском языках. Но при этом встречается и в других тюркских языках, например, узб. *учар* ‘летчик’ от *учмак* ‘лететь’, *чопар* ‘посыльный’ от *чопмак* ‘скакать’. Близок по форме и значениям образных имен к аффиксу причастия настоящего времени *-ар*. Например, *томтор* – *томтойор* ‘пригорок’, *мэндир* ‘отлогий подъем’, *андабар* ‘клятва’, *дыахтар* ‘женщина’, *мичээр* ‘улыбка’.

Аффикс *-са (-һа)* образует главным образом отглагольные имена по результату действия, названия орудия действия: *ходуһа* ‘луг’, *хоһоһо* ‘гость’, *тэлгэһэ* ‘место перед юртой’. Известный этимолог якутского языка Г. В. Попов приводит следующие примеры отглагольных существительных: *тулаһа, дулаһа, тусаһа* ‘скотный двор, утопанное место около жилья’ от тюрк. глагола *тул* ‘обвернуть, окружить, крутить, вертеть’. *Сабаһа* ‘растопка, подтопка; сухая, мягкая трава’ от *сах* ‘высекать искру’ – от древнетюркского глагола *чах*. *Үтэһэ* ‘заостренный железный или деревянный прут, вертел, на который нанизывают куски мяса, лепешки, чтобы жарить, печь’ от *үт* ‘толкать, пихать, насаживать на рожон’ [15, с. 35].

Аффикс *-ча, -чы, -чо*: *сытыарчы* ‘горизонтальные линии’, *ытарча* ‘тиски’, *оборчо* ‘трубка’, *оборчо* ‘болото, топь’, *быһычча* ‘маленький нож’. Присоединяется к глаголам, оканчивающимся на согласные *-р* или *-с*. Имеет ярко выраженный характер уменьшительности образованных понятий.

Аффикс *-һа, -һы, -һө*: *ыстаһа* ‘прыжок в длину’, *дыадаһы* ‘бедняк’, *сардаһа* ‘луч’, *чөкчөһө* ‘кулик’. Аффикс придает слову семантику уменьшительности, легкости, так же, как и *ка, -ча*.

Аффикс *-рык*: *хатырык* ‘кора дерева’. Наличие данного форманта наблюдается в производных именах прилагательных.

Аффикс *-ыан (-иэн)*: *сыһыан* ‘отношение’, *эргиэн* ‘оборот’.

Аффикс *-маан, -мэн, -бон*: *нэлэмэн* ‘простор’, *мэндизмэн* ‘этаж’ от *мэндэй* ‘возвышаться, подниматься’, *бучумаан, бутумаан, ойбон* ‘прорубь’ от *ой* ‘делать углубление’. Э. В. Севортян отмечает немногочисленность слов с данным аффиксом, например, в хакасском языке зафиксировано только одно слово *теербен* ‘мельница’ [16, с. 198].

Аффикс *-схан*: *анысхан* ‘сильный пронизывающий ветер’, *дыулусхан* ‘сильное, быстрое движение’. Данный словообразующий формант придает производному слову семантику сильного, огромного, мощного признака.

Аффикс *-аамыр*: *тутаамыр* ‘стройка’, *дабаамыр* ‘приложение’.

Аффикс *-уйа*: *түктүйэ* ‘берестяная посуда для рыбы’ от глагола др.тюрк. *түг* ‘завязывать, затягивать в узел’, *оргуя* ‘отвар’. В тюркологии известен как уменьшительный аффикс.

Аффикс *-дэх, -дах, -лэх*: *сэбирдэх* ‘то, что свисает, лист’, *сорудах* ‘здание’, *биллэх* ‘свояк’.

Аффикс *-мал, -мэл*: *кичэмэл* ‘старание’, *хадьымал* ‘скошенное место’, жниво от *ходуй* ‘косить’, *сыысхал* ‘ошибка, оплошность’, *сабыдал* ‘то, что висит как покров над чем-либо, о небе’. Семантически близок к аффиксу *-был*.

Аффикс *-ла, -а*: *аппала* ‘разиня’, *аңала* ‘тупица’, *дыргылла* ‘вечерница’.

Аффикс *-гэ*: *көйөргө* ‘закваска’, *тиргэ* ‘ловушка для уток’ от *тиир* ‘растягивать’; *билгэ* ‘предугадывание, предсказывание’, *айылгы* ‘внешний вид, нрав, характер’, *харгы* ‘затор’ от *хар* ‘загораживаться’.

В других тюркских языках имеет соответствия. Например, азерб. *вурбу* ‘удар’ от *вурмаг* ‘ударить’, туркм. *гулки* ‘смех’ от *гулмэк* ‘смеяться’.

Аффикс *-хой, -той* выражает уменьшительность так же, как и в некоторых тюркских языках. Например, в карачаево-балкарском языке имеет уменьшительное значение [17], а в татарском языке [18] значение уменьшительности не наблюдается. Тем не менее, как показывает данный фактический материал якутского языка, аффиксы, заканчивающиеся на *-й*, образуют слова с значениями уменьшительности: *тоорохой* ‘мелко нарезанный кусочек чего-либо’; *оңхой* ‘яма, подполье, погреб’, *былчархай* ‘нарыв, шишка’; *тоңсобой* ‘дятел’, *моботой* ‘бурундук’ от тюрк. *мохой* ‘съёживаться, сжиматься (о небольшом полном человеке)’.

Аффикс *-ңкэй*: *иһиңкэй* ‘побрякушка’, *дыһэрэңкэй* ‘танец’. Аффикс выражает легкость, уменьшительность.

Аффикс *-й*: *эмий* ‘молочная железа’, *сүүкэй* ‘ноша на спине’, *туорай* ‘горизонтальная линия’. В других тюркских языках этот аффикс не отмечается. В значениях образованных слов содержится признак уменьшительности.

Аффикс *-май*: *харамай* ‘одушевленное живое существо’ от тюрк. *кора* ‘видеть’, т. е. все то, что видимое, живое.

Аффикс *-дыт, -чит, -һыт*: *илдыт* ‘вестник; посыльный’, *маньыһыт* ‘охранник, сторож’, *булчут* ‘охранник’. Аффикс образует названия, обозначающие человека по его профессии. Он является продуктивным аффиксом, образующим названия человека от имени существительного: *табаһыт, сылгыһыт* и т. д. Существительных, образованных от глаголов, зафиксировано только в единичных случаях.

В якутском языке аффикс *-һыт* считается составным, состоящим из тюркского аффикса *-чы* и древнейшего показателя множественности *-т*. Элемент *-т* в якутском аффиксе *-һыт*, по мнению А. Н. Кононова, ‘по-видимому, сообщает основному значению аффикса *-чы* идею многократности, собирательности, повторяемости’ [18, с. 85]. Аффикс довольно широко используется, при его помощи образуются имена также и от имен прилагательных, существительных, причастий. С. А. Иванов утверждает, что он возник на якутской почве из тюркского языкового материала [11].

Аффикс *-ку, -ку* др. тюрк. аффикс орудия действия: *турку* ‘расщепленный кол’ от *тыыр* ‘разрезать в длину’, тюрк. *тыр* ‘колоть дрова’, *көппөкү* ‘взбитые, свежие сливки’.

Аффикс *-нох*: *тобонох* ‘локоть’ от *тобой* ‘изгибать’.

Аффикс *-инчэ*: *кэтинчэ* ‘портянки’. Последние три форманта (*-ку, -нох, -инчэ*) тоже выражают некую уменьшительность, легкость.

В якутском языке аффикс, образующий имя существительное от глагола, был и в древние времена главным источником словообразования, в том числе и терминообразования. Зафиксированные примеры показали, что отглагольные существительные были образованы давно, большинство из них трудно разобрать по составу. Тем не менее, следует отметить, что новообразования, типа *сытыарчы* ‘горизонтальные линии’, *эрһилбэ* ‘выюнок’, *эрһилбэ* ‘тренажеры’, *араарыннык* ‘выключатель’, являются довольно удачными и адекватными словами для обозначения соответствующих понятий.

Непродуктивные словообразующие форманты были зафиксированы в названиях конкретных и абстрактных предметов. Например, аффикс *-нньах* встречается в производных именах типа: *оргунньах* ‘кипяток’, *ытанньах* ‘плакса’, *сарбынньах* ‘то, что свисает; рябина’, *мунньах* ‘собрание’. Единственным аффиксом процессуального характера можно назвать формант, известный в якутском языке как образующий имя прилагательное *-схан*: *дьулусхан* ‘сильное, быстрое движение’.

Как видно, производительность составляет не больше семи производных слов. Количество непродуктивных аффиксов, которые образуют имена существительные от глагольных основ, составляет 56,3% от общей суммы аффиксов (малопродуктивные 39,1%, продуктивные 4,6%). Данный факт наводит на мысль, что процесс образования новых слов регрессирует, аффиксы исчезают из употребления, создавать новые слова, имея в наличии только три продуктивных аффикса *-ыы*, *-ааһын*, *-ааччы*, трудно. Но, как показал опыт создания неологизмов, не следует определять непродуктивные словообразующие форманты в ‘омертвевшие аффиксы’, ибо именно они в терминообразовании могут проявить активность.

Заключение

Таким образом, в якутском языкознании до сих пор нет системного и комплексного исследования словообразования как отдельной отрасли лингвистики. Одной из основных задач якутского языкознания должно быть изучение общей системы аффиксов, образующих имена существительные. Ибо именно имена существительные являются основным источником обогащения терминологической лексики языка. Постоянное возникновение новых слов для обозначения появившихся понятий требует к себе особенного внимания со стороны лингвистов. Исследованный материал имяобразующих аффиксов якутского языка может послужить хорошим подспорьем для развития терминологии и терминотворчества якутского языка. Исчезновение большого количества аффиксов говорит о том, что аффиксальное словообразование в якутском языке нуждается в совершенно новых разработках. Чтобы язык стал развитым языком современной нации, надо, прежде всего, рассмотреть все способы образования новых слов, терминов. Только тогда язык сможет обеспечивать все отрасли науки своими терминами.

Литература

1. Бётлингк, О. Н. О языке якутов / О. Н. Бётлингк. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 646 с.
2. Ястремский, С. В. Грамматика якутского языка : пособие для педагогов. – Москва : Учпедгиз, 1938. – 228 с.
3. Радлов В. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen. – St.-P., 1908. – 86 с.
4. Kaluzynski S. Mongolische elemente in der jakutischen sprache. – Warszawa, 1961. – 90 с.
5. Харитонов, Л. А. Современный якутский язык : Фонетика и морфология / Л. А. Харитонов. – Якутск, 1947. – 306 с.
6. Убрятова, Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Т. 2. Сложное предложение. Книга первая / Е. И. Убрятова. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1976. – 214 с.
7. Убрятова, Е. И. Грамматика современного якутского литературного языка. Ч. 1. Фонетика. Морфология / Е. И. Убрятова. – Москва : Наука, 1982. – 496 с.
8. Антонов, Н. К. Саха билинни тыла. Морпологиуйа: устудьуонна аналлаах үөрэх кинигэтэ / Н. К. Антонов, Е. И. Коркина, П. А. Слепцов. – Дьокуускай : Бичик, 2009. – 296 с.
9. Слепцов, П. А. Саха тылын историята / П. А. Слепцов. – Якутск, 2007. – 290 с.
10. Оконешников, Е. И. Лингвистические аспекты терминологии языка Саха / Е. И. Оконешников. – Якутск, 2004. – С. 104-105.

11. Иванов, С. А. Морфологические особенности говоров якутского языка / С. А. Иванов. – Новосибирск : Наука, 2014. – 248 с.
12. Антонов, Н. К. Именное словообразование в якутском языке // Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Антонов Николай Климович. – 1951. На 259 лл. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 135.
13. Филиппов, Г. Г. Причастия в якутском языке: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование / Г. Г. Филиппов. – Якутск : Издательство СВФУ, 2014. – 606 с.
14. Попов, Г. В. Слова ‘неизвестного происхождения’ якутского языка. Сравнительно-историческое исследование / Г. В. Попов. – Якутск, 1986. – 148 с.
15. Севортян, Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования тюркских языков / Э. В. Севортян. – Москва, 1966. – 437 с.
16. Ганиев, Ф. А. Суффиксальное словообразование в современном татарском языке / Ф. А. Ганиев. – Казань, 1974. – 231 с.
17. Кононов, А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. / А. Н. Кононов. – Ленинград, 1980. – 255 с.

References

1. Betlingk, O. N. O yazyke yakutov / O. N. Byotlingk. – Novosibirsk : Nauka. Sib. otd-nie, 1989. – 646 s.
2. YAstremskij, S. V. Grammatika yakutskogo yazyka : posobie dlya pedagogov. – Moskva : Uchpedgiz, 1938. – 228 s.
3. Radlov V. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen. – St.-P., 1908. – 86 s.
4. Kaluzynski S. Mongolische elemente in der jakutischen sprache. – Warszawa, 1961. – 90 s.
5. Haritonov, L. A. Sovremennyy yakutskij yazyk : Fonetika i morfologiya / L. A. Haritonov. – YAkutsk, 1947. – 306 s.
6. Ubryatova, E. I. Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka. T.2. Slozhnoe predlozhenie. Kniga pervaya / E. I. Ubryatova. – Novosibirsk : Nauka. Sib. otd-nie, 1976. – 214 s.
7. Ubryatova, E. I. Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. CH. 1. Fonetika. Morfologiya / E. I. Ubryatova. – Moskva : Nauka, 1982. – 496 s.
8. Antonov, N. K. Saha bilinŋi tyla. Morpoluoguja: ustud’uonŋa anallaah yorekh kinigete / N. K. Antonov, E. I. Korkina, P. A. Slepcev. – D’okuuskaj : Bichik, 2009. – 296 s.
9. Slepcev, P. A. Saha tylyn istoriyata / P. A. Slepcev. – YAkutsk, 2007. – 290 s.
10. Okoneshnikov, E. I. Lingvisticheskie aspekty terminologii yazyka Saha / E. I. Okoneshnikov. – YAkutsk, 2004. – S. 104-105.
11. Ivanov, S. A. Morfologicheskie osobennosti govorov yakutskogo yazyka / S. A. Ivanov. – Novosibirsk : Nauka, 2014. – 248 s.
12. Antonov, N. K. Imennoe slovoobrazovanie v yakutskom yazyke // Rukopis’ dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Antonov Nikolaj Klimovich. – 1951. Na 259 ll. Arhiv YANC SO RAN. F. 5. Op. 6. D. 135.
13. Filippov, G. G. Prichastiya v yakutskom yazyke: kompleksnoe tipologicheskoe funkcional’no-semanticheskoe issledovanie / G. G. Filippov. – YAkutsk : Izdatel’sstvo SVFU, 2014. – 606 s.
14. Popov, G. V. Slova ‘neizvestnogo proiskhozhdeniya’ yakutskogo yazyka. Sravnitel’no-istoricheskoe issledovanie / G. V. Popov. – YAkutsk, 1986. – 148 s.
15. Sevortyan, E. V. Affiksy imennogo slovoobrazovaniya v azerbajdzhanskom yazyke. Opyt sravnitel’nogo issledovaniya tyurkskikh yazykov / E. V. Sevortyan. – Moskva, 1966. – 437 s.
16. Ganiev, F. A. Suffiksals’noe slovoobrazovanie v sovremennom tatarskom yazyke / F. A. Ganiev. – Kazan’, 1974. – 231 s.
17. Kononov, A. N. Grammatika yazyka tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov VII–IX vv. / A. N. Kononov. – Leningrad, 1980. – 255 s.

А. В. Рахлеева

Этимология и семантика якутских цветообозначений, содержащих фонестему (а)ал(а)-, как отражение контраста света и тьмы в якутской культуре

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: aitalina0895@gmail.com

Аннотация. Световая семантика часто исследуется филологами в рамках изучения собственно цветообозначений только как периферийное явление, однако семантика света включает в себе архаичную, фундаментальную и универсальную основу культуры практически каждого народа – противопоставление света и тьмы. Недостаточное внимание исследователей также получают фонестемы – значения звуков. Поэтому в статье предпринята первая попытка рассмотреть звуковое сочетание (а)ал(а)- со значением ‘контраст света и тьмы’ в качестве элемента световой семантики и определить генезис фундаментального противопоставления света и тьмы в якутской культуре. Объектами исследования являются более 30 цветообозначений якутского языка, начинающиеся с фонестемы (а)ал(а)- и содержащие в своем значении контраст света и тьмы. Данные лексические единицы собраны методом сплошной выборки из лексикографических и диалектологических словарей якутского языка. Используются семантический, семный, этимологический, культурологический виды анализов, изучена этимология лексических единиц, проведен сравнительно-сопоставительный анализ их сем. Исследование показало, что в основе семантики слов с (а)ал(а)- в значении ‘контраст света и тьмы’ лежит яркая концентрация света на общем темном фоне, контраст света и тьмы, тепла и холода, мотивированный архаичным образом пламени – огня *аал уот* ‘священный огонь’ и солнца *аламай манган кун* ‘сияющее белое солнце’. Контраст светлых участков, окруженных темной зоной, лег в основу номинации разнообразных объектов окружающего мира якутов: слов, обозначающих масти животных и окрас (белые пятна, полосы, пестрота, пегость), свойств света (блеск, сияние, насыщенная яркость), географических объектов (открытые, т. е. светлые участки в лесу), переносных значений с позитивной коннотацией ‘ласковый’, ‘мягкий’, ‘добрый’ и т. д, а также элементы сакральной лексики. Перспективы исследования данной темы не исчерпываются данной работой, остается множество вопросов касательно этимологии световых лексем в целом, их семантика также требует дальнейшего более углубленного лексического и культурологического анализа, что может стать темой последующих научных изысканий.

Ключевые слова: цветообозначения, световая семантика, якутский язык, фонестема, звуко сочетание, сема, этимология, контраст, противопоставление света и тьмы, культурология.

Для цитирования: Рахлеева А. В. Этимология и семантика якутских цветообозначений, содержащих фонестему (а)ал(а)-, как отражение контраста света и тьмы в якутской культуре // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.66.18.002>

Исследование выполнено в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение No 075-15-2021-616).

РАХЛЕЕВА Айтали́на Влади́мировна – м. н. с. Международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики», аспирант ИЯКН СВ РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: aitalina0895@gmail.com

RAKHEEVA Aitalina Vladimirovna – Junior Researcher, international research laboratory «Linguistic Ecology of the Arctic», postgraduate student, Department of Yakut Language, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

A. V. Rakhleeva

Etymology and semantics of Sakha color terms with phonestheme (a)al- and the contrast of light vs. darkness in the Sakha culture

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
E-mail: aitalina0895@gmail.com

Abstract. Semantics of light is often observed by researchers merely within the framework of the color terms study. However, it reflects an interesting archaic, fundamental and universal principle, typical of many nations around the world – the opposition of light and darkness. Phonestemes, the meanings of sounds, also do not receive enough attention from linguists, compared to words. Therefore, in this article, the authors make the first attempt to consider the sound combination (a)al- with the meaning ‘contrast of light and darkness’ as a part of light semantics and to determine the genesis of the fundamental opposition of light vs. darkness in the Sakha culture. We study more than 30 Sakha color terms that begin with the (a)al- phonestheme and contain the contrast of light and darkness in their meaning. These lexical units were collected by continuous sampling from lexicographic and dialectological dictionaries of the Sakha language. We used semantic, etymological, culturological types of analyzes, as well as comparative analysis of senses. The study showed that the semantics of (a)al- words is based on a bright concentration of light on a dark background, as the contrast of light and darkness, heat and cold, which is motivated by the archaic image of flame – fire flame *aal uot* ‘sacred fire’ and flame of the Sun *alamai mangan kün* ‘shining white sun’. The contrast of light areas surrounded by a dark zone formed the basis for the nomination of various objects of the surrounding world: words denoting animal colors (white spots, stripes, variegation, pie baldness), properties of light (shine, radiance, saturated brightness), geographical objects (open, i.e. bright areas in the forest), figurative meanings with positive connotations ‘gentle’, ‘soft’, ‘kind’, etc., as well as elements of sacred vocabulary. The prospects for the study of this topic are not limited to this work, there are many questions regarding the etymology of light lexemes in general, their semantics also require further in-depth lexical and cultural analysis, which may become the topic of subsequent scientific research.

Keywords: color terms, light semantics, Sakha language, phonestheme, sound combination, sense, etymology, contrast, opposition of light and darkness, cultural studies.

For citation: Rakhleeva A. V. Etymology and semantics of Sakha color terms with phonestheme (a)al- and the contrast of light vs. darkness in the Sakha culture // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.66.18.002>

This research was funded by the grant No. 075-15-2021-616 from the Government of the Russian Federation for the project «Preservation of Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation».

Введение

Цветовые обозначения в тюркских языках создают субъективный образ объектов действительности и выражаются в стремлении осмыслить их через призму человеческого мировидения, в которых заложены этнокультурная составляющая и национально-специфическая ассоциация. Активное использование цветовых обозначений в этнических культурах объясняется преобладанием этих цветов в окружающей природе. Связь имен цвета с определенными культурно-значимыми эмоциональными состояниями и ситуациями позволяет рассматривать «цветовые обозначения как своеобразные концепты мировидения», т. к. сквозные образы значимы для конструирования национальных картин мира [1, 2]. В связи с этим интерес к изучению якутских цветовых обозначений обусловлен необходимостью выявления культурных ценностей этноса, выражающихся при использовании различных цветов и оттенков, которые выступают в функции идентификатора, участвуя в формировании языка, общественного сознания и описании объектов действительности.

Одним из универсальных и архаичных понятий практически в любом языке и любой культуре является противопоставление света и тьмы. Световая семантика якутского языка представляет собой широкое и разнообразное поле антонимических образов: *сырдык* ‘свет’ – *хараҥа* ‘тьма’, *тыҥ* ‘утренняя заря’ – *им* ‘вечерняя заря’ и т. д. [3]. В большинстве случаев исследователи изучают лексемы, обладающие явным значением ‘свет’ – ‘тьма’, тогда как фонемы – языковые фоносемантические единицы, объединенные практически идентичным набором фонем и содержащие похожий элемент значения (сему), редко попадают в поле зрения лексикологов, изучающих цветообозначения. Нами обнаружено более 30 слов в якутском языке, начинающихся с фонемы (а)ал(а)- и имеющих некоторые общие семы контраста света и тьмы и их вытекающие переносные значения: *аал* (в словосочетаниях типа *аал баҕах*, *Аал Луук Мас*, *аал уот*, *аал уххан*), *ала* (производные *алакаас*, *алалаа*, *алалаах*, *алалыы*, *алатый*, *алатык*, *аланха*, *аланхар*, *аланхадый*, *аланхалаа*), *аалай*, *аалай-чээлэй*, *алай* (и производные *алайаан*, *алайаана*, *аламаҕай*, *аламай*), *алаар*, *алаарый* (производные *алаархай*, *алабар*, *алабаркаан*), *алар*, *алаас*, *аалыы* (и производные *аалыылаах*, *аалыытыныы*, *аалыксий*, *аалыктаах*, *аалыктан*).

Научная новизна статьи заключается в том, что авторами будет предпринята первая попытка рассмотреть сочетание (а)ал(а)- ‘контраст света и тьмы’ в качестве фонемы световой семантики на материале якутского языка. Будут изучены связи между семой значения лексем с фонемой (а)ал(а)-, проведены параллели с архаичными формами для исследования развития семантики противопоставления «свет – тьма», что позволит нам внести вклад в определение генезиса и роли данного противопоставления в якутском языкознании. В статье учтены новые для якутского языкознания подходы и современные методы лингвистических исследований цветообозначений с точки зрения актуальных теоретико-методологических требований.

В современной лингвистике цветообозначающая лексика выступала объектом исследования с разных аспектов и направлений: лексико-семантического [5, 6], сравнительно-сопоставительного и исторического [7, 8, 9], психолингвистического и др. Семантику цветообозначений в тюркских языках в целом рассматривает ряд ученых, например, А. Н. Кононов [11], G. Doerfer [12] и т. д. Также проводятся исследования, в которых цветообозначения подвергаются специальному изучению в том или ином языке: в узбекском М. С. Садыкова [13], М. Ганиходжаева [14], в алтайском А. Н. Майзина [15], в киргизском К. Саматов [16] и др.

Среди основных работ, посвященных якутским цветообозначениям, необходимо упомянуть Л. Л. Габышеву, изучающую символические значения цветообозначений и их лексические значения как фрагмент мифопоэтической картины мира тюркских народов [2], А. К. Башарину, которая провела сопоставительный анализ семантики цветообозначений в якутском олонхо и русских былинах [17], а также Е. В. Саввину, исследующую в фило-софском аспекте роль цвета в традиционной этнической культуре якутов [18], и А. Е. Божедонову, специализирующуюся на цветообозначениях в олонхо [19].

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды лингвистов Ю. В. Норманской [9], Б. А. Мусукова [20], Л. Л. Габышевой [2, 3], Р. Т. Муратовой [21], М. А. Бодэ [22].

Вопрос соотношения звука и значения, плана формы и плана содержания до сих пор остается спорным. Несмотря на то что некоторые ученые, такие как Пьер Абеляр и Ф. де Соссюр считали языковой знак немотивированным, большинство других исследователей все же склоняются к тому, что в некоторых случаях существование звуко-смысловых соответствий не подвергается сомнению. Одним из основных понятий современной фо-

носемантики считается термин «фонестема», либо «звукокомплекс». Слово «фонестема» происходит от греч. *phone* ‘звук’ и *aisthema* ‘ощущение’ и впервые был введен лингвистом Дж. Р. Фертом в 1930 году [4, с. 9].

В якутской лингвистической традиции взаимосвязь звукового состава и лексического значения слова рассматривается неразрывно с образностью. Так, Л. Н. Харитонов в своей работе «Типы глагольной основы в якутском языке» заложил основу для изучения образности слов с точки зрения фоносемантики. В рамках данного исследования звукоподражательных и образных глаголов он находит такую взаимосвязь в некоторых корневых элементах якутского языка, например, *хал-* ‘вскользь, мимо’ (*халбай* ‘сбиваться с места, двигаться боком’, *халтарый* ‘скользить, поскользнуться’, *халый* ‘сбиваться с пути, уклониться в сторону, катиться, раскатиться, разлиться, заливать’, *халты* ‘вскользь’, *халаан* ‘разлив воды, половодье’, *халарык*, *холорук* ‘вихрь’ и др.). Он отмечает, что в якутском языке «многочисленны случаи, когда сходные по звуковому составу слова в сущности являются разновидностями одной и той же лексемы и различаются лишь по оттенкам значения» [23, с. 221, 258].

Фоносемантику образных слов далее рассматривает Л. А. Афанасьев, который выделил гласные и согласные идеофонемы якутского языка и охарактеризовал их выражаемое значение. Например, в свето-цветовых моделях звук *a* выражает интенсивность цвета (*балаар* ‘быть темно-мутным’, *сандаар* ‘сиять’), звук *o* – мутный, серый, тусклый свет (*болоор* ‘быть мутным’), звук *ø* – большую степень мутности (*бөлөөр* ‘быть густо мутным’) и т. п. [24, с. 10].

В. Д. Монастырев, Н. Н. Васильева и И. В. Аммосова выделяют фоноструктурную модель Б_Л с архисемой ‘располнеть’ в образных глаголах визуального восприятия. В результате анализа их корневой и аффиксальной части авторы устанавливают, что все гласные и согласные фонемы в составе моделей несут определенную семантическую нагрузку. К примеру, фонема *a* в моделях Б_Л, М_Л, ДБ_Л, НБ_Л, С_Л выражает «предельно большой объем, размер данной формы, отражает плотность тела, подчеркивая твердое его состояние, тяжелую, неуклюжую форму» [25, с. 75], фонема *э* – образ широкого, плоского вида чего-либо и др.

Методы исследования

В широком смысле термин «фонестема» означает одну фонему или устойчивое сочетание нескольких фонем, которые являются общими для некоторой группы слов с общим элементом значения. В узком понимании термина речь идет только о сочетании начальных согласных звуков, общем для группы слов с общим смысловым элементом. Мы будем использовать данный термин в его широком понимании, т. к. сочетание *(a)ал(a)-* состоит из гласного и согласного звуков.

М. А. Бодэ различает следующие типы фонестем: а) по позиции: начальные (инициальные), срединные и конечные (рифмующиеся); б) по количеству фонем: однофонемные, двухфонемные и трехфонемные; в) по фонемному составу: консонантные, вокально-консонантные (смешанные) и вокальные; г) по морфемному составу: префиксальные и корневые; д) по этимологии словарного состава: исконные, заимствованные и межъязыковые; е) по распространенности (общему количеству слов и разнообразию корней): нераспространенные и распространенные; ж) по объему значения: с широким значением и с узким значением [22]. Исходя из данной категоризации, фонестему *(a)ал(a)-* в якутском языке можно охарактеризовать как: начальную по позиции, двух- и трехфонемную по количеству фонем (для точного определения количества фонем необходимы дополнительные углубленные и комплексные исследования), вокально-консонантную по фонемному составу,

корневую по морфемному составу, исконную по этимологии, распространенную и с широким значением.

Фонестема **(а)ал(а)-** имеет два варианта: *ала-* и *аал-*, отсюда анализируемые лексемы можно разделить на две группы. Лексемы первой группы с вариантом *ала-* наиболее очевидно обладают архисемой 'контраст света и тьмы'. Основы данных слов состоят из корневого элемента *ала* и различных словообразовательных аффиксов: **ала** (производные *ала+-каас*, *ала+-лаа*, *ала+-лаах*, *ала+-лыы*, *ала+-тый*, *ала+-тык*, *ала+-нха*, *ала+-нха+-р*, *ала+-нха+-дый*, *ала+-нха+-лаа*), **алай** (и производные *ала+-й+-аан*, *ала+-й+-аан+-а*, *ала+-мабай*, *ала+-май*), *ала+-р*, *ала+-ар* (производные *ала+-ар+-ый* *ала+-ар+-хай*, *ала+-бар*, *ала+-бар+-каан*), *ала+ас*. Вторая группа *аал-* отличается начальной долгой *аа* и отсутствием конечного *а*: *аал*, *аал+-ай*, *аал+-ыы* (производные *аал+-ыы+-лаах*, *аал+-ыы+-тыныы*, *аал+-ык+-сый*, *аал+-ык+-таах*, *аал+-ык+-тан*). В этих лексемах архисема 'контраст света и тьмы' не так ярко прослеживается. Таким образом, фонестема **(а)ал(а)-** является достаточно продуктивным корневым элементом, к которому прикрепляются самые различные аффиксы.

В целях проведения исследования авторы используют комплексную методику: лексический анализ цветообозначений, содержащих фонестему **(а)ал(а)-**, в тесной связи с этнокультурными знаками якутов, семный и этимологический анализы, направленные на семантическую реконструкцию цветообозначающей лексики в якутском языке. Лексические единицы собраны путем сплошной выборки из основных лексикографических словарей якутского языка: том 1 «Толкового словаря якутского языка» (ТСЯЯ I), том 1 «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского (Пек. I), диалектологические словари (ДСЯЯ 1976, ДСЯС 1995). Основными источниками для этимологического анализа послужили этимологические словари (ДТС 1969, ССТМЯ 1975, ЭСТЯ 1674, 1989, ЭСЯЯ 2003).

Анализ

Для разбора семантических взаимоотношений между лексемами необходимо упорядочить достаточно большой список лексических единиц, разделив ее на семантически и этимологически более близкие группы. В каждой группе в той или иной степени определяются основное слово-ядро, первичное по происхождению и послужившее образованию новых лексем. Этимологический анализ проводится, как правило, согласно слову-ядру. Для семантического и семного анализа выявляются основные семы, а также выделяются общие для каждой группы элементы значения. Для простоты понимания группы названы собирательным образом, наиболее полно сочетающим все семы лексем одной группы.

Группа «бельмо»

Лексемы. **Ала I** '1. белобокий, в белых полосах поперек туловища, белополосатый (о рогатом скоте); 2. пегий, пестрый (о конном скоте); 3. пестрый, пятнистый', **ала II** 'скот белобокий, пестрой, пегой масти; пестрота, пятнистость чего-л.', **ала III** 'употребляется в качестве усилительной частицы со значением «очень, безмерно, крайне»' (ТСЯЯ I 384), 'бросающийся в глаза, отменный, явный' (Пек. I 62).

Производные от *ала*: **алакаас** 'пегий – о масти коровы' (ДСЯЯ 1976 43), **алалаа** '1. сделать пестрым, наводить, выводить пестроту; 2. перен. выделять особо (от всех остальных, однородных предметов); 3. перен. попевать местами, островками (о ягодах)' (ТСЯЯ, I: 396), **алалаах** 'пестрый, пестро-полосатый' (ТСЯЯ I 396), **алалыы** 'пестро, цветисто; пятнами (выступать)' (ТСЯЯ I 396), **алатый** 'стать полосатым, пестрым, пестреть' (ТСЯЯ I 401), **алатык** 'по-особому, особенным образом' (ТСЯЯ I 401), (ТСЯЯ I 142), **аланха** '1. сущ. проталины; голубоватый тающий весенний снег; 2. прилаг. созревший, поспевший островками, неодновременно (о ягодах, хлебе)' (ТСЯЯ I 399).

Производные от *аланха*: *аланхар* ‘созревать неодновременно, местами, там и сям’ (ТСЯЯ I 399), *аланхадый*, *аланхалаа* ‘приобретать неодинаковый, неоднородный вид, быть пестрым, неоднородным (напр., об увядающей природе)’ (ТСЯЯ I 399).

Этимология. Лексемы происходят от ДТ. *ala I* ‘пегий, в яблоках’; *ala II* ‘1. больной ложной проказой (~ песью, витилиго); 2. ложная проказа, песь, витилиго’ (ДТС 1969 33), *alar- I* иметь бельмо, покрыться пятнами (ДТС 1969 34), *alar- II* созреть (ДТС 1969 34), *a:la* ‘разноцветный, пегий, серо-нежно-лиловый, неодинаковый, с пробелами, кожная болезнь в виде белых пятен, перен. рознь, несогласие, перен. нечестность’ (ЭСЯ 1974 129).

Семантика. В семном анализе можно выделить следующие основные компоненты: ‘белобокий’, ‘полосатый’, ‘пятнистый’, ‘пестрый’, ‘пегий’, ‘явный’, ‘выделяющийся’, ‘проталина’, ‘иметь неоднородный вид’, ‘поспевать островками’. Лексема *ала* получило большое распространение в выражении масти животных – это может быть пегий окрас, либо покрытый пятнами или полосками. Приобретение неоднородного, контрастного вида развилось в значениях ‘поспевать неравномерными участками’, ‘образование проталин’, ‘пестреть’. Вероятно, чуть позже развилось переносное значение ‘явный’, ‘выделяющийся’, например, в устойчивых выражениях *ала бэлиэ* ‘бросающийся в глаза, особенно приметный; выделяющийся чем-л. на общем фоне, из однородных рядов’ (ТСЯЯ I 386); особенно приметно, особенно (сразу) бросается в глаза’ (Пек. I 62), *ала туйгун* ‘отменно отличный, отличнейший (по отношению к Хомпоруун Хотой)’ (Пек. I 62), т. к. в этимологических словарях оно не обнаружено как сформировавшееся отдельное значение.

Таким образом, общее значение лексем первой группы – ‘выделяющийся на общем фоне участок (участки) контрастного цвета’. Чаще всего подразумеваются белые участки на темном фоне, реже – наоборот.

Группа «солнце»

Лексемы. *Алай* ‘1. сиять, блистать (о солнце)’ (ТСЯЯ I 395); ‘о солнце: сиять в полном блеске’ (Пек. I 64).

Производные от *алай*: *алайаан* ‘ласкательные, преимущественно по отношению к детям, выражения «алайааныым!», «алайаана атасыам!»’ (Пек. I 64), *алайаана* ‘ясноглазая, ласковая (ласкательное слово о ребенке, девушке)’ (ТСЯЯ I 395), *аламабай* ‘1. ласковый, любезный, с мягким общительным характером. 2. перен. теплый и светлый (обычно об осенних днях, солнце) // мягкие, добрые, открытые (о глазах) // ласковый, мягкий, располагающий (о голосе, интонациях)’ (ТСЯЯ I 396), *аламай* ‘сияющий, ясный (о солнце), ласковый’ (Пек. I 65); ‘сияющий, блистающий, ясный; ласковый, приветливый (обычно о солнце) // светлый, теплый, сияющий (о небе, весне, лете)’ (ТСЯЯ I 397).

Этимология. Согласно «Этимологическому словарю якутского языка» глагол *алай* происходит от ДТ. *йал* 1. ‘вспыхивать, воспламеняться. 2. гореть, воспламеняться’ (ЭСЯ 2003 67), также см. *jal I* ‘обжигать, прижигать, припекать’ *jal II* ‘1. вспыхивать, воспламеняться. 2. гореть, воспаляться’, *jalin* ‘пламя’, *jalina-* ‘пылать’ и др. (ДТС 1969 227, 229).

Семантика. Выделяемые семы ‘сияние’, ‘блеск’, ‘светлый’, ‘ясный’, ‘теплый’, ‘ласковый’, ‘мягкий’, ‘добрый’, ‘солнце’, ‘взгляд’, ‘голос’ и др. Данные лексические единицы связаны с семантикой пламени, света, сияния, блеска, тепла и ласки. Очевидно, что все эти слова имеют явную положительную коннотацию, в основе которых, по нашему мнению, лежит образ солнца, которое обладает всеми свойствами, описанными в перечне сем. Это хорошо видно в устойчивом словосочетании *аламай манган кун*, который является постоянным эпитетом-формулой, живописующее благодатное солнце (ТСЯЯ I 398), солнце сияет и блестит на небе, даря свет и тепло. Семы ‘ласковый’, ‘мягкий’, ‘добрый’ образовались в переносных значениях.

Группа «поляна»

Лексемы. *Алаар* поэт. 'виднеться, бросаться в глаза своей сверкающей чистотой и блеском (обычно о небосводе, сверкающей поверхности воды, радуге)' (ТСЯЯ I 389), *алаарый* 'отличаться своею гладкостью и обширностью' (Пек. I 66) '2. поэт. раскидываться, простирается (обычно о светлой шири земли и неба). 3. поэт. озарять своими лучами (о солнце). 4. смотреть светлыми, широко раскрытыми глазами' (ТСЯЯ I 390).

Производные от *алаар* и *алаарый*: *алаархай* '1. сверкающий чистотой и блеском (обычно о небосводе, водной глади и др.) 2. широкий, светлый и мягкий (обычно о глазах)' (ТСЯЯ I 389), *алабар* 'широкий и гладкий' (Пек. I 64) '1. большие, выразительные; слегка косящие (о глазах); 2. перен, поэт. широкий, просторный и светлый (обычно о поляне)' (ТСЯЯ I 394), *алабаркаан* 'ласкательное от алабар' (Пек. I 64); поэт. '1. большие, нежные и красивые (о глазах); 2. перен. широкая, светлая, добрая (эпитет родной страны в народ. поэз.)' (ТСЯЯ I 394). Также к данной группе можно отнести лексемы *алар* 'лесок на открытом месте, роща' (ТСЯЯ I 400) и *алаас* 'алас, чистое поле или луг, окруженное лесом; чистая поляна среди леса, поле или луг, окруженные лесом (обычно с озерком посередине)' (ТСЯЯ I 391), т. к. оба представляют собой открытое (светлое) место, окруженное более густым (темным) лесом.

Этимология. Глагол *алаарый* происходит от ДТ. *алан*, ОТ. *алан*, *аланг* 'ровная, открытая и обширная местность', 'поле, долина, равнина, прогалина' и т.д. (ЭСЯЯ I 66, ЭСТЯ 1974: 134-135). Возможна корреляция с ДТ. *jalin*- 'раздеваться', *jaliŋ* 'нагой, голый, обнаженный' (ДТС 1969 227, 229). Севортян предполагает такое же происхождение от основы **йал*, что и *йалын* 'обнаженный, голый' -> т.е. 'лишенный растительности' (ЭСТЯ 1989 91). На связь с ДТ. *ala* 'пестрый, полосатый' указывал Ю. Немет – *alan* < *ala* 'пестрый, полосатый'? + аффикс -*n* (ЭСТЯ 1974: 135).

Семантика. Основные семы лексем данной группы: 'сверкающий', 'блестящий', 'чистый', 'светлый', 'озарять', 'гладкий', 'голый', 'обнаженный', 'простор', 'поляна', 'прогалина', 'лучи', 'солнце', 'выразительный', 'взгляд', 'добрый'. Интересно то, что многие семы идентичны с группой 3, даже сема 'взгляд'. Отличие заключается в том, что в основе лежит не сам источник света и тепла (т. е. солнце), а место, которое освещается им. Таким образом, обобщающим образом лексем группы 4 может считаться освещенная солнцем поляна, выделяющаяся на темном фоне густого леса благодаря отсутствию (или небольшому количеству) растительности.

Группа «яркость»

Лексемы. *Аалай* '1. ярко-красный, алый; румяный (цвет); 2. яркий, нарядный; прекрасный (поэт. эпитет)' (ТСЯЯ I 136), *аалай-чаалай* '1. ярко, броско, пестро и богато (украшаться, наряжаться); 2. цветущий, процветающий (о природе)' (ТСЯЯ I 136).

Этимология. Восходят к ДТ. *al* 'алый, ярко-красный, светло-красный, оранжевый, карий (о глазах)' (ДТС 1969 31-32), *a:l* 'алый (и оттенки красного, оранжевого); шелковая материя оранжевого цвета, которой покрывают седла коней (у государственных сановников); гвоздика' (ЭСТЯ 1974 126). В «Этимологическом словаре тюркских языков» отмечается, что «корень *al* (с кратким гласным) формально и семантически совпадает с индоевропейским *al-*, *ol-*, *el-* корнем для обозначения цвета со значением 'красный', 'коричневый', образует названия животных и пород дерева», «таким образом, можно говорить о встрече (или совпадении) алтайского и индоевропейского корней» (ЭСТЯ 1974 126).

Семантика. В двух разбираемых лексемах выделяются семы 'ярко-красный', 'алый', 'румяный', 'яркий', 'нарядный', 'броский', 'пестрый', 'богатый', 'цветущий'. Первые три являются собственно цветообозначениями различных оттенков красного, и характерны

для первого значения слова *аалай*. В современном якутском языке, оно, скорее всего, заимствовано из русского *алый*, который, в свою очередь, восходит к тому же тюркскому *a:l*. Значение *чаалай* ‘с белыми вкраплениями в шерсти основной окраски, чалый (напр., о масти лошади)’ может указывать на связь с семой ‘пестрый’, ‘броский’ (связь с *ала*), хотя также имеет место быть версия происхождения *чаалай* от *чээлэй*, *чээл* ‘нежно-зелёный, ярко-зелёный (цвет природы)’.

Группа «блеск металла»

Лексемы. *Аалыы* ‘блестящий, сверкающий металлическим блеском’ (ТСЯЯ I 144), *аалыылаах* ‘блестящий, сверкающий (обычно о блеске металла)’ (ТСЯЯ I 145), *аалыытынны* ‘блестя, сверкая металлическим блеском (в сочет. со словами золото, серебро, металл образует одно связанное значение)’ (ТСЯЯ I 145), *аалыксыый* ‘бледнеть, начинать вянуть (о растениях). // Обтереться местами, терять шерсть (о домашнем скоте, зверях)’ (ТСЯЯ I 141), *аалыктаах* ‘с продолговатой светлой полоской (обычно о масти лошади)’ (ТСЯЯ I 142), *аалыктан* ‘иметь светлое пятно или полоску (обычно об оперении птицы)’.

Этимология. Существительное *аалыы* образовано от глагола *аал* ‘тереть, протирать (очищая, натирая)’. Первично оно имеет предметное значение – представляется как процесс протирания некоего предмета, причем результатом данного действия чаще всего является натертость сильной степени (до блеска). Далее произошла адъективация, выражающая блеск металла, что подтверждается использованием лексемы *аалыы* вместе с наименованиями различных металлов: *аалыы көмүс хоруона* ‘блестящая золотая корона’, *алтан аалыы сэбирдэх* ‘медный блестящий лист’, *аалыы тимир атаһым* ‘блестящий металлический друг’ (про кошу) (ТСЯЯ I 144). В данных лексемах прослеживаются общие с другими группами семы ‘блестеть’ и ‘сверкать’, отличие заключается в появлении семы ‘металл’, т. е. данные слова, как правило, используются для передачи блеска металла. Стоит отметить, что понятие «блеск как отражение света» наблюдается и в словах других групп (блеск в глазах, блеск воды).

Несколько обособленно стоит лексема *аалыксыый*, которая, скорее, происходит от глаг. *аал* ‘тереть, протирать (очищая, растирая, натирая)’ (ТСЯЯ I 132), однако семантически имеют схожие с другими группами элементы значения ‘иметь неоднородный вид’, ‘пятнистый’. Связь с *аал* ‘тереть, протирать’ в целом ясна и хорошо видна во втором значении ‘обтереться местами, терять шерсть (о домашнем скоте, зверях)’ – подразумеваются натертые (светлые) места на контрастном (темном) фоне, придающие неоднородный окрас животным и появившееся в результате натирания. Первое значение выражает светлый оттенок, точнее, низкую сатурацию некогда насыщенного цвета. Вместе с тем, в якутском языке находим слово *аалык* ‘дышло (в собачьей упряжке); тяговый ремень через плечо, шлейка (в оленьей упряжке)’ (ТСЯЯ I 141), по-видимому, заимствованное из эвенкийского *alay* ‘лямка’ (ССТМЯ 1975 28).

Основная группа: *аал* «священное пламя»

Лексемы. К слову *аал* (в словосочетаниях *аал баҕах*, *Аал Луук Мас*, *аал уот*, *аал уххан*) в Толковом словаре якутского языка дается следующее определение ‘встречается в единичных сочетаниях в качестве постоянного эпитета, точное значение забыто, понимается как «священный и спасительный»’ (ТСЯЯ I 135). Рассмотрим значения словосочетаний с лексемой *аал*: *аал баҕах* арх. ‘из девяти почетных коновязей-сэргэ средняя, самая высокая и толстая, разукрашенная девятью резными орнаментами-опоясками’ (ТСЯЯ I 135), *Аал Луук Мас* фольк. ‘священное дерево страны олонхо’ (ТСЯЯ I 135), *аал уот* ‘название огня в знак преклонения пред его спасительной силой’, *аал уххан* миф. ‘священный очаг; дух священного очага (пред которым преклонялся древний якут)’ (ТСЯЯ I 136). Предпо-

ложительно, основной лексемой является *аал уот* ‘название огня в знак преклонения пред его спасительной силой’ (ТСЯЯ I 135).

Этимология. Этимологически лексему можно возвести к ДТ. *jal I* ‘обжигать, прижигать, припекать’ *jal II* ‘1. вспыхивать, воспламеняться. 2. гореть, воспалиться’, *jalın* ‘пламя’, *jalına-* ‘пылать’ и др. (ДТС 1969 227, 229) и к многозначному ОТ. *йалын* 1. обнаженный, нагой, голый, 2. пламя, блеск, молния. 3. умолять, кланяться (ЭСЯ 1989 104-107). О выпадении начального *j-* писал Г.В. Попов (ЭСЯ 2003 67). Интересно, что омонимичная форма ДТ. *jalın-* означает ‘1. раздеваться. 2. просить, умолять’ (ДТС 1969 227, 229). Корреляты первого значения ДТ. *jalın-* мы видим в словах группы «поляна» – голое, лишенное растительности место, ярко выделяющееся большим количеством света, озаренное солнцем. Второе значение ‘просить, умолять’, вероятно, связано с спасительной силой пламени и света для всего живого на земле – как солнца, так и костра, что и может придать яркое положительное значение для всех слов с фонестемой **(а)ал(а)-**. Все же позволим предположить, что в контексте *аал* больше подразумевается именно пламя костра, а не солнца, тесно связанное с сакральной, ритуальной и мифологической стороной жизни якутов. К примеру, архаичное междометие *аалыас!* является кличем шамана, выкрикиваемый при отгоне огнем злых духов (произносили также удаганки, размахивая зажженной конской гривой) (ТСЯЯ I 140). Видимо, производным от междометия является глагол *аалыастаа* ‘1. очищать, предохранять от всякой скверны, размахивая перед горящим камином прутом с конским волосом, освящать огнем; 2. окуривать одежду шамана при внесении в дом, раскачивая перед горящей на углях шерстью’ (ТСЯЯ I 140, ЭСЯ 53).

Обсуждение

Проведенный анализ лексем с фонестемой **(а)ал(а)-** в значении «контраст света и тьмы» показал, что в некотором смысле лексема *аал*, на наш взгляд, может являться центральной для понимания взаимосвязей слов с фонестемой **(а)ал(а)-**. Связующим все эти слова является яркий контраст концентрации света на темном фоне, а для первобытных сообществ основным источником света и тепла являлось пламя солнца и костра.

Солнце, появляясь в ночи, озаряет темные места, согревает землю. В данном контексте целесообразно вспомнить замечание Ф. Биррена: «все цивилизации на заре человеческого существования поклонялись солнцу, а от солнца происходили свет и цвет» [26]. Солнце, безусловно, самая яркая, блестящая и сияющая (т. е. контрастная) точка в дневное время суток. В ночное время суток практически единственным источником одновременно света и тепла остается костер. С визуальной точки зрения именно пламя костра является наиболее контрастной точкой в темной ночи. С функциональной точки зрения костер, пламя, огонь – наиболее важный объект в жизни древнего человека, позволяющий поддерживать тепло, дающий свет, по сути, обеспечивающий продолжение его жизни. Вследствие этого значение огня для народа саха огромно, отсюда и поклонение к духу огня, обретение сакрального, священного значения в якутской культуре.

Далее рефлексы в наших лексических группах в аспекте контраста света и темноты можно объяснить следующим образом.

Группа «бельмо» (*ала* и производные *алакаас*, *алалаа*, *алалаах*, *алалыы*, *алатый*, *алатык*, *аланха*, *аланхар*, *аланхадый*, *аланхалаа*) обозначает либо один контрастный светлый участок на темном фоне, либо несколько таких участков (пламя – это и есть контраст света и темноты), создающих пестроту, световую и цветовую неоднородность. Переносное значение *ала* ‘явный, выделяющийся’ является тому подтверждением.

Группа «яркий» (*аалай*, *аалай-чээлэй*) выражает уже обилие яркости, пестроты (следовательно, обилие контраста), также прослеживается цветовая параллель с различными оттенками красного как цвета пламени.

Группа «солнце» (*алай, алайаан, алайаана, аламабай, аламай*) связана прежде всего с пламенем от солнца как наиболее яркого, блестящего объекта природы (наибольшая концентрация света по сравнению с другими объектами) и источника света, тепла, жизни на всей земле, не только для человека. Следовательно, солнце воспринимается чем-то позитивным, что и повлекло за собой развитие переносных значений ‘ласковый’, ‘мягкий’, ‘добрый’.

Группа «поляна» (*алаар, алаарый* их производные *алаархай, алабар, алабаркаан + алар, алаас*) выражает не само солнце, а озаряемое им место, которое явно контрастирует и выделяется на общем темном фоне. Это место концентрации света появилось в результате отсутствия растительности или его небольшого количества по сравнению с основным более густо поросшим окружением, что, вероятно, развилось из значения ‘голый’ в значении ‘открытая местность’.

Группа «блеск металла» (*аалыы, аалыылаах, аалытыныны, аалыксы, аалыктаах, аалыктан*) используется для передачи блеска металла как зеркальное отражение света (не только блеск металла, в семантике других групп присутствуют значения ‘блеск в глазах’, ‘блеск воды’).

Этимологический анализ слов показал, что, безусловно, одинаковое происхождение лексем с фонестемой *(а)ал(а)-* может вызывать вопросы, все же некоторые совпадения представляются нам не случайными. Речь идет о различных совпадений элементов значений следующих древних форм, к которым восходят анализируемые лексемы: ОТ. *a:la* ‘разноцветный, пегий, серо-нежно-лиловый, неодинаковый, с пробелами, кожная болезнь в виде белых пятен’ (ЭСТЯ 1974 129), ОТ. *a:l* ‘алый (и оттенки красного, оранжевого); шелковая материя оранжевого цвета, которой покрывают седла коней (у государственных сановников); гвоздика’ (ЭСТЯ 1974 126), ОТ. *алан, аланг* ‘ровная, открытая и обширная местность, поле, долина, равнина, прогалина’ и т.д. (ЭСТЯ 1974 134-135), ОТ. *йалын* ‘1. обнаженный, нагой, голый, 2. пламя, блеск, молния. 3. умолять, кланяться’ (ЭСТЯ 1989 104-107).

В ЭСТЯ упоминается связь ОТ. *ala* ‘пестрый’, ОТ. *al* ‘алый’, ОТ. *алан-алар* ‘простор’. Отмечается, что «наряду с *a:la~ala* и проч. можно говорить об исторической реальности глагольного омонима **ala-* в некоторых языках» (ЭСТЯ 1974 129). Так, например, исходная основа в формах *алан-алар* может быть образована **ala-* + *n*. А Г. Вамбери связывал *ala* ‘пестрый’ с *al* ‘алый’ и проч., потому что считал собственным значением *ala* ‘окрашенный’ (ЭСТЯ 1974 130). На связь с ДТ. *ala* ‘пестрый, полосатый’ указывал и Ю. Немет – *алан < ala* ‘пестрый, полосатый’? + аффикс *-n* (ЭСТЯ 1974 135). Многозначная основа ОТ. *йалын* ‘1. обнаженный, нагой, голый, 2. пламя, блеск, молния. 3. умолять, кланяться’ (ЭСТЯ 1989 104-107) восходит к ОТ. *йал-* ‘вспыхивать, воспламеняться’. Возможна корреляция с ДТ. *jalin-* ‘раздеваться’, *jalij* ‘нагой, голый, обнаженный’ (ДТС 1969 227, 229). Севортян предполагает такое же происхождение от основы **йал*, что и *йалын* ‘обнаженный, голый’ -> т. е. ‘лишенный растительности’ (ЭСТЯ 1989 91).

Заключение

В фокусе внимания многих лингвистов, литературоведов и фольклористов чаще всего попадают собственно цветообозначения, а световая семантика исследуется как периферийное явление. Однако именно световая семантика, на наш взгляд, представляет собой интересную лексико-семантическую группу, содержащую фундаментальную и универсальную составляющую культуры практически любого народа – противопоставление света и тьмы. В якутском языке обнаружено более 30 лексем с фонестемой *(а)ал(а)-* в значении ‘контраст света и тьмы’.

Проанализированные нами лексемы в той или иной степени, но этимологически и семантически взаимосвязаны, обладают положительной коннотацией, имеют разнообразные совпадения сем даже в древнем периоде своего развития, что обусловило наличие одинаковых сем в современном якутском языке.

Именно выделение светлых участков, окруженных темной зоной, послужило появлению многих лексем – белых пятен, полосок, пестроты, пегости, открытых (т.е. светлых) участков в лесу, блеска, сияния, а также переносных значений ‘ласковый’, ‘мягкий’, ‘добрый’, ‘явный’ и т. д.

В основе их значения лежит яркая концентрация света на общем темном фоне, контраст света и тьмы, тепла и холода, который, судя по всему, мотивирован образом пламени. Сверкающее пламя солнца *аламай кун* является самой яркой точкой в светлое время суток, а священное пламя костра *аал уот* – в темное время суток. Пламя, солнце и огонь – наиболее важные объекты в природе и в жизни человека, позволяющие поддерживать тепло, дающие свет, и, тем самым, обеспечивающие продолжение жизни.

Перспективы исследования фонестемы (*аал(а)*)- в рамках световой семантики якутского языка далеко не исчерпываются данной работой. Более того, остается множество вопросов касательно этимологии световых лексем в целом, их семантика также требует дальнейшего более углубленного анализа, что, безусловно, может стать темой последующих научных изысканий.

Сокращения

ТСЯЯ I – Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с.

Пек. I – Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. I. Л.: Издание АН СССР, 1958. – 710 с.

ДСЯС 1995 – Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том / Сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995. – 296 с.

ДСЯЯ 1976 – Диалектологический словарь якутского языка: содержит свыше 8500 слов / сост.: П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. – Москва: Наука, 1976. – 390 с.

ДТС 1969 – Древнетюркский словарь / Редакторы: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л., 1969. – 676 с.

ССТМЯ 1975 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимол. словарю: В 2 т. Т. 1: А-К. / Отв. ред. В. И. Цинциус. Ленинград: Наука, 1975. – 672 с.

ЭСТЯ 1974 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / АН СССР. Ин-т языкознания. -М.: Наука, 1974. – 768 с.

ЭСТЯ 1989 – Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М.: Наука, 1989. – 291 с.

ЭСЯЯ 2003 – Попов Г.В. Этимологический словарь якутского языка. (А – Дь). – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с.

Литература

1. Белов, А. И. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолингвистики / А. И. Белов // Этнопсихолингвистика. – Москва : Наука, 1988. – С. 49–58.

2. Габышева, Л. Л. Символические значения имени красного цвета в языках и культуре тюркских народов / Л. Л. Габышева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2019. – № 6. – С. 57–65.

3. Габышева, Л.Л. Метафорика света и тьмы в языке и фольклоре якутов / Л. Л. Габышева // Русистика на Северо-Востоке России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона : инновационные практики : сборник материалов IV Международной очно-заочной научно-практической конференции, Якутск-Харбин, 01–20 ноября 2018 года. – Якутск–Харбин : Среда, 2018. – С. 49–56.

4. Magnus M. (2001). What's in a Word? Studies in Phonosemantics. Norwegian University of Science and Technology, 202 p.

5. Berlin B., Kay P. (1969). Basic color terms. Their universality and evolution. – Berkley and Los Angeles: The University of California Press, 178 p.
6. Вежицкая, А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия / А. Вежицкая // Язык. Культура. Познание. – Москва : Русские словари, 1996. – С. 231–290.
7. Дыбо, А. В. Основные цветообозначения в кельтских языках / А. В. Дыбо, Т. А. Михайлова, Ю. В. Норманская // Московский лингвистический журнал. – 2002. – Т. 6, № 1. – С. 7–52.
8. Кезина, С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект) / С. В. Кезина. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2008. – 304 с.
9. Норманская, Ю. В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках / Ю. В. Норманская. – Москва : С&К, 2005. – 379 с.
10. Габышева, Л. Л. Семиотика пространства и цвета : запад – мир предков – желтый цвет (на материале традиционной культуры тюркских народов) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kuuaar.ru/index?id=46> (дата обращения 18.04.2023).
11. Кононов, А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках / А. Н. Кононов // Тюркологический сборник, 1975. – Москва : Наука, 1978. – С. 159–179.
12. Doerfer G. (1995). Türkische Farbbezeichnungen und Pferdezucht // Central Asiatic Journal. Vol. 39. Pp. 208–227.
13. Садыкова, М. С. Слова, обозначающие цвет и окраску в узбекском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. С. Садыкова. – Ташкент, 1963. – 15 с.
14. Ганиходжаева, М. Прилагательные цвета узбекского языка в сравнительно-историческом аспекте : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ганиходжаева Мунира. – Ташкент, 1986. – 185 с.
15. Майзина, А. Н. Семантическое поле цветообозначений алтайского языка в сопоставлении с монгольским языком : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Майзина Аржана Николаевна. – Горно-Алтайск, 2006. – 208 с.
16. Саматов, К. Цветообозначающая лексика в кыргызском языке : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Саматов Кутатбек. – Бишкек, 1997. – 171 с.
17. Башарина, А. К. Семантика цветообозначений в фольклорных текстах (опыт сопоставительного анализа якутского олонхо и русских былин) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Башарина Анна Карловна. – Москва, 2000. – 20 с.
18. Саввина, Е. В. Цвет в традиционной этнической культуре якутов : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Саввина Елизавета Валерьевна. – Якутск : Издательство ЯГУ, 2001. – 20 с.
19. Божедонова, А. Е. Семантика ахроматических цветообозначений в эпических текстах : (сопоставительный анализ на материале текстов якутского, алтайского, хакаского эпосов) / А. Е. Божедонова – DOI 10.25587/k4197-4798-2737-o // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Эпосоведение. Epic Studies». – 2020. – №3 (19). – С. 107-117. – URL: <https://epossvfu.ru/index.php/1/article/view/259/245> (дата обращения: 05.03.2023).
20. Мусуков, Б. А. Лексико-семантическое поле слова ала ‘пестрый, разноцветный; пегий’ в тюркских языках / Б. А. Мусуков // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 2. – С. 300–304.
21. Муратова, Р. Т. Цветообозначающая лексика башкирского языка в структурно-семантическом аспекте / Р. Т. Муратова – DOI: 10.17308/lic.2021.3/3589 // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – №3. – С. 122–129. (дата обращения: 16.03.2023).
22. Бодэ, М. А. Понятие, типология, языковая сущность фонестемы / М. А. Бодэ // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – №3. [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/03/65297> (дата обращения: 25.02.2023).
23. Харитонов, Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке / Л. Н. Харитонов. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1954. – 312 с.
24. Афанасьев, Л. А. Фоносемантика образных слов якутского языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л. А. Афанасьев. – Якутск, 1993. – 17 с.

25. Монастырёв, В. Д. Фонетические средства выражения семантики образности в якутском языке (на материале образных глаголов с общей архисемой 'располнить') / В. Д. Монастырёв, Н. Н. Васильева, И. В. Аммосова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2022. – №3(40) – С. 71–79.
26. Birren, F. Color and Human Response. Van Nostrand Reinhold Company, New York, 1978, 141 pp.

References

1. Belov, A. I. Cvetovye etnoejdemy kak ob'ekt etnopsiholingvistiki / A. I. Belov // Etnopsiholingvistika. – Moskva : Nauka, 1988. – S. 49–58.
2. Gabysheva, L. L. Simvolicheskie znacheniya imeni krasnogo cveta v yazykah i kul'ture tyurkskih narodov / L. L. Gabysheva // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. – 2019. – № 6. – S. 57–65.
3. Gabysheva, L.L. Metaforika sveta i t'my v yazyke i fol'klore yakutov / L. L. Gabysheva // Rusistika na Severo-Vostoke Rossii i v stranah Aziatsko-Tihookeanskogo regiona : innovacionnye praktiki : sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj ochno-zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, YAkutsk-Harbin, 01–20 noyabrya 2018 goda. – YAkutsk–Harbin : Sreda, 2018. – S. 49–56.
4. Magnus M. (2001). What's in a Word? Studies in Phonosemantics. Norwegian University of Science and Technology, 202 p.
5. Berlin B., Kay P. (1969). Basic color terms. Their universality and evolution. – Berkley and Los Angeles: The University of California Press, 178 p.
6. Vezhbickaya, A. Oboznacheniya cveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya / A. Vezhbickaya // Yazyk. Kul'tura. Poznanie. – Moskva : Russkie slovari, 1996. – S. 231–290.
7. Dybo, A. V. Osnovnye cvetooboznacheniya v kel'tskih yazykah / A. V. Dybo, T. A. Mihajlova, YU. V. Normanskaya // Moskovskij lingvisticheskij zhurnal. – 2002. – T. 6, № 1. – S. 7–52.
8. Kezina, S. V. Semanticheskoe pole cvetooboznachenij v russkom yazyke (diahronicheskij aspekt) / S. V. Kezina. – Penza: PGPU im. V.G. Belinskogo, 2008. – 304 s.
9. Normanskaya, YU. V. Genezis i razvitie sistem cvetooboznachenij v drevnih indoevropejskikh yazykah / YU. V. Normanskaya. – Moskva : S&K, 2005. – 379 s.
10. Gabysheva, L. L. Semiotika prostranstva i cveta : zapad – mir predkov – zhelytyj cvet (na materiale tradicionnoj kul'tury tyurkskih narodov) [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.kuyaar.ru/index?id=46> (data obrashcheniya 18.04.2023).
11. Kononov, A. N. Semantika cvetooboznachenij v tyurkskikh yazykah / A. N. Kononov // Tyurkologicheskij sbornik, 1975. – Moskva : Nauka, 1978. – S. 159–179.
12. Doerfer G. (1995). Türkische Farbzeichnungen und Pferdezucht // Central Asiatic Journal. Vol. 39. Pp. 208–227.
13. Sadykova, M. S. Slova, oboznachayushchie cvet i okrasku v uzbekskom yazyke : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / M. S. Sadykova. – Tashkent, 1963. – 15 s.
14. Ganihodzhaeva, M. Prilagatel'nye cveta uzbekskogo yazyka v sravnitel'no-istoricheskom aspekte : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Ganihodzhaeva Munira. – Tashkent, 1986. – 185 s.
15. Majzina, A. N. Semanticheskoe pole cvetooboznachenij altajskogo yazyka v sopostavlenii s mongol'skim yazykom : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Majzina Arzhana Nikolaevna. – Gorno-Altajsk, 2006. – 208 s.
16. Samatov, K. Cvetoboznachayushchaya leksika v kyrgyzskom yazyke : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Samatov Kutatbek. – Bishkek, 1997. – 171 s.
17. Basharina, A. K. Semantika cvetooboznachenij v fol'klornykh tekstah (opyt sopostavitel'nogo analiza yakutskogo olonho i russkikh bylin) : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Basharina Anna Karlovna. – Moskva, 2000. – 20 s.
18. Savvina, E. V. Cvet v tradicionnoj etnicheskoy kul'ture yakutov : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk / Savvina Elizaveta Valer'evna. – YAkutsk : Izdatel'stvo YAGU, 2001. – 20 s.
19. Bozhedonova, A. E. Semantika ahromaticeskikh cvetooboznachenij v epicheskikh tekstah : (sopostavitel'nyj analiz na materiale tekstov yakutskogo, altajskogo, hakasskogo eposov) / A. E. Bozhedonova

– DOI 10.25587/k4197-4798-2737-o // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Vestnik of North-Eastern Federal University. Seriya «Eposovedenie. Epic Studies». – 2020. – №3 (19). – S. 107-117. – URL: <https://epossvfu.ru/index.php/1/article/view/259/245> (data obrashcheniya: 05.03.2023).

20. Musukov, B. A. Leksiko-semanticheskoe pole slova ala 'pestryj, raznocvetnyj; pegij' v tyurkskih yazykah / B. A. Musukov // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. – 2019. – T. 8. – № 2. – S. 300–304.

21. Muratova, R. T. Cvetoboznachayushchaya leksika bashkirskogo yazyka v strukturno-semanticheskom aspekte / R. T. Muratova – DOI: 10.17308/lic.2021.3/3589 // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2021. – №3. – S. 122–129. (data obrashcheniya: 16.03.2023).

22. Bode, M. A. Ponyatie, tipologiya, yazykovaya sushchnost' fonestemy / M. A. Bode // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. – 2016. – №3. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/03/65297> (data obrashcheniya: 25.02.2023).

23. Haritonov, L. N. Tipy glagol'noj osnovy v yakutskom yazyke / L. N. Haritonov. – Moskva ; Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954. – 312 s.

24. Afanas'ev, L. A. Fonosemantika obraznyh slov yakutskogo yazyka : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / L. A. Afanas'ev. – Yakutsk, 1993. – 17 s.

25. Monastyrov, V. D. Foneticheskie sredstva vyrazheniya semantiki obraznosti v yakutskom yazyke (na materiale obraznyh glagolov s obshchej arhisemoj 'raspolnet') / V. D. Monastyrev, N. N. Vasil'eva, I. V. Ammosova // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. – 2022. – №3(40) – S. 71–79.

26. Birren, F. Color and Human Response. Van Nostrand Reinhold Company, New York, 1978, 141 pp.

Научный руководитель – Малышева Н.В., к. филол. н., ведущий научный сотрудник, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

– ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ –

DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.75.13.003

УДК 81'25

Е. С. Герасимова

Особенности перевода песен с русского на якутский язык

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: ges1970@mail.ru

Аннотация. В данной статье излагаются основополагающие понятия об особенностях музыкально-поэтического перевода, произведен сравнительно-сопоставительный анализ русско-якутских соответствий при переводе песен для детей и взрослых, а также рассмотрены и выявлены основные особенности переведенных песен для детей и взрослых с русского на якутский язык. Целью данного исследования является выявление особенностей перевода песен с русского на якутский язык. Исходя из цели исследования решаются следующие задачи: 1) изучение общих вопросов художественного поэтического перевода; 2) определение особенностей музыкально-поэтического перевода; 3) лингвистический анализ песен, переведенных с русского на якутский язык; 4) выявление особенностей перевода песен с русского на якутский язык. Теоретической и методологической основой исследования послужили труды В. В. Виноградова, И. С. Алексеевой, Т. А. Казаковой, С. Т. Руфова, Л. Е. Манчуриной и др. В соответствии с целью и задачами данной работы применяются описательный, сравнительно-сопоставительный, количественный методы исследования.

Ключевые слова. Художественный перевод, музыкально-поэтический текст, русско-якутский перевод, строфа, ритм, размер, рифма, длина лексических единиц, песня, мелодия, пауза в мелодии.

Для цитирования: *Герасимова Е. С.* Особенности перевода песен с русского на якутский язык // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.75.13.003>

E. S. Gerasimova

Features of the translation of songs from Russian into the Yakut language

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
E-mail: ges1970@mail.ru

Abstract. Russian Russian-Yakut correspondences in the translation of songs for children and adults are described in this article, the basic concepts of the features of musical and poetic translation are presented, a comparative analysis of the Russian-Yakut correspondences in the translation of songs for children and

ГЕРАСИМОВА Евдокия Софроновна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: GES1970@mail.ru

GERASIMOVA Evdokia Sofronovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

adults is made, and the main features of the translated songs for children and adults from Russian into the Yakut language are considered and identified. The relevance of the topic is due to the fact that recently there has been a decrease in the number of young people speaking the Yakut language. The purpose of this study is to identify the features of the translation of songs from Russian into the Yakut language. Based on the purpose of the study, the following tasks are solved: Russian Russian translation: 1) Study of general issues of artistic poetic translation; 2) Determination of the features of musical and poetic translation; 3) Linguistic analysis of songs translated from Russian into Yakut language; 4) Identification of the features of the translation of songs from Russian into Yakut language. The theoretical and methodological basis of the research was the works of V.V. Vinogradov, I.S. Alekseeva, T.A. Kazakova, S.T. Rufov, L.E. Manchurina and others. In accordance with the purpose and objectives of this work, descriptive, comparative, quantitative research methods are used.

Keywords. Literary translation, musical and poetic text, Russian-Yakut translation, stanza, rhythm, size, rhyme, length of lexical units, song, melody, pause in melody.

For citation: *Gerasimova E. S.* Features of the translation of songs from Russian into the Yakut language // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.75.13.003>

Введение

Стихотворное произведение в художественном переводе из-за многочисленных ограничений является одним из самых сложных жанров: «Поэтическая форма традиционно поставлена в жесткие рамки ограничений. Ритм, размер, количество стоп, рифма, тип чередования рифм, каденция, строфа, рефрен, звукопись – это также особенности формы, которые, сочетаясь, придают стиху особый параметр музыкальности, а также внутренние каркасные балки, которые объединяют архитектурное сооружение в неотразимую привлекательность. Ни в каком другом тексте игра форм не имеет такого важного значения, нигде больше эстетическая информация не представлена такой концентрацией средств, как в поэзии. Поскольку, как мы уже выяснили, в художественном тексте доминирует эстетическая информация, то доминантами перевода являются все названные формальные особенности» [1, с. 318]. Кроме того, особенно важно передать эмоциональный оттенок стихотворного произведения: «в художественных, особенно в поэтических, произведениях очень важна информация эмоционально-экспрессивная, создаваемая особым отбором выразительных средств, рассчитанных на определенное воздействие на читателя» [2, с. 9].

Поэт, переводчик С. Т. Руфов считает, что при переводе стихотворного произведения необходимо не только передать содержание и смысл произведения, но и сохранить его объем. Он уделяет особое внимание стилю стихосложения. Так, в удачном стихотворении применяются следующие виды рифм: неточная: *турар – сытар* (ра-тар); дактилическая (трехсложная): *астаммат – батастаммат* (астаммат – астаммат); гипердактилическая (многосложная): *батыһыннар – хатыһыннар* (атыһыннар-атыһыннар), *хатыһыннарбыттааҕар – сырыһыннарбыттааҕар* (ыһыннарбыттааҕар – ыһыннарбыттааҕар – 7 слогов); составная: *ый ыты тыгар – ыйытытыгар, кэбилэтий – илэ тий*; омонимическая: «туох ааттаах тыларыбыт *өрүһүй* (река) – тыым миигин өлөртөн *өрүһүй* (спаси)» [3, с. 208]. По мнению С. Руфова, одним из недостатков стихосложения является то, что в нем не соблюдается рифма и количество слогов. И подчеркивается, что классическая форма называется классической из-за отсутствия ошибок.

Перевод музыкально-поэтического текста значительно отличается от других видов перевода. Одним из основных требований является не только внешний вид текста песни, но и содержание перевода. Перевод песни можно назвать одной из самых сложных сторон переводческой техники: «Перевод музыкально-поэтических текстов самообразован и существенно отличается от остальных видов перевода художественных текстов. Отличие

заклучалось не только во внешней форме текста песни, но и в самом подходе к переводу. Технику перевода песни можно по праву назвать одной из самых сложных, так как в этом случае от переводчика требуется не только глубокое знание языка, но и задатки поэта, чувство ритма и обширные познания общественно-культурного аспекта языкового перевода» [4, с. 72].

Во-первых, перевод должен быть эквиритмическим. Отличительной особенностью этого перевода является сохранение стихотворного размера, а именно слогов, ударов и ритма чтения: «Принято выделять два вида эквиритмического перевода: полный и частичный. При полном эквиритмическом переводе переводчик стремится в полной мере воссоздать стихотворную форму оригинала на переводящем языке, при котором музыкальное исполнение в соотношении с ритмом ничем не будет отличаться от исходного текста. Другими словами, достигается полная музыкальная синхронизация текстов перевода и оригинала. Для частичной или эквиритмичности допустимо в строке не придерживаться точного словоразделения и расстановки ударений, одно обязательное сохранение размера и окончания рифмы» [3, с. 72]. То есть при эквиритмическом переводе достигается полное музыкальное сочетание текста перевода.

Во-вторых, возникает разделение отрезков текста паузами, обусловленными ритмом и мелодией произведения. Они не всегда совпадают, в результате чего может получиться длинный разрыв в смысловой цепи (например, разрыв темы и реминисценции), и смысл предложения, заложенный в строку, теряется. В особенности это характерно для песен с медленным ритмом, который обуславливает наличие длинных пауз. Также необходимо учитывать особенности культур при передаче чужого языка: «Для максимально точной передачи смысла и абсолютного соотношения форм существуют другие критерии, которые могут максимально сближать оригинал и перевод или, напротив, полностью отличать их друг от друга. Необязательно учить, что одно и то же слово может по-разному оцениваться в той или иной языковой среде, точно так же это применимо ко всему тексту. При правильном переводе, укладываемом в мелодию произведения, в культуре языкового перевода используемые языковые средства (например, лексические) могут показаться обыденными и бледными – «недостойными» поэтического текста» [3, с. 73-74].

Здесь уместно указать о требованиях к языку якутских песен. Так, известные якутские поэты отмечают, что «язык песни должен быть простым, легко запоминающимся, ритм, рифма должны быть соблюдены. А гармония звуков улучшает звучание песни» (Семен Данилов), «прежде всего, язык песни должен быть прост, но поэтичен, как и сама песня. Непонятные фразы и использование длинных слогов в середине строк лишают песню музыкальной выразительности. Ритм песни должен быть четким и правильным» (Иннокентий Сосин). А якутский певец и композитор Христофор Максимов отмечает, что «если все стихотворение наполнено “умными”, “задумчивыми” строками, не связанными друг с другом, то пение никто не примет» [6].

Л. Е. Манчурина отмечает, что песня сочиняется на основе стиха, а при стихосложении большое значение придавалось языку стиха: «Ырыа – тыл уонна музыка искусствота буолар. Ырыа диэн хоһоон уонна мелодия искусствота. Сороҕор ырыаны толоруу искусствотун курдук эмиэ сыаналыыллар. Туох да диэбит иһин, ырыа үксүгэр тыллаах буолар, оттон сахалыы ырыа төрөөбүт тылын, ийэ тылын суруллар хоһоонун айымньы буолар. Атыннык эттэххэ, ырыа хоһоонно айыллар эбэтэр бэлэм муусукаҕа хоһоон суруллар. Хоһоон ырыа туллар тутаҕа, дьардыамата, этэ-сиинэ, тыына, дууһата буолар. Онон хоһоон хайдаҕыттан (табыллыбыт/табыллыбатах, үчүгэй/куһаҕан, сытыы/сыппах, нарын/модороон) хайдах ырыа тахсара улахан тутулуктаах» [6].

Таким образом, при переводе песни необходимо знать технику перевода песни, что требует от переводчика не только глубокого знания языков исходного и переведенного текстов, но и задатков поэта, чувства ритма и обширных познаний общественно-культурного аспекта языкового перевода. Перевод должен быть эквиметрическим, то есть переводчик должен сохранить стихотворный размер, а именно слогов, ударов и ритма чтения. И учитывать длину лексических единиц, то есть возможное удлинение или уменьшение слов при переводе; паузу в мелодии, то есть разделение отрезков текста паузами, обусловленными ритмом и мелодией произведения; особенности культур при передаче чужого языка. А также слова песни должны быть простыми, легко запоминающимися, ритм и рифма должны быть соблюдены. Необходимо также соблюдать гармонию звуков в переведенном тексте, что улучшает звучание песни. Переводчик должен обладать искусством пения, то есть искусством стиха и мелодии.

Перевод песен для детей

Песня относится к малому лирическому жанру, в котором поэтический текст неразрывно связан с мелодией. Она носит в себе историю народной души, явленную в слове и переложенную в музыку. Песня является поэтическим творчеством, где большую роль играет язык и мотив песен. Немаловажную роль в развитии детской речи и обогащению словарного запаса может сыграть песня, переведенная с русского на якутский язык. Основываясь на мотивах, которые ребенок привык слышать на русском языке, быстрее и легче будет воспринимать песни на якутском языке. Поэтому необходимо изучить песни, которые были переведены с русского на якутский язык. В качестве материала исследования включили популярные песни, которую любили все дети, независимо от национальности.

“Чему учат в школе?” – “Оскуолаҕа туохха үөрэтэллэрий?”. В этой песне рассказывается о том, какие знания ребенок получает в школе. В переводе песни используется адекватная замена: *Буквы разные писать* – Буукубаны билэргэ, *Тонким перышком в тетрадь* – *Өһүөр-ойуу тиһэргэ*, *И воспитанными быть* – *Сэмэй буола үүнэргэ*. *Находить восток и юг* – *Илин, арҕаа ханнатын*, *Рисовать квадрат и круг* – *Түөрт муннукпут быһыытын*.

Наблюдается опущение слов в целях выравнивания количества слогов в переведенном тексте: *Буквы разные писать* – Буукубаны билэргэ, *Учат в школе* – *Оскуолаҕа*, *По слогам читать слова* – *Сүһүөхтэри ааҕарга*, *Про глагол и про тире* – *Туохтуурдары туттары*, *Рисовать квадрат и круг* – *Түөрт муннукпут быһыытын*. А опущение достигается путем добавления слов в других строках: *И не путать никогда Острова и города* – *ары куорат буолбатын*, *хайа тааһын*, *сир аатын*, *И про дождик на дворе* – *Тобураҕы*, *самыры*.

При изменении частей речи глагол заменяется на причастие и деепричастие: *вычитать и умножать*, (глагол) – *көбүрэтэ, төгүллүү* (сыһыат туохтуур), *малышей не обижать* (глагол) – *кыралары көмүскүү* (сыһыат туохтуур), *буквы разные писать* (глагол) – *буукубаны билэргэ* (аат туохтуур), *к четырем прибавить* (глагол) два – *түөркэ иккени эбэргэ* (аат туохтуур), *книжки добрые любить* (глагол) – *книгэни таптыырга* (аат туохтуур).

Количество слогов в строках в основном равны, только в одном месте наблюдается расхождение. Так, во втором куплете в оригинале 7 слогов, а в переводе добавлен один слог: *К четырем прибавить два* (7) – *Түөркэ иккени эбэргэ* (8). Это, конечно, создает трудности для пения. В переводе сохраняются рифмы: *писать / тетрадь* – *билэргэ / тиһэргэ*, *умножать / не обижать* – *төгүллүү / көмүскүү*, *два / слова* – *эбэргэ / ааҕарга*, *любить / быть* – *таптыырга* – *үүнэргэ*, *юг / круг* – *ханнатын / быһыытын*, *никогда / города* – *буолбатын / сир аатын*, *тире / на дворе*, *туттары / самыры*, *дружить / дорожить* – *буоларга / эрэлгэ*. Содержание песни в переводе полностью передано.

“Маленькой ёлочке холодно зимой” – “Кыракый харыйа таһырдыа тонмут”. В этой песне дано художественное описание новогодней елки, обычно эта песня исполняется в хороводе вокруг елки. Слова песни простые, понятные.

Для того, чтобы слоги в слове были равными, в якутском переводе уменьшительно-ласкательные суффиксы не используются: *елочка – харыйа; шарики, пряники – оонньуур*. Используется адекватная замена: *Сколько на елочке Шариков цветных, Розовых пряников, Шишек золотых – Кэрэчээн харыйа Күлүмнүү турар, Төгүрүк оонньуурдаах, Көмүс туюу-раахтаах*. В переводе используются узуальные номы якутского языка: *Маленькой елочке Холодно зимой – Кыракый харыйа Таһырдыа тонмут*.

Перекрестная рифма в якутском переводе передана гармонией гласных звуков: *Маленькой елочке Холодно зимой. Из лесу елочку Взяли мы домой – Кыракый харыйа Таһырдыа тонмут. Ситэммит кинини Дьыбэ киллэриэх*. В каждой строфе переведенного текста все слоги равны, и строфа поется безошибочно и легко.

“Облака” – “Былыттар”. Песня написана с целью воспитания у детей любви к природе и наблюдению за природой. Переводчик в основном использует адекватные приемы контекстуального перевода: *яблоко – төгүрүк, белого – ыйданалаах, белогривые – кылбаа манан* (метонимический перевод), *прокатите – көччүтүн* (стилистический синоним), *заоблачная даль – ахсым былът* (стилистический и узуальный синоним); *ромашка – сибэкки* (генерализация).

В начале песни повтор в двух первых строках передан в переводе: *Мимо белого яблока луны, Мимо красного яблока заката – Ыйданалаах төгүрүк ыйы, Саһарҕалаах төгүрүк күнү*. Количество слогов в переводе нарушается в нескольких местах, т. е. в якутском варианте не хватает одного-двух слогов (табл. 1).

Таблица 1

Количество слогов в оригинале и переводе песни

Оригинал песни	Перевод на якутский язык
Мимо белого яблока луны, 10 Мимо красного яблока заката 11 Облака из неведомой страны 10 К нам спешат, и опять бегут куда-то. 11	Ыйданалаах төгүрүк ыйы, 9 Саһарҕалаах төгүрүк күнү 9 Аттынан былъттар усталлар, 9 Тиэтэйэн-саарайан ааһаллар. 9
Облака – белогривые лошади! 11 Облака – что вы мчитесь без оглядки? 11 Не смотрите вы, пожалуйста, свысока, 12 А по небу прокатите нас, облака! 12	Былыттар, кылбаа манан сылгыларым! 11 Былыттар, тоҕо эргиллэн көрбөккүт? 11 Өнөйүмэн дуу халлаантан, үөһээтэн 11 Олордоннот көччүтүн дуу, былъттар! 11
Мы помчимся в заоблачную даль, 10 Мимо гаснущих звезд на небосклоне. 11 К нам неслышно опустится звезда, 10 И ромашкой останется в ладони! 11	Ахсым былът айанын уйан, 9 Сайдыам сулус өһөр саҕабын. 9 Сулусчаан оргуудук түһүөҕэ 9 Тутааппын сибэкки буолуоҕа 9

Такое явление, безусловно, является одним из серьезных недостатков переводной песни. Однако, в целом, можно утверждать, что содержание и смысл текста песни переданы.

“Песенка львенка и черепахи” – “Хахайчаан уонна черепаха ырыалара”. Песня о беззаботном детстве без всяких проблем. В песне одно и то же слово повторяется несколько раз, что переводчик передал эквивалентом: *лежу, гляжу – сытабын, көрөбүн*. В русском языке слово *солнышко* с уменьшительным суффиксом переводится как *күн*, букв. *солнце*. Потому что, во-первых, солнце является священным понятием для якутов; во-вторых, при

переводе приемом кальки нарушается количество слогов, и пение становится невозможным.

Названия животных, отсутствующих в якутском языке, даны способом транслитерации: *Крокодил – Крокодил, носорог – носорог*. Здесь также используется метод транслитерации при повторении последних слогов: *дил-дил – дил-дил, рог-рог – рог-рог*. Наблюдается уместное использование узувальной нормы якутского языка: *Я на солнышке лежу – Мин сыламны сытабын*.

Таблица 2

Количество слогов в переводе ни в одной строке не нарушается

Оригинал песни	Перевод на якутский язык
Я на солнышке лежу, 7 Я на солнышко гляжу, 7 Всё лежу и лежу, 6 И на солнышко гляжу. 7	Мин сыламны сытабын 7 Уонна күнү көрөбүн, 7 Сытабын, сытабын 6 Уонна күнү көрөбүн. 7
Крокодил-дил-дил плывёт, 7 Носорог-рог-рог идёт, 7 Только я все лежу 6 И на солнышко гляжу. 7	Крокодил-дил-дил устар, 7 Носорог-рог-рог ааһар, 7 Арай мин сытабын 6 Уонна күнү көрөбүн. 7
Рядом львёночек лежит 7 И ушами шевелит, 7 Только я всё лежу 6 И на львёнка не гляжу. 7	Аттыбар хахай сытар, 7 Кулгаахтарын хамсатар, 7 Арай мин сытабын, 6 Хахайчааны көрөбүпүн. 7

Перекрестная рифма в переводе тоже полностью передана: *лежу / гляжу – сытабын / көрөбүн, плывет / идет – устар / ааһар, лежит / шевелит – сытар / хамсатар*. Содержание переведенной песни соответствует оригиналу.

“Песенка крокодила Гены” – “Крокодил Гена ырыата”. Песня о том, что день рождения, который бывает раз в году, бывает иногда печальным, но ребенок все равно чувствует себя бодрым и воодушевленным. Поэтому эта песня кажется грустной, но в ней чувствуется и детское приподнятое настроение.

В переводе в основном использованы эквиваленты и аналоги: *неуклюже – көнтөрүктүк, рекой – халыйдын, веселый – көннүөрбүппүн, непогожий – санныяр, волшебник – Ап-Чарай, бесплатно – буор-босхо*. А имена существительные, отсутствующие в якутском языке, переведены способом транслитерации: *крокодил Гена – крокодил Гена, по асфальту – асфальга, вертолет – вертолет, эскимо –эскимо*, одно слово способом транскрипции: *гармошка – хормуоска*.

Прием добавления используется с целью выравнивания количества слогов в строках и уточнения содержания песни: *А вода по асфальту рекой – Уу, ардах асфальга халыйдын*. Но в некоторых строках нарушается равное количество слогов: *А я играю на гармошке (9) – Мин оонньуубун хормуоскаҕа (8). Только раз в году (5) – Сылга биирдэ буолар (6)*. Тем не менее, эмоциональный ритм и содержание песни в переводе переданы полностью.

“В лесу родилась елочка” – “Тыаҕа үүммүт харыйачаан”. Песня о новогодней елке, которую с удовольствием поют не только дети, но и все люди, независимо от возраста. Слова простые, мотив легко напеваается, припев отсутствует.

При переводе слоги в строках нигде не нарушаются, эквиритмичность сохраняется (табл. 3).

Количество слогов и эквивитмичность

Оригинал песни	Перевод
В лесу родилась ёлочка, 8 В лесу она росла. 6 Зимой и летом стройная, 8 Зелёная была. 6	Тыаба үүммүт харыйачаан, 8 Тыаба кини турбут. 6 Кыһын аайы, сайын аайы 8 Чээл күөбү симэммит. 6
Метель ей пела песенку: 8 «Спи, ёлочка, бай-бай!» 6 Мороз снежком укутывал: 8 «Смотри, не замерзай!» 6	Тыалчаан ырынанан бигиирэ: 8 «Харыйачаан утуй!» 6 Тымныы хаарынан тибэрэ: 8 «Тонума эн – тулуй!» 6
Трусишка зайка серенький 8 Под ёлочкой скакал. 6 Порою волк, сердитый волк, 8 Рысцою пробегал. 6	Куттас куобах, хоргус куобах 8 Тэллэбэр саһара. 6 Ардыгар сизмэх сур бөрө 8 Аттынан ааһара. 6
Везёт лошадка дровенки 8 А в дровнях мужичок 6 Срубил он нашу ёлочку 8 Под самый корешок. 6	Бу ат элбэх маһы соһор, 8 Обонньор салайар. 6 Кини кыра харыйаны 8 Кэрдэн ылан иһэр. 6

Так как это детская песня, в лексике русского текста наблюдается много слов с уменьшительно-ласкательным суффиксом: *ёлочка, песенка, снежком, трусишка, зайка, серенький, лошадка, дровенки, мужичок, детишкам*. В переводе на якутский язык только два слова переведены с аффиксом *-чаан*: *В лесу родилась ёлочка – Тыаба үүммүт харыйачаан, Метель ей пела песенку – Тыалчаан ырынанан бигиирэ*. Во всех остальных случаях переведены на якутский язык без уменьшительных аффиксов: 1. *Трусишка зайка серенький – Куттас куобах, хоргус куобах*. 2. *Лошадка мохноногая – Көп түүлээх сүүрук ат суолга*. 3. *Везёт лошадка дровенки – Бу ат элбэх маһы соһор*. 4. *А в дровнях мужичок – Обонньор салайар*. 5. *Срубил он нашу ёлочку – Кини кыра харыйаны*. 6. *Детишкам принесла – Оболорго кэлбит*. Наблюдается опущение слова: *Зимой и летом стройная – Кыһын аайы, сайын аайы*.

Рифма в переводе передана: *росла / была – турбут / симэммит, бай-бай / замерзай – утуй / тулуй, скакал / пробегал – саһара / ааһара, скрипит / бежит – сырылыыр / айанныыр, мужичок / корешок – слайар / иһэр, пришла / принесла – киирбит / кэлбит*. Содержание песни в переводе передано полностью.

“Чунга-чанга” – “Чунга-чанга”. Песня о счастливом детстве без проблем, слова песни простые. Количество слогов в переводе полностью совпадает, даже в куплетах первая половина строк разделена на четыре слога, вторая половина – на пять. То есть разделение отрезков текста паузами, обусловленными ритмом и мелодией произведения на якутском языке, переводчик полностью сохранил (табл. 4).

Совпадение количества слогов

Оригинал песни	Перевод
Чунга-Чанга! Синий небосвод, 4/5 Чунга-Чанга! Лето круглый год, 4/5 Чунга-Чанга! Весело живем, 4/5 Чунга-Чанга! Песенку поем! 4/5	Чунга-Чанга! Көбөрөр халлаан, 4/5 Чунга-Чанга! Мэлдьитин сайын, 4/5 Чунга-Чанга! Көрдөөх олохпут, 4/5 Чунга-Чанга! Ырыа ыллыбыт! 4/5
Чудо-остров! Чудо-остров! 8 Жить на нем легко и просто, 8 Жить на нем легко и просто, 8 Чунга-Чанга! 4 Наше счастье постоянно: 8 Жуй кокосы! Ешь бананы! 8 Жуй кокосы! Ешь бананы! 8 Чунга-Чанга! 4	Дьикти дойду! Дьикти дойду! 8 Олорорго олус кэрэ, 8 Олорорго олус кэрэ, 8 Чунга-Чанга! 4 Үөрүү-көтүү мэлдьи-куруук: 8 Сиз кокоһу! Ыл бананы! 8 Сиз кокоһу! Ыл бананы! 8 Чунга-Чанга! 4
Чунга-Чанга! Места лучше нет, 4/5 Чунга-Чанга! Мы не знаем бед, 4/5 Чунга-Чанга! Кто здесь прожил час, 4/5 Чунга-Чанга! Не покинет нас! 4/5	Чунга-Чанга! Мантан ордук суох, 4/5 Чунга-Чанга! Эрэй эмиэ суох, 4/5 Чунга-Чанга! Ким манна кэлбит, 4/5 Чунга-Чанга! Барыан баҕарбат! 4/5

Рифма также полностью переведена в переводе: *небосвод / год – халлаан / сайын, живем / поем – олохпут / ыллыбыт, нет / бед – суох / суох, час / нас – кэлбит / баҕарбат*. Для передачи содержания песни часто используется адекватная замена: *небосвод – халлаан, остров – дойду, беда – эрэй, не покинет нас – барыан баҕарбат, легко и просто – кэрэ, счастье – үөрүү-көтүү*.

Имена существительные, отсутствующие в якутском языке, переведены приемом транслитерации: *Чунга-Чанга – Чунга-Чанга, Кокос – кокос, банан – банан*. Поскольку в песне есть много повторяющихся слов, ее намного проще перевести. Содержание передано полностью, рифма сохранена, таким образом перевод получился вполне адекватным.

“Крылатые качели” – “Кынаттаммыт хачыаллар”. Песня о том, что детство когда-то все равно проходит, поэтому пока не прошло все это, надо играть, радоваться и жить счастливо.

В оригинале песни наблюдается перекрестная рифма: *апреле / качели, снег / разбег, свете / ветер, груди / впереди, ели / качели, преград / летят, когда-то / ребята, навсегда / куда, дети / ветер, расти – впереди, кружится / птицы, кутерьмы / мы*. В переводе рифма используется не полностью, а лишь иногда: *ууллар / бараллар, кэлиэбэ / турдаба, эргичийэр / туйар*. Вместо этого в переводе чаще всего используется сочетание гласных звуков переднего и заднего рядов: *санатыгар / хачыалларбыт, барыта / тыаллар, иһийдэ / иннибэр, дайан / хачыалбыт, билбэккэ / көтөр, буолбат / улаатыахпыт, ыраах / тыаллар, элбэх / иннибэр, дайан / хачыалбыт*.

Количество слогов в переводе в основном соблюдается. Используется адекватная замена: *Детство кончится когда-то – Оҕо сааспыт мэлдьи буолбат, Ведь оно не навсегда – Ааһар кэмэ кэлиэбэ, Разлетятся кто куда – Тарбаһыахпыт турдаба, Нам расти еще расти – Оонньуур-кулэр кэм элбэх, От весенней кутерьмы – Сааскы чабыл куннэртэн*. Содержание и смысл песни в переводе переданы правильно.

“Голубой вагон” – “Халлаан күөх вагон”. Песня о том, что жизнь идет непрерывно, время не возвращается, но все же есть надежда на будущее. Важным элементом идеи песни

является мысль, что человек должен жить своей жизнью, не огорчаясь ни на кого и не сожалея о прошлом.

В исходном тексте песни наблюдается перекрестная рифма: *даль / жаль, жди / впереди, зря / друзья, лист / машинист, качается / кончается, ход / год*. В переведенном тексте перекрестная рифма передана только в последней строфе: *күөгэнниир / түргэтиир, бүтэрий / биэрбэтий*. В остальных строфах рифма дается только сочетанием гласных звуков: *иһэллэр / иһин, кэлбэттии / инники, хомотуон / доһоччуок*. Таким образом, переводчик рифму в переводе не соблюдает. Количество слогов полностью совпадает в переводном тексте.

Ключевые слова песни переведены адекватными приемами подбора функциональных аналогов / стилистических и узуальных синонимов, в результате чего сохранена выразительность и напевность песни: *скатертью – тыргыллар, лучшее – кэрэ, катится – айанныыр, календарь – сыл-хонук, закроет – умнулдуо, новые приключения – мэник-тэник, качается – күөгэнниир*. Путем опущения слов переведены семантически избыточные слова: *Скорый поезд набирает ход – Айанныыра сыһыа түргэтиир*. Содержание песни в переводе передано полностью.

“Пусть всегда будет солнце” – “Баар буоллун өрүү күммүт”. Эта песня очень актуальна в наше время, содержит призывы к миру. Данную песню, объединяющую все человечество, поет вся страна как гимн.

Количество слогов в последней фразе первой строфы нарушено в одном месте: *И написал в уголке (7) – Уонна аттыгар бооччойбут (8)*. Здесь односложный союз *и* на якутском переводится двусложным словом *уонна*, в результате чего добавлен один слог. В исходном тексте наблюдается смежная рифма в конце строк: *листке / уголке, опять / повторять, глядят / твердят, навек человек*. А в переводе это не соблюдалось. Вместо этого в первой строфе дано смежное рифмование (табл. 5).

Таблица 5

Смежная рифма

Оригинал	Перевод
Солнечный круг, небо вокруг, Это рисунок малышки.	Эйэбэс күн, тула халлаан, Уруһуйдаабыт бу уолчаан.

Для более точного и глубокого понимания текста используется контекстуальный перевод: *Солнечный круг – эйэбэс күн, подписал в уголке – аттыгар бооччойбут, милый мой друг – күн сэгэриэм, хочется мира – эйэбэ дьулуһар, повторять – тингийэр, солдат – хоһуун, встанем – күөмчүлүбүт, повелел – чэчириэн*.

Таким образом, как было сказано выше, слова стихотворения получаются простыми и легко запоминающимися, что в переводе не нарушается. Простота лексики, а не многосложность, является одним из основных требований к песням для детей. Кроме того, при переводе обязательно должно соблюдаться количество слогов. Только тогда ребенок сможет петь в соответствии с мотивом песни. В переводах художественная выразительность, рифмовка передаются не полностью, вместо этого в якутском варианте чаще всего наблюдается использование сочетаний гласных звуков.

Перевод песен для взрослых

В отличие от детских песен, песни, предназначенные для взрослых, сложны по звучанию, их содержание гораздо шире, глубже, мелодия может быть сложной. Тем не менее, очень длинная речь и непонятное произношение слов отталкивают слушателя. Таким об-

разом, необходимо изучить переведенные песни и определить, какие основные требования предъявляются к переводу песни с русского на якутский язык. Материалом для анализа переведенных текстов выбраны популярные песни на русском языке, которые любят петь и якуты.

“Надежда” – “Эрэл”. Смысл этой песни в том, что она даёт надежду на лучшее будущее. А любой человек всегда живет надеждой на то, что завтра будет лучше, чем сегодня. И в этом смысле – это вечная песня.

Рифма стиха сохраняется в некоторых строках: 1. *Светит незнакомая звезда Снова мы оторваны от дома / Билбэт сулуспут эмиз тыкта Ким эрэ дьиэтиттэн тэйэ хаамта.* 2. *Снова между нами города, Взлётные огни аэродрома / Эмиз атын-атын куораттар Көтөр аал суолларын уоттара.* 3. *Здесь у нас туманы и дожди, Здесь у нас холодные рас-светы, Здесь на неизведанном пути / Бу манна туманнар, ардахтар Бу манна аргыардаах сарыаллар Бу манна мунаархай аартыкка.*

В переводе на якутский язык слова, которые имеют оттенок терминологизации, были переведены с помощью функциональных аналогов: 1. *Взлётные огни аэродрома / Көтөр аал суолларын уоттара.* 2. *Ждут замысловатые сюжеты / Күүтэллэр араас энгин санаалар.* 3. *Надежда – мой компас земной / Эрэл баар – сирдээби сирдьит.* 4. *Радости скупые телеграммы / Аччыгый үөрүүлэх да түгэни.* Несмотря на то, что в переводном тексте отсутствовали термины *аэродром, сюжет, компас, телеграмма*, переводчики передали их не способом транскрипции или транслитерации, а более художественными выразительными аналогами, которые вызывают сходную реакцию у якутского читателя.

При анализе морфологического состава переведенного текста, в первую очередь, выделяется замена частей речи: 1. *Кажутся нелепыми обиды / Хомойор-хоргутар да сатаммат* (имя существительное / причастие). 2. *Снова мы оторваны от дома / Ким эрэ дьиэтиттэн тэйэ хаамта* (личное местоимение / неопределенное местоимение). 3. *Светит незнакомая звезда / Билбэт сулуспут эмиз тыкта* (имя прилагательно / причастие). 4. *А песни довольно одной / Ыллыабым бар дьоммор анаан* (имя существительное / глагол).

Во-вторых, наблюдается замена множественного числа единственным числом, что соответствует узуальной норме якутского языка: 1. *Тают грозовые облака / Хараҥа былыт да ардаабат.* 2. *Радости скупые телеграммы / Аччыгый үөрүүлэх да түгэни.* А перевод множественного числа множественным употребляется в художественных произведениях в стилистических целях: 1. *Здесь у нас туманы и дожди / Бу манна туманнар, ардахтар.* 2. *Взлётные огни аэродрома / Көтөр аал суолларын уоттара.* 3. *Здесь у нас холодные рас-светы / Бу манна аргыардаах сарыаллар.*

В синтаксическом плане в переводе меняется связь слов в предложении: *Светит не-знакомая звезда / Билбэт сулуспут эмиз тыкта.* Здесь в слове *сулуспут* добавлен аффикс притяжательности. Если место сказуемого в якутском предложении обычно ставится в конце предложения, то здесь наблюдается перевод без изменений. То есть в исходном варианте текста сказуемое стоит в начале предложения, в переводе это сохраняется: 1. *Ждут замысловатые сюжеты / Күүтэллэр араас энгин санаалар.* 2. *Многое теряется из виду / Үгүһү көрбөккүн болбойон.* 3. *Чтоб порой от жизни получать Радости скупые телеграм-мы / Ардыгар олохтон булуобун Аччыгый үөрүүлэх да түгэни.*

Кроме того, в переведенном тексте наблюдается способ добавления: 1. *Тают грозовые облака / Хараҥа былыт да ардаабат.* 2. *Радости скупые телеграммы / Аччыгый үөрүүлэх да түгэни.* А в целях равного количества слогов использовани способ опущения: 1. *Здесь у нас туманы и дожди / Бу манна туманнар, ардахтар.* 2. *Надежда – мой компас земной /*

Эрэл баар – сирдээби сирдьит. Таким образом, в песне достигнута передача чувств и эмоций, присущих душевным переживаниям и надеждам.

“Дальнобойщик” – “Уһун айан суоппара”. Песня посвящена водителю, совершившему дальнее путешествие. Поскольку эта песня поднимает настроение, ее очень любят и регулярно заказывают на якутском радио.

Если в начале песни сохранено количество слогов в строке, то в последующих строках наблюдается колебание в количестве слогов: 1. *Включен приемник на любимой волне* (11) – *Сөбүлүүр долгуна радиоҕа* (10). 2. *И вместе с ритмом бьется сердце* (9) – *Тэтимин кытта сүрбэ тэбэр* (10). 3. *В пути шофер-дальнобойщик* (8) – *Уһун айанна суоппар* (7). 4. *Поет ему о судьбах разных людей* (11) – *Ыллыыр араас дьоон дьылбатын* (8).

При переводе на якутский язык часто используется адекватная замена: *Во тьме бегут – күлүмнүүр, фонари – фара, приемник – радио, милый – күндү, держат – салайар, шоссе длиною в жизнь – субулар уһун суол, женский – кэрэ ангар, легко – нарыннык, затерялся – мунан-тэнэн, о женской ласке – кэрэ ангар таптатын, лучшие всех – үксүн.*

При изменении порядка слов в предложении не нарушается строение якутского предложения: *Мужские руки сильные – Эрдээх күүстээх илии.* Опускание слов применяется в целях выравнивания слогов в переведенном тексте: *Всю жизнь глядят в ночь усталые глаза* (12) – *Түүннү хараҥаҕа сылайбыт харахтар* (12). Выразительные средства в переводе с русского на якутский язык сохранены, содержание и смысл песни переданы.

“День Победы” – “Кыайы күнэ”. Песня посвящена победе в Великой Отечественной войне. Патриотическая песня, являющаяся символом уважения к Родине, искренне проникнута в сердце каждого как гимн победы.

Количество слогов песни во всех строках и внутри строки передано до совершенства. В результате разделение отрезков текста паузами, обусловленными ритмом и мелодией произведения, полностью соответствуют оригиналу (табл. 6).

Таблица 6

Полное совпадение

Оригинал песни	Перевод на якутский язык
День Победы, как он был от нас далек, 4/7 Как в костре, потухшем таял уголек. 3/8 Были версты, обгорелые, в пыли, – 4/7 Этот день мы приближали как могли. 4/7	Кыайы күнүн кыыма бэрт симик этэ – 4/7 Уоһар чоһ кылааһына кэриэтэ... 3/8 Уоттаах суоллар күдэннэрин тэпсэммит – 4/7 Бу күн дьолун чуоһата сатыырбыт. 3/8
Припев: Этот День Победы порохом пропах, 6/5 Это праздник с сединою на висках. 4/7 Это радость со слезами на глазах. 4/7 День Победы! День Победы! День Победы! 4/4/4	Хос ырыата: Дьэ, бу Кыайы күнүн анкыла – буорах! 6/5 Күндү күммүт күрэнсийбит чанчыктаах. 4/7 Бу үөрүүбүт харах уута былаастаах. 4/7 Кыайы күнэ! Кыайы күнэ! Кыайы күнэ! 4/4/4
Дни и ночи у мартиновских печей 4/7 Не смыкала наша Родина очей. 4/7 Дни и ночи битву трудную вели – 4/7 Этот день мы приближали как могли. 4/7	Күнүн-түүнүн, кыһа уотун кыымырда, 4/7 Ийэ дойду, саатар, нуктаан ылбата... 4/7 Күнүн-түүнүн кыргыһыга киирэммит – 4/7 Бу күн дьолун чуоһата сатыырбыт 4/7

В исходном варианте текста наблюдается перекрестная рифма, но в переводе это передается не полностью: *далек / уголек – симик этэ / кэриэтэ, в пыли / могли – тэпсэммит / сатыырбыт, пропах / висках – буорах / чанчыктаах, печей / очей – кыымырда / ылбата, вели / могли – киирэммит / сатыырбыт, не все / по росе – төннүбэт / кэлэн, полземли / могли – арбааран / сатыырбыт.*

Адекватность перевода достигается с помощью приема функционального аналога с использованием разных переводческих трансформаций: *как он был от нас далек* – *кыыма бэрт симик этэ* (стилистический синоним), *у мартеновских печей* – *кыһа уотун кыымырда* (метонимический перевод), *Пол Европы* – *тэҕил сири* (генерализация), *обгорелые в пыли* – *күдэннэрин тэпсэммит* (узуальный синоним), *потухшем* – *уоһар* (стилистический синоним), *праздник* – *күндү күммүт* (метонимический перевод), *таял* – *кылам гынарын* (стилистический и узуальный синоним). В результате преобразования частей речи в эмоционально-экспрессивные слова, в тексте песни наблюдается якутский колорит: *Пропых* – *анкыла* (глагол / имя существительное), *прошагали* – *арбаран* (глагол / деепричастие).

В целях уточнения в содержании песни использован прием добавления: *Этот день мы приближали как могли* – *Бу күн дьолун чугаһата сатыырбыт*. Благодаря правильному разделению слогов, темп песни не нарушен. Содержание и ритм песни переданы полностью.

“Журавли” – “Кыталык үөрэ”. Песня посвящена солдатам, одержавшим победу, которые после гибели превращаются в белых журавлей. Они становятся символом светлой памяти. Эта песня волнует сердце каждого человека и свидетельствует о том, что никто не забыт и ничто не забыто.

Количество слогов в строках песни в основном совпадает с количеством слогов введенного теста, но в одной строке есть расхождение: *Летит, летит по небу клин усталый* (11) – *Санньыардаахтык кынаттарын сапсынан* (10). Так как темп песни плавный, даже протяжный, расхождение количества слогов в строках оригинала и перевода компенсируется удлинением, протягиванием какого-либо гласного в соответствии с мелодикой песни. Строение предложения в песне переведено с соблюдением грамматического закона якутского языка: *Мне кажется порою, что солдаты, С кровавых не пришедшие полей* – *Хааннаах сэрии кырыыстаах толоонугар Тыыннарын толук уурбут саллааттар*.

В песне используется способ опущения слова без информационной значимости, что компенсируется добавлением другого слова, которое обогащает и углубляет смысл песни: *Мне кажется порою, что солдаты – Тыыннарын толук уурбут саллааттар. С кровавых не пришедшие полей* – *Хааннаах сэрии кырыыстаах толоонугар. А превратились в белых журавлей* – *Кыталык үөрэ буолан дайбыттар*.

Часто встречается адекватная замена: *Не в землю нашу легли когда-то* – *Ийэ дойду кизилититтэн арахсан. Настанет день, и с журавлиной стаей Я поплыву в такой же сизой мгле* – *Көҥүл куйаартан сирбин өҥөйүүбүм, Хаалларбыт дьоммун булан көрүүбүм. Голоса – курустарын*.

В оригинале песня имеет перекрестную рифму: *солдаты / когда-то, полей / журавлей, дальних / печально, голоса / небеса, усталый / малый, дня / меня, стаей / окликающая, мгле / земле*. В якутском переводе рифма дается только в трех строках: *саллааттар / дайбыттар, сапсынан / батыһан, сүтүүбэ – үүнүүбэ*. Наблюдается изменение строения предложения с целью сделать смежную рифму: *Настанет день, и с журавлиной стаей Я поплыву в такой же сизой мгле* – *Көҥүл куйаартан сирбин өҥөйүүбүм, Хаалларбыт дьоммун булан көрүүбүм*. Таким образом, передача содержания песни достигнута посредством эмоционально выразительных слов.

“В землянке” – “Холомоҕо”. Эта песня является одной из самых трогательных лирических композиций, созданных во время Великой Отечественной войны. Здесь поется о том, как солдат, лежа “в четырех шагах от смерти”, мысленно обнимает свою возлюбленную в нежных чувствах и проникается к ней светлой любовью.

Количество девятисложных строк в переводе передано точно (табл. 7).

Соблюдение точности перевода

Оригинал песни	Перевод песни на якутский язык
Бьётся в тесной печурке огонь, 9 На поленьях смола, как слеза, 9 И поёт мне в землянке гармонь 9 Про улыбку твою и глаза. 9	Хардаҕас мастарга лабархай 9 Хараҕын ууларын санатта, 9 Оһохпут төлөнө чабылхай, 9 Холомо ырыаҕа куустарда. 9
Про тебя мне шептали кусты 9 В белоснежных полях под Москвой, 9 Я хочу, чтобы слышала ты, 9 Как тоскует мой голос живой. 9	Толоонно Москуба анныгар 9 Үрүн хаар бүрүммүт хатыннар 9 Санатар этилэр эйигин, 9 Мин кэрэ бэйэлээх сэгэрбин. 9
Ты сейчас далеко-далеко, 9 Между нами – снега и снега, 9 До тебя мне дойти не легко, 9 А до смерти четыре шага. 9	Бу манна хас харды аайытын 9 Сур буулдьа бултаһар саллааты, 9 Ахтылҕан иһирэх ырыатын 9 Ыраах баар бүөбэйбэр бытабын. 9

В оригинале наблюдается перекрестная рифма: *огонь / гармонь, слеза / глаза, кусты / ты, Москвой / живой, далеко / легко, снега / шага, назло / тепло, зови / любви*. В переводе на якутский рифма в основном передано: *лабархай / чабылхай, санатта / куустарда, аайытын / ырыатын, ынҕыран / суоһуттан, кыйдыа / сылыйда*. Но во второй строфе перекрестная рифма заменена смежной рифмой: *анныгар / хатыннар, эйигин / сэгэрбин*.

Когда перевод строка в строку становится невозможен, наблюдается изменение строя предложения в тексте перевода: 1. *Про тебя мне шептали кусты В белоснежных полях под Москвой* – Толоонно Москуба анныгар Үрүн хаар бүрүммүт хатыннар. 2. *Пой, гармоника, вьюге назло, Заплутавшее счастье зови – Эн биһи дьолбутун ынҕыран Хормуоскам сиилиэни да кыйдыа*. 3. *Мне в холодной землянке тепло От моей негасимой любви – Мин куустээх тапталым суоһуттан Бу тымныы холомо сылыйда*.

Смысл песни в переводе достигается использованием эквивалентов и аналогов: *Бьётся в тесной печурке огонь – Оһохпут төлөнө чабылхай. На поленьях смола, как слеза – Хардаҕас мастарга лабархай Хараҕын ууларын санатта. И поёт мне в землянке гармонь – Холомо ырыаҕа куустарда*. Наблюдается способ опущения: *Про улыбку твою и глаза. Между нами – снега и снега. Я хочу, чтобы слышала ты*. Но в таких случаях переводчик компенсирует добавлением уточняющих слов, которые дают тексту эмоциональную окраску: *Сур буулдьа бултаһар саллааты*.

Таким образом, слова песни для взрослых должны быть богатыми, выразительными, глубокими. Эмоциональный оттенок не должен пропадать при переводе выражений. Строчение предложения может быть сложным, то есть сложноподчиненным или сложносочиненным. Количество слогов в оригинале нужно обязательно передать при переводе, но иногда наблюдается нарушение.

Особенности перевода песен с русского на якутский язык

Для того чтобы определить особенности песен для детей и взрослых, необходимо определить, кому предназначены эти переводы, какие отличительные признаки есть в переводе языка, формы и содержания текстов песен.

Отличительной чертой в переводе песен для детей являются следующие признаки. Во-первых, лексика в русском варианте песен простая, то есть не содержит сложных слогов, что соответствует возрасту. В передаче на якутский язык в основном используется кон-

текстуальный перевод: *яблоко – төгүрүк, белого – ыйдангалаах, красного – саһарбалаах, белогривые – кылбаа манган* (метонимический перевод), *прокатите – көччүтүң* (стилистический синоним), *заоблачная даль – ахсым былыт* (стилистический и узуальный синоним), *ромашка – сибэкки* (генерализация). В русских текстах песен наблюдается много слов, которые не имеют аналогов в культуре якутского народа. В таком случае переводчик обычно использует прием транслитерации: *крокодил – крокодил, носорог – носорог, кокос – кокос, банан – банан, эскимо – эскимо*. Или можно использовать прием транскрипции: *гармошка – хормуоска*.

Краткий инфинитив, употребляемый в русском языке, в переводе можно заменить де-епричастием или причастием: *вычитать и умножать*, (глагол) – *көбүрэтэ, төгүллүү* (сыһыат туохтуур), *книжки добрые любить* (глагол) – *кинигэни таптыырга* (аат туохтуур). В песнях для детей по грамматическим особенностям русского языка слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом (*елочка, зайка, серенький*) в якутском переводе можно передать с помощью аффикса *-чаан*: *И на львёнка не гляжу – Хахайчааны көрбөтпүн. В лесу родилась ёлочка – Тыаба ууммүт харыйачаан*. Но в то же время, в соответствии с общепринятыми речевыми традициями якутского языка, можно перевести без уменьшительного аффикса: 1) *Трусишка зайка серенький – Куттас куобах, хоргус куобах*. 2) *Везёт лошадка дровенки – Бу ат элбэх маһы соһор*.

Во-вторых, отмечается, что в детских песнях перевод обычно выполняется строка в строку: *Детство кончится когда-то – Оҕо сааспыт мэлдьи буолбат, Ведь оно не навсегда – Ааһар кэмэ кэлиэбэ, Разлетятся кто куда – Тарбаһаахпыт турдаба, Нам расти еще расти – Оонньуур-күлэр кэм элбэх, От весенней кутерьмы – Сааскы чабыл күннэртэн*.

В-третьих, требуется использование эмоционально-выразительных слов. Чтобы у ребенка развивалась способность увидеть мысленным взором то, что поется в песне, переводчик должен уметь передавать это словами с эмоциональной окраской: *Солнечный круг – эйэбэс күн, подписал в уголке – аттыгар бооччойбут, повторять – тингийэр*.

В-четвертых, количество слогов в оригинале должно совпадать с количеством слогов в переведенном тексте. Здесь уместно употребление способа опущения слов: *Буквы разные писать – Буукубаны билэргэ, Учат в школе – Оскуолаба*. Кроме того, в результате опущения слов, не имеющих большого информационного значения, не нарушается культура якутской речи. Для того, чтобы количество слогов были равны и полностью передать смысл песни, используется в основном прием добавления. Компенсируя отсутствие не столь значительных слов, которое не дает дополнительной информации, можно применить данный прием: *И не путать никогда Острова и города – арыы куорат буолбатын, хайа тааһын, сир аатын, И про дождик на дворе – Тобурабы, самыыры*.

В-пятых, в русских песнях чаще всего используется перекрестная рифма. Но в переводе на якутский это делается по-разному: иногда перекрестная рифма в переводном тексте соблюдается, иногда переводится смежной рифмой или сочетанием гласных звуков, или рифма не передается в переводе. А в идеале перевод рифмы должен быть сделан: *умножать / не обижать – төгүллүү / көмүскүү, плывет / идет – устар / ааһар, лежит / шевелит – сытар / хамсатар*.

А песни для взрослых на русском языке имеют большое количество расхождений в количестве слогов. 1) *Взлётные огни аэродромов / Көтөр аал суолларын уоттара* (10 / 9). 2) *Чтоб только о доме в ней пелось / Төһө да ыраах мин сырыттарбын* (9 / 10). В некоторых случаях в одной строке наблюдается сокращение до трех слогов: *Поет ему о судьбах разных людей* (11) – *Ыллыр араас дьон дьылбатын* (8). Так как взрослые умеют петь сложные мелодии, то бывает, что это не сильно заметно слушателю.

При построении стиха для равного количества слогов используется способ опущения: 1. *Здесь у нас туманы и дожди / Бу манна туманнар, ардахтар.* 2. *Надежда – мой компас земной / Эрэл баар – сирдээби сирдьит.*

Рифмовка также не является постоянной, но соблюдается в некоторых строках: *пропах / висках – буорах / чанчыктаах, далеk / уголек – симик этэ / кэриэтэ, в пыли / могли – тэн-сэммит / сатыырбыт, полземли / могли – арбаран / сатыырбыт.* Для передачи рифмы в переводе песен характерно изменение порядка слов в предложениях: 1. *Они до сей поры с времён тех дальних – Халлаан ньуурун аймык көтөн кинилэр.* 2. *Настанет день, и с журавлиной стаей Я поплыву в такой же сизой мгле – Көнгүл куйаартан сирбин өнгөйүүбүм, Хаалларбыт дьоммун булан көрүүбүм.*

Для того, чтобы обогатить язык песен выразительными средствами, термин переводится с помощью функциональных аналогов: 1) *Надежда – мой компас земной / Эрэл баар – сирдээби сирдьит.* 2) *Радости скупые телеграммы / Аччыгый үөрүүлэх да түгэни.* Во-вторых, в якутском переводе текстов песен используются парные слова и удвоение основы слова, которые являются особыми выразительными средствами якутской художественной литературы: 1) *Кажутся нелепыми обиды / Хомойор-хоргутар да сатаммат.* 2) *Надо только выучиться ждать / Кэм-кэрдии күүтэргэ үөрэтэр.*

В результате морфологической трансформации частей речи в якутском тексте используются слова с эмоционально-экспрессивным значением: *Пропал – анкыла* (глагол – имя существительное), *прошагали – арбаран* (глагол – деепричастие). Художественное выражение обычно переводится с помощью функциональных аналогов: *милый – кунду, женский – кэрэ ангар, праздник – күммүт.* Также имеется подбор аналога из русского языка, который в якутском тексте воспринимается как заимствованное слово: *фонари – фара, приемник – радио.*

С помощью сочетания гласных звуков образуется ритмика якутского текста: *Из-под небес по-птичьи окликай – Кыталыкты халлаантан кылыктааммын. Летит, летит по небу клин усталый – Санньардаахтык кынаттарын сапсынан.* Здесь аллитерированы первые и третьи слова в строках, что создает ритмику, напевность и благозвучие якутской речи.

Часто наблюдается замена частей речи: 1. *Светит незнакомая звезда / Билбэт сулуспут эмиэ тыкта* (имя прилагательное / причастие). 2) *А песни довольно одной / Биллабым бар дьоммор анаан* (имя существительное / глагол). Замена множественного числа единственным числом является соблюдением узуальной нормы якутского языка: *Тают грозовые облака / Харанга былыт да ардаабат.* А оставление множественного числа в переводе используется для усилительного значения слов или для выравнивания количества слогов в строках: 1. *Здесь у нас туманы и дожди / Бу манна туманнар, ардахтар.* 2. *Здесь у нас холодные рассветы / Бу манна аргыардаах сарыаллар.*

Таким образом, основное отличие перевода песен для детей заключается в следующем: 1) лексическое значение переведенных слов должны быть понятными для детей; 2) морфологический состав переведенных слов должен быть простым, без сложных длинных аффиксов; 3) количество слогов в одном переведенном слове может составлять один-два-три слога, так как более четырех слогов сложно произносить ребенку; 4) эмоционально-экспрессивные слова не должны теряться в переводном тексте песен; 5) объем предложения должен быть кратким, то есть одно предложение заканчивается 2-3 строками; 6) количество слогов в одной строке обязательно должно соблюдаться при переводе, то есть полностью соответствовать мелодии песен; 7) содержание оригинала песен должно быть полностью передано в переведенной песне.

В качестве основных требований к переводу песен для взрослых можно отметить следующее: 1) слова песен должны быть выразительными и с глубокими значениями; 2) морфологический состав переведенных слов может быть сложным, то есть иметь много аффиксов; 3) количество слогов одного слова в переводе не должно превышать шести; 4) эмоционально-экспрессивные слова не должны теряться в переводном тексте песен; 5) объем предложения может быть длинным, могут быть уместны сложноподчиненные и сложносочиненные предложения; 6) количество слогов в одной строке обязательно должно соблюдаться при переводе, то есть полностью соответствовать мелодии песен. Но в исключительных случаях могут быть расхождения, так как взрослые умеют петь и сложные мелодии; 7) содержание оригинала песен должно быть полностью передано в переведенной песне.

Заключение

Для адекватного перевода песен с русского на якутский язык переводчикам необходимо знать основные термины, используемые в песенной сфере: “поэтический перевод”, “музыкальный текст” и “музыкально-поэтический текст”. Помимо этого необходимо знать фонетические, лексические, грамматические и стилистические особенности русского и якутского языков.

При переводе песни необходимо знать технику перевода песни, что требует от переводчика не только глубокого знания языков исходного и переведенного текстов, но и задатки поэта, чувства ритма и обширных познаний общественно-культурного аспекта языкового перевода. Перевод должен быть эквиметрическим, то есть переводчик должен сохранить стихотворный размер, а именно слоги, удары и ритм чтения. И учитывать паузу в мелодии, то есть разделение отрезков текста паузами, обусловленными ритмом и мелодией произведения; особенности культур при передаче чужого языка. А также слова песни должны быть простыми, легко запоминающимися, ритм и рифма должны быть соблюдены. Необходимо также соблюдать гармонию звуков в переведенном тексте, что улучшает звучание песни. Переводчик должен обладать искусством пения, то есть искусством стиха и мелодии.

Литература

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : Учебное пособие для для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений / И. С. Алексеева. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ; Москва : Академия, 2004. – 352 с.
2. Казакова, Т. А. Теория перевода : курс лекций для студентов IV курса дневного отделения / Т. А. Казакова. – Москва : Флинта, 2007. – 263 с.
3. Руфов, С. Т. Литература эйгэтигэр : ыстатыалар, дакылааттар, рец., тыл этиилэр, ахтыылар / С. Т. Руфов. – Дьокуускай : Бичик, 2004. – 590 с.
4. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика [Текст] / В. В. Виноградов ; Академия наук СССР. Отделение литературы и языка. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1963. – 255 с.
5. Саха ырыатын антологията / хомууйан онордулар уонна бэчээккэ бэлэмнээтилэр: В. Т. Андросов, А. В. Егоров, Т. Н. Семенова; муз. эрдээктэрдэр: А. В. Егоров, К. А. Герасимов; эпипиэттиир эрдээктэр С. И. Васильев]. – Дьокуускай : Бичик, 2015. – 438 с.
6. Манчурина Л.Е. Аныгы ырыа тыла, халыыба, ис хоһооно [Электр ресурс]. – URL: <https://sakha.ysia.ru> [дата обращения: 15.11.2022]

References

- Alekseeva, I. S. Vvedenie v perevodovedenie : Uchebnoe posobie dlya dlya studentov filologicheskikh i lingvisticheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedenij / I. S. Alekseeva. – Sankt-Peterburg : Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Moskva : Akademiya, 2004. – 352 s.

2. Kazakova, T. A. Teoriya perevoda : kurs lekcij dlya studentov IV kursa dnevnogo otdeleniya / T. A. Kazakova. – Moskva : Flinta, 2007. – 263 s.
3. Rufov, S. T. Literatura ejgetiger : ystatyjalar, dakylaattar, rec., tyl etiiler, ahtyylar / S. T. Rufov. – D’okuuskaj : Bichik, 2004. – 590 s.
4. Vinogradov V. V. Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika [Tekst] / V. V. Vinogradov ; Akademiya nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka. – Moskva : Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1963. – 255 s.
5. Saha yryatyn antologiyata / homujan onordular uonna becheekke belemneetiler: V. T. Androsov, A. V. Egorov, T. N. Semenova; muz. eredeekterder: A. V. Egorov, K. A. Gerasimov; eppiettiir eredeekter S. I. Vasil’ev]. – D’okuuskaj : Bichik, 2015. – 438 s.
6. Manchurina L.E. Anygy yrya tyla, halyyba, is hohoono [Elektr resurs]. – URL: <https://sakha.ysia.ru>

М. Г. Колесова, С. В. Иванова

«Кунан Хара» тыва баатырдыы эпоһын сахалыы тылбааһа = Перевод тувинского героического сказания «Хунан-Кара» на якутский язык

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

Аннотация. Тувинское героическое сказание «Кунан Хара» издано в книжной серии «Эпические памятники народов мира», основанной в 2014 г. Национальным организационным комитетом «Олонхо» в целях содействия распространению эпического наследия народов России посредством взаимных переводов произведений между народами – носителями эпических традиций. В издании представлены тувинский текст, текст перевода с тувинского на русский язык и два варианта переводов на якутский язык, осуществленных разными переводчиками. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом к сравнениям оригиналов и переводов эпических произведений тюркских народов. В статье были сопоставлены и сравнены переводы тувинского эпоса «Кунан Хара» А. Жиркова с оригинального текста на тувинском языке и А. Борисовой с текста на русском языке на якутский язык. Цель статьи – сопоставление переводов с языка оригинала и через язык-посредник на якутский язык. Методом исследования послужил сравнительно-сопоставительный анализ оригинала текста и переводов, в частности анализ содержания переводов в сопоставлении с содержанием подлинника. В результате сравнительно-сопоставительного анализа содержания текстов оригинала и переводов были выявлены наличие типологических и генетических связей между якутским олонхо и тувинским героическим сказанием. При переводе с языка оригинала на якутский язык эпический текст воспринимается как истинно якутский эпос: задается четкий ритм, отсутствуют заимствованные слова, отмечается малое использование таких способов перевода, как транслитерация, перевод реалий и др.

Ключевые слова: якутский язык, тувинский язык, тюркский эпос, олонхо, русско-якутский перевод, перевод с языка оригинала, перевод эпосов, переводческая трансформация, приемы перевода.

Для цитирования: Колесова М. Г., Иванова С. В. «Кунан Хара» тыва баатырдыы эпоһын сахалыы тылбааһа = Перевод тувинского героического сказания «Хунан-Кара» на якутский язык // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.36.72.004>

КОЛЕСОВА Моника Гаврильевна – магистрант кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

KOLESOVA Monica Gavrilevna – Master's student, Department of the Yakut language Stylistics and Russian-Yakut Translation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ИВАНОВА Саргылана Владимировна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

IVANOVA Sarhylyana Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Stylistics of the Yakut Language and Russian-Yakut Translation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

M. G. Kolesova, S. V. Ivanova

Translation of the Tuva Heroic Legend “Khunan-Kara” in Yakut

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

Abstract. The Tuvan heroic legend «Kunan Hara» was published in the book series «Epic Monuments of the Peoples of the World», founded in 2014 by the National Organizing Committee «Olonkho» in order to promote the dissemination of the epic heritage of the peoples of Russia through mutual translations of works between peoples – carriers of epic traditions. The publication presents the Tuvan text, the text of the translation from Tuvan into Russian and two versions of translations into the Yakut language, carried out by different translators. The relevance of the research topic is due to the growing interest in comparisons of originals and translations of epic works of the Turkic peoples. The article compares and compares the translations of the Tuvan epic «Kunan Hara» by A. Zhirkov from the original text in the Tuvan language and by A. Borisova from the text in Russian language into the Yakut language. The purpose of the article is to compare translations from the original language and through an intermediary language into the Yakut language. The research method was a comparative analysis of the original text and translations, in particular, an analysis of the content of translations in comparison with the content of the original. As a result of a comparative analysis of the contents of the original texts and translations, the presence of typological and genetic links between the Yakut olonkho and the Tuvan heroic legend was revealed. When translating from the original language into the Yakut language, the epic text is perceived as a truly Yakut epic: a clear rhythm is set, there are no borrowed words, there is little use of such translation methods as transliteration, translation of realities, etc.

Keywords: Yakut language, Tuvan language, Turkic epic, olonkho, Russian-Yakut translation, translation from the original language, translation of epics, translation transformation, translation techniques.

For citation: *Kolesova M. G., Ivanova S. V.* Translation of the Tuva Heroic Legend “Khunan-Kara” in Yakut // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.36.72.004>

Кириитэ

ЮНЕСКО тэрилтэ 2005 с. саха олонхотун киһи аймах тылынан уус-уран айымньыларын кылаан чыпчаалын ахсааныгар киллэрбитэ, Саха Өрөспүүбүлүкэтигэр олонхону харыстыырга уонна үйэтитэргэ тус сыаллаах судаарыстыбаннай бырагыраама ылыллыбыта. 2014 сыллаахха «Бичик» национальной кинигэ кыһатын иһинэн «Аан дойду норуоттарын эпическэй айымньылары» диэн түүр тыллаах омуктар бастын эпическэй айымньыларын хардарыта тылбаастаан тарҕатар сирэйэ олохтоммута, улахан кэскиллээх үлэ саҕаламмыта.

«Кунан Хара» тыва баатырдыы эпоһа 2022 сыллаахха кинигэ буолан тахсыбыта [1]. Манна мэнэ тойук тыва тылынан, А. Н. Жирков, А. А. Борисова сахалыы, А. В. Кудияров нууччалыы тылбаастара тангыллан киирбиттэрэ. А. Н. Жирков «Кунан Хара» эпическэй айымньыны М. Б. Кунгаа онорбут баллыр тылбааһыгар (подстрочнигар) олоҕуран уонна тывалыы, нууччалыы тылдыттары, этимологическай ыйымньыктары киэнник туһанан, тыва тылыттан тылбаастаабыта. Саха тылбаасчытара атын омук айымньыларын, ол иһигэр эпическэй айымньылары эмиэ, сүннүүнэн нууччалыы бэлэм суруллубуттан сахалыы тылбаастыыр эбит буоллахтарына, А. Н. Жирков атын омук айымньытын баллыр тылбаастан (подстрочнай суруйууттан) быһаччы саха тылыгар көһөрүүтэ сахалыы тылбаас устуоруйатыгар сэдэх, сонун көстүү. Иккис сахалыы тылбааһы А. В. Кудияров нууччалыы тылбааһыттан идэтибит тылбаасчыт А. А. Борисова онорбута. Бу үлэбэ икки ураты суоллаах-иистээх тылбаасчыттар үлэлэрин тэннээн көрүөхпүт.

Тылбаас ньымаларын туттуу

Тылбаас – уустук айар үлэ. Тылбаас теориятыгар тылбаас таһымын, хаачыстыбатын, тэннээжин, дьүөрэтин туһунан боппуруос кизнник үөрэтиллэр. В. Н. Комиссаров этэринэн, тылбаасчыт сүрүн сорууга – айымньы ис хоһоонун төһө кыалларынан чопчу тизэрдии. Ол эрээри тыллар грамматической тутуллара, тылларын баайа атын-атын, онон үүт-маас түһэрэр уустук [2].

Грамматической солбук

Грамматической солбук диэн тылбааска сана чааһын эбэтэр этии чилиэнин атынынан солбуйуу, этии тутулун (синтаксической) уларытыы.

Көһөрүү (перестановка) – тылбааска тыл, тыл ситимин, холбуу этии чаастарын, этиилэр миэстэлэрин, бэрээдэктэрин көһөрүү [3, 159 с.].

Тылбаастыырга этии ис хоһоонун эрэ буолбакка, сиинтэксистии тутулун өйдүүххэ, билиэххэ наада. Тыва тылыттан нууччалыы тылбааска бу икки тыл тутула атын-атын буолан А. Кудияров этии тутулун уларытан, элбэх сиргэ субурбалар бэрээдэктэрин кэспит, ону субурбалар нүөмэрдэринэн бэлиэтээбит (1 табыл.). А. Борисова нуучча тылыттан быһа тылбаастаабыт буолан, үксүгэр субурбалар нууччалыы барыйаанна бэрээдэктэрин батыспыт. Оттон А. Жирков тылбааһыгар ол көспүт субурбалар, төрүт тизкискэ курдук тураллар.

1 табылыысса

А. В. Кудияров тылбааһыгар субурбалар кэһиллиилэрэ

Тывалыы	А. В. Кудияров тылбааһа
Чүс сес хуулгаазынны хуулгап турар	7. Была у него
Сай-Тоюң кадынныг-даа	6. [Супруга] Сай-Тоюн-ханша,
Чүмези иргин ийин.	5. Принимавшая сто восемь обликов.
Кара хөлдүң кыдыында оъттап турар,	16. Был у него
Алдан ийи	15. Конь Бора-Хол
10 Адыр мыйыстыг,	14. В шестьдесят саженей [длиной],
Он сес азыглыг,	9. С шестьюдесятью двумя
Үш куспак кудуруктут,	Отростками на рогах,
Үш илиг дүктүг,	С восемнадцатью клыками,
Алдан кулаш дурттут,	С хвостом в три обхвата,
Бора-Хөл аъттыг-даа	С шерстью в три пальца,
Чүмези иргин ийин.	8. Пасшийся около [озера] Бора-Хол.
Шил-Даг, Шилен-Даг чуртунда	17. В краю Шил-Дага, Шилен-Дага
Алажындан	20. Были у него деревья –
Ала-Яндан	18. Алоэ-сандал,
20. Ыяштыг-даа чүмези иргин ийин.	Пестрый сандал;
Алдын-Булак,	23. Были у него воды –
Мөңгүн-Булак	21. Золотого ручья,
Суглуг-даа чүмези иргин ийин.	Серебряного ручья;
Өвүрзүнде чинчеп хавырап	28. Были у него
Өлө-булалыг-даа,	25. [Кони] разных мастей,
Арызында чинчеп хавырап	24. Выпасаемые на южном склоне,
Арбын-түмөн алалыг-даа	27. И многие тысячи пегих [коней],
Чүмези иргин ийин.	26. Выпасаемых на северном склоне.
Хоюнуң кадарчызы –	31. Был у него
30. Хоюскан ашак деп	29. Пастух овец –
Кадарчылыг-даа чүмези иргин ийин.	30. Пастух по имени Хоюскан-старик;
Чылгызының хавырчызы –	35. Был у него
Хыртың-Шокар аскырлыг	32. Табунщик коней –
Аксагалдай Сайын-Куу хавырчылыг-даа	34. Белобородый Сайын-Куу-табунщик,
Чүмези иргин ийин [1, 15 с.].	33. Имеющий жеребца Хыртын-Шокара [1, 225–227 с.].

Көстөрүн курдук, субурбалар нүмөрдэрэ барыта уларыйбыттар, ол аата этии бэрээдэгэ барыта уларыйбыт (1 табыл.). Аны төрүт тизкини А. Жирков тылбааһын кытта тэннээн көрүөбүг (2-с табыл.).

2-с табылыысса

А. Н. Жирков тылбааһыгар субурбалар миэстэлэрэ уларыйбатах

Тывалыы	А. Жирков тылбааһа
Чүс сес хуулгаазынны хуулгап турар	Сүүс абыста уларыйар
Сай-Тоюң кадынныг-даа	Сай-Тойун диэн ойохтоох*,
Чүмези иргин ийин.	Ол оннук буолбут эбит.
Кара хөлдүң кыдыында оыттап турар,	Хара күөлгэ мэччийэр*,
Алдан ийи	Алта уон икки салаалаах
10 Адыр мыйыстыг,	10. Адыр лабаа муостардаах*,
Он сес азыглыг,	Уон абыс аһылаах,
Үш куспак кудуруктут,	Үс былас (суон) кутуруктаах,
Үш илиг дүктүг,	Үс илии (халын) түүлээх,
Алдан кулаш дурттут,	Алта уон былас усталаах
Бора-Хөл аыттыг-даа	15 Күөх-Көбүччөр диэн ааттаах*
Чүмези иргин ийин.	Көлүнэр аттаах эбит.
Шил-Даг, Шилен-Даг чуртунда	Хайаларын эниэтигэр
Алажындан	Аал алаһа дылээх эбит*.
Ала-Яндан	Ытык сандал мастаах эбит*,
20. Ыяштыг-даа чүмези иргин ийин.	20 Бу дойдуга үүнэр эбит.
Алдын-Булак,	Үрүн көмүс үрүйэ,
Мөңгүн-Булак	Кыһыл көмүс үрүйэ
Суглуг-даа чүмези иргин ийин.	Ууларын иһэр эбит.
Өвүрүнде чиңнеп хавырап	Собуруу хайа эниэтигэр
Өлө-булалыг-даа,	25 Эгэлгэлээх эриэн өннөөх,
Арызында чиңнеп хавырап	Хоту хайа хоннобор
Арбын-түмөн алалыг-даа	Халыан үгүс ала, хара
Чүмези иргин ийин.	Сылгы үөрэ баайдаах эбит.
Хоюунуң кадарчызы –	Хой үөрүн харабыллыыр*
30. Хоюскан ашак деп	30 Хойусхан офонньор диэн*
Кадарчылыг-даа чүмези иргин ийин.	Харабыл киһилээх эбит*.
Чылгызының хавырчызы –	Сылгыларын маныйыһа
Хыртың-Шокар аскырлыг	Ала-Чуофур диэн аттаах*,
Аксагалдай Сайын-Куу хавырчылыг-даа	Кырыа манан бытыктаах
Чүмези иргин ийин [1, 15 с.]	35 Сайын-Куу диэн ааттаах эбит* [1, 87–88 с.].

Көстөрүн курдук, тывалыы тизкистэн биир да субурба миэстэтэ уларыйбатах, киһи аахтар ааҕа олоруон курдук сахалыы тутуллаах этиилэр тахсыбыттар. Маннык көстүү айымныы сабаланыабыттан бүтүөр диэри көстөр.

Сахалыы этиигэ кэпсиирэ этии кэннигэр чопчу миэстэлээх. Ол иһин кэпсиирэ бөлөбө – сиһилии арааһа эмиэ этии кэннин диэки турар. Оттон нуучча тылыгар кэпсиирэ этиигэ ханна баҕарар туруон сөп, сиһилии кэпсиирэни кытта сибээһэ наһаа ыкса буолбатах. Саха тылыгар быһаарар тыл быһаарыллар тылын, баһылатар тыл баһылыыр тылын иннигэр турар.

Солбук (замена) – үгүстүк туттуллар, элбэх көрүнгнээх тылбаас нымата. Тылбааска тыл халыыба, санга чааһа, этии чилиээнэрэ, этии ситимин тутула солбуллуохтарын сөп [4, 194 с.].

Холобур, А. Борисова *Были у него / Кони разных мастей, / Выпасаемые на южном склоне, / И многие тысячи пегих коней, выпасаемых на веверном склоне* [1, 226 с.] диэн этиилэри *Ангы дьүһүннээх, / Араас өгнөөх сылгылара / Собуруу эниэнэн мэччийэллэрэ, /*

Үтүмэн үгүс сылгылара / Хотугу эниэнэн мэччийэллэрэ [1, 370 с.] диэн тылбаастыыр. Манна *Выпасаемые* диэн быһаарыы мэччийэллэрэ диэн кэпсиирэ буолбут.

Оттон *Кто-то выиграть, а кто-то проиграть должен* [1, 226 с.] диэн этиини А. Борисова *Кыайыы да, кыайтарыы да баар эбээт* [1, 390 с.] диэн тылбаастыыр, этии чилиэннэрин солбук ньыматын туттан, кэпсиирэни туһаан онорор.

Чья же сторона сейчас верх берет? / Кто сильнее? [1, 265 с.] диэн ыйытыы этиини А. Борисова *Ким билигин кыайыылаах тахсар? / Ким хотор?* [1, 390 с.] сана чаастарын солбук ньыматын туттан, дабааһын ааты туохтуурунан солбуйан тылбаастыыр.

А. Жирков этии көрүнүн солбуйан тылбаастыыр, ыйытыы этиилэри сэһэн этии онорор: *К чему Далай-Байбын-хану / На старости лет / Прибавление в семье – / Мальчик-малыш / С поясницей, сотворенной из чугуна, / С грудью, сотворенной из стали? / Если он вырастет, / Разве даст нам обоим жителя / В этом мире? / Разве оставит нас / В этом мире?* [1, 235 с.] / *Далай-Байбын тойон хаанга / Кырдьар-сүтэр сааһыгар / Эргиччи тимир биллээх, / Эргиччи тимир түөстээх / Тимир оҕо төрөөтө. / Бу оҕо кэнэбэһин / Буутун этэ бустабына / Бу сиргэ батыа суоҕа, / Бу дойдуга биһигини / Батарара суох буолуо* [1, 97 с.].

Эбии (добавление) – ис хоһоону толорутук тизрдээри эбэтэр тыллар грамматическай тутуллара ураты буолан тылбааска сорох түгэннэ эбиилэри киллэрэллэр [4, 166 с.] *Эбии* ньыматын икки тылбаасчыт хото тутталлар. А. Жирков тылбааһыгар субурҕалар бары биир тэн сүһүөхтээхтэр, ол халыбы тутуһаары табыгастаах тыллары эбэн биэрэр.

Оттон А. Борисова биир халыбы тутуспат, онон биир субурҕаны икки субурҕа онорбута үгүс. Холобур, *Сүртөн турар болу берген турун-ту. (испугался[всполошился])* [1, 16 с.] диэн субурҕаны тылбаасчыт эбии ньыматын туттан: *Куттаммыт-чаҕыйбыт / Кулахачыйа түспүт* диэн киһи хараҕар көстөн кэлэр гына ойуулаан тылбаастаабыт [1, 371 с.]. Ол эрэри маннык ньыманы туттуннаах, субурҕа ахсаанын кэһилиитэ тахсар: *Тыыннаах хаалларыа дуо / Эн биһиккини? / Сүгүн олоҕуо дуо / Эн биһиккини* [1, 375 с.]. *Бисижини-даа кайыын чурттадыр* [1, 20 с.]. Манна биир субурҕа оннугар кэккэлэтиинэн түөрт субурҕа оноһуллубут: *Буолар буоллун, / Туолар буоллун* [1, 376 с.], *Ким кингэниэ суоҕай, / Ким кыһырыа суоҕай* [1, 377 с.].

Вперед посмотрел [1, 267 с.] диэн ситими А. Борисова *Иннин көрбүтэ-истибитэ* [1, 391 с.] диэн тылбаастаан, *көрбүтэ* диэн туохтуурга ханыылаһар *истибитэ* диэн тылы эбэн биэрбит.

Көтүтүү (опущение) – эбии ньыматыгар утары ньыма. Үксүгэр тыллар уратыларыттан тахсар [4, 166 с.]. *Көтүтүү* ньыматын этии сүрүн ис хоһооно уларытбат буоллабына тутуохха сөп. Холобур, *иргин ийин* диэн тыл ситимигэр *чүмези, орган, олурган* уо. д. а. тыл эбиллэн, *маннык курдук / вот так вот* диэн ис хоһооннонор. Маны үс тылбаасчыт үһүөн көтүппүттэр. Тизкискэ барыта 443 сиргэ бу тыл ситимэ көппүт.

Оттон *Пеленкой из восьмидесяти козых шкур / Крест-накрест себя обмотал* [1, 243 с.] диэн этиини А. Борисова *Аҕыс уон тириигэ / Суулана тиэтэйбит* [1, 379 с.] диэн тылбаастыыр. Манна *коза* диэн тыл саха тылыгар суох буолан, көтүтүү ньыматын туттубут. *Крест-накрест* диэн ситими эмиэ көтүппүт.

Куда ты едешь, сынок? / Откуда приехал, / С дорогом дальней, / С замыслом дальним, сынок? – / Спросил [человек] [1, 264 с.] диэн А. А. Борисова *Хантан иһэҕиз, / Ханна айаннаатын, / Туох суоллаах-истээх, / Туох соруктаах буолабын? – / Диэбит* диэн тылбаастыыр. Манна икки сиргэ хоһоон сүһүөбүн тэннээри, тэтимин кэһимээри *сынок* диэн туһулуу тылы көтүппүт.

Араарыы (членение) – аатыттан да көстөрүн курдук, тылбааска биир этиини хас да этиигэ араарар ньыма [5, 163 с.]. *Холбооһун* (объединение) – холбооһун ньымата араарыы ньыматыгар утары – тылбааска икки-үс этиини холбоон биир этии оноруу [4, 163 с.].

Айымны сабаланыгыг А. Борисова икки судургу этиини холбоон биир этии онорор, көһөрүү, холбоонун нымаларын туттар: *Шил Даг, Шилен Даг диэн / Хайалаах дойдуга / Сүүс абыста кубулуйа түһэр / Сай-Тоюн хотун дэнэр / Холоонноох хотуннаах / Далай-Байбыг хаан ололбута* [1, 370 с.]. *Шил-Даг, Шилен-Дагны чурттап турар / Далай-Байбыг хаан деп / Хаан турган иргин ийин. / Чүс сес хуулгаазынны хуулгап турар / Сай-Тоюг кадынныг-даа* [1, 15 с.] диэн тывалы тизкиһигэр Далай Байбыг ололбутун, онтон салгыы кэргэннээбин, аттаабын туһунан суруллар. Тылбаасчыт аабааччы өйдүүрүгэр анаан сөптөөх этиини онорбут.

Лиэксикэли уларытыы

Л. С. Бархударов: “Уларыты (трансформация) биир көрүнгэ дэннэ көстөр, бэйэ-бэйэлэрин кытта дьүөрэлэллэр, силлиһэллэр, уустук «комплекснай» уларытыга кубулуйалар” [4, 191 с.].

Бытарыты (конкретизация) – киэн суолталаах тылы эбэтэр тыл ситимин тылбааска чопчу суолталаах тылынан эбэтэр тыл ситиминэн солбуйуу [3, 165 с.]. Оттон *бөдөҥсүтүү* (генерализация) – бытарыты ныматыгар утары суолталаах ньыма – кыарабас, чопчу суолталаах тылы киэн, уопсай суолталаах тылынан солбуйуу [3, 165 с.].

Изюм-сладоусти [1, 235 с.] диэн ханы тыл нууччалы тылбааска *мясо-сало* диэн ханы тылы кытта кэккэлээр. Ол иһин тылбаасчыттар иккиэн үксүгэр *ас, ас бастыга, ас бөбөтө, ас мааныта* диэн бөдөҥсүтэн тылбаастылар. *Фрукты-сладоусти* диэн паараласпыт тылы хас да сиргэ *минньигэс ас* диэн бөдөҥсүтэн тылбаастаабытара баар.

Нууччалы тылбааска *Черная птичка-чиж* [1, 245 с.] диэн баар, маны А. Борисова көннөрү *Хара чыгычаах* [1, 380 с.] диэн бөдөҥсүтэн тылбаастыыр.

И многие тысячи пегих коней [1, 226 с.] диэн субурба А. Н. Жирков тылбааһыгар *Эгэлгэ эриэн өннөөх* [1, 87 с.] диэн буолбут, *многие тысячи* оннугар *эгэлгэ*.

Мальчик-малыш / С поясницей, сотворенной из чугуна, / С грудью, сотворенной из стали? [1, 235 с.] диэн кэрчиккэ баар *чугуун, ыстаал* диэн тыллары тумнан, А. Н. Жирков бөдөҥсүтэн *тимир* диэн тылы туттар: *Эргиччи тимир биһлээх, / Эргиччи тимир түөстээх / Тимир оҕо төрөөтө* [3, 97 с.].

Быһааран биэрэр тылбаас (описательный перевод) – хайа эрэ өйдөбүлү быһааран биэрэр элбэх аналлаах уларытыы. Тылбаастанар тылга оннук өйдөбүл суох буоллабына туттуллар ньыма [3, 169 с.].

Быһааран тылбаас кэмэйэ араас буолар – кылгас, судургу быһаарыы эбэтэр уһун-киэн кэмэнтээрий; тылбааска этиигэ турар миэстэтэ эмиз араастаах – тизкис иһигэр, реалыны кытта сэргэстэһиннэри (маннык быһаарыы аабааччы болжототун аралдыппатынан үчүгэй) эбэтэр тизкис тас өттүгэр сизгэниигэ биитэр туспа тылдыт, кэмэнтээрий састаабыгар (маннык быһаарыы диригинэн, толорутунан үчүгэй). Бу кинигэ эбии матырыяаллаах – билим ыстатыйалара уонна “Бэлиэтэһиннэр” диэн ааттанан, тылдыттар кирибиттэр [1, 220–223; 437 с.].

Холобур, төрүт тизкискэ баар *дедир аастыг (со входом наоборот)* [1, 15 с.] диэн ситими А. Борисова *Собуруу ааннаах* [1, 370 с.] диэн тылбаастаабыт уонна “Бэлиэтэһиннэргэ” быһааран биэрэр: *үгүс түүр-монгол омук дьизэлэрин аана илин дьэки буолар (былыргы түүрдэр курдук), монголларга уонна тываларга собуруу, сылаас тыал илгийэр сириҥ дьэки буолар. Шулбу диэн туспа-туора биис-уус буоларын быһыытынан, дьизэлэрин аана төттөрү, хоту тахсар, дьон киэниттэн атын буолар* [1, 437 с.].

Судур диэн тылы А. Жирков тылбаас тизкис тас өттүгэр, “Бэлиэтэһиннэргэ” сахалыы суруллуутун сэргэ төрүт тылга суруллуутун биэрэр, реалы суолтатын, хантан кирибит өйдөбүл буоларын толору быһаарар: *Судур/Судурлуг – эпическэй айымныга Будда*

үөрэбэ (буддизм) кириштин көстүүтэ. Судурлуг, сутра – санскрит. «ситим» диэн суол-талаах (Будда үөрэжин кылгас этишлэринэн суруйуу ситимэ, хомурунньуга) [1, 221 с.], оттон А. Борисова бу тылы тизкис иһигэр *судур кинигэ* диэн быһаарар [1, 370 с.]. Манна реалія транскрипцияланар (*судур*) уонна саха билингги тылыгар баар өйдөбүлүнэн (*кинигэ*) быһаарыллар. Быһааран тылбаас А. Жирков тылбааһыгар үгүстүк көстөр. “Бэлиэ-тээһиннэригэр” 50-ча тылы быһаарар.

Өскөтүн А. Борисова төрүт тизкискэ баар анал ааты хайдах баарынан, аат курдук уларыппакка тиздибит буоллабына, А. Жирков тылбаастаныан сөптөөх анал ааты барытын тылбаастаабыт. Ол курдук, *Узун-Назын дангына Уһун Куо* буолбут, *Арзылан-Кара ат Хайхай Хара ат* буолбут, оттон *Шил Даг, Шилен Даг Дьэнкир таастаах хайалар* диэн быһааран тылбаастаммыттар. Маннык тылбаастар бары «Бэлиэтээһиннэргэ» быһаарыллыбыттар.

Маарыннатан тылбааска (аналог) *Шыяан!* [1, 15 с.] диэн сана аллайыыны *Дьээ-эрэ!* [1, 87 с.] диэн А. Жирков тылбаастаабытын киллэриэххэ сөп. Айымньы сажаланыытыгар, түһүмэхтэр иннилэригэр этиллэр *шыяан* – тыва эпическэй айымньыларыгар, фольклор атын да көрүннэригэр туттуллар сана аллайыы, сэнээрийи. Саха олонхотугар, уус-уран айымньыларыгар *дьээ-эрэ, дьээ-онон, дьээ-бу* диэн тыллары тутталлар. Атын тыллар холбонуохтарын эмиэ сөп: *шыяан ам чүү боор – дьээ-эрэ, онон*. А. Жирков бу тылы маарыннатан тылбаас ньыматынан киллэрбит. А. Борисова сана аллайыы уратыл (реалія) буоларын быһыытынан бэйэтинэн хаалларбыт. Нууччалыы тылбааска эмиэ оннук сылдьар. *Шулбу* диэн реаліяны *илэ абааһы* [1, 88 с.] диэн тылбаастаабыт. Оттон А. Борисова тылбааһыгар *фрукты* диэн сахаҕа суох өйдөбүлү *отон* [1, 377 с.] диэн тылынан тиздибитэ эмиэ маарыннатан тылбаас буолар.

Оттон сана тылы айыы ньыматыгар хайа аһа [1, 105 с.] диэн *пища горы* [1, 244 с.], *танды чемижи* [1, 25 с.] диэни сүһэн ылыы түмүгэр тахсыбыт тыл ситимин ааттыахха сөп. Бу этии нууччалыы да, сахалыы да тылбааска тизкис тас өттүгэр быһаарылаах. Оттон А. Борисова бу өйдөбүлү *хайа үөрэ* [1, 379 с.] диэн тылбаастаабыт, таска быһаарыта суох, маарыннатан тылбаас ньыматын туттубут диэххэ сөп.

Уратыл (реалія) – төрүт өйдөбүлү, норуот уратытын көрдөрөр тылбаастыыр тылга суох тыл [4, 95 с.]. Ол аата омук ураты култууратын саха тылыгар тылбаастыырга, саха култууратыгар суох көстүүнү бэлиэтиир тыл буолар. Бу тизрмини С. Влахов уонна С. Флорин маннык быһаараллар: «...это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для: жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [7, 47 с.].

Норуот ураты култууратын, көстүүтүн бэлиэтиир тыл тэннээх тылбааһа суох буолар. Дьинэр, итинник тылы тылбаастанар тизкиһи ааҕар киһи өйдүүрүн курдук тылбаастыахха сөп. Ол эрэри тэннээх тылбаас тахсара тылбаасчыл маастарыстыбаттан эрэ буолбакка, билиититтэн-көрүүттэн эмиэ быһаччы тутулуктаах.

А. А. Васильева суруйарынан, реаліяны наардааһын тылбаас түөрүйэтигэр улахан наадалаах. Биллэн турар, тыл-өс күннэтэ уларыта турар, араас норуот култуурата мэлдьи алтыһа турар. Онон тылы-өһү наардааһын сорох өттө олус туһалаах, оттон соробун көдүүһэ кыра буолуон сөп. Итини таһынан тылбааска алтыһар тыл бааратыгар бу икки норуот алтыһан кэлбит историята, олохун уопутун хардарыта атастаһар кыага эмиэ сабыдыаллыан сөп [6, 8 с.]

«Кунан Хара» тыва баатырдыы эпоһыгар баар уратыллары С. Влахов, С. Флорин бөлөхтөөһүннэригэр олобуран маннык наардаатыбыт:

– этнографической уратыллар: *аал, Ширэ Арага Идиш-биле, идик(и), Боорзак Шодак Дөр Бак Хевенек, Хөөмей, Ном, Судурлуг;*

– общественной-политической уратыллар: *бурган, хан, дангына, мангыз, шулбу, лама, шившикин;*

анал ааттар:

– антропонимнар: *Хунан-Кара, Далай-Байбын, Сай-Тоюн, Хоюскан, Сайын-Куу, Эки-Хөө, Амырга-Кара, Узун-Сарыг, Узун-Назын, Демир-Мөге, Мага-Хала, Көгел-Мөге;*

– топонимнар: *Шил-Даг, Шилен-Дагны, Кара хөлдүн, Бора хөлдүн, Ак-Ой, Ус далай, Арзылан-Ала-Тайга;*

– зоонимнар: *Арзылан-Кара, Хыртын-Шокар, Бора-Хөл Аранчул, Хыртын-Шокар.*

Манна эбии сана аллайы уратыллара диэн бөлөххө *курай, кулугур, шыян* киририэхтэрин сөп.

Норуот култууратын, сиэрин-туомун көрдөрөр уратыллары ордук А. Борисова хото туттар. А. Жирков сахалы тылбаастанын сөп өттүн барытын быһааран, маарыннатан тылбаастыыр, бэлиэтээһиннэргэ быһаарар.

А. Жирков *Шил-Даг, Шилен-Дагны* диэн сир-дойду аатын маарыннатан *Дьэнкир таастаах хайалар* диэн тылбаастыыр. *Шил – таас: өстүөкүлэ, сүлүүдэ; даг – хайа* [1, 220 с.]. Дьэнкир, ыраас таас диэн суолтаба туттар. Атын тылбаасчыттар бэйэтинэн ыыталлар.

А. Н. Жирков “*Сыйт-сыйт*” [1, 245 с.] диэн чыычаах санатын үтүктэр уратылы “*Чыпчырын*” [1, 106 с.] диэн сахалы тылбаастаабыт буоллабына, А. Борисова “*Чыып-чырып-чыып*” [1, 380 с.] диэн тылбаастаабыт, иккиэн сахатытан биэрбиттэр. Оттон А. В. Кудияров нууччалы тизискэ тыа тылыттан уларыппакка киллэрбит.

Курайлан диэн сана аллайы уратылын А. Жирков “*курай*” диэн *хаһытаатылар* диэн тылбаастыыр. Бэлиэтээһиннэргэ: *Курай – түүр, монгуол омук, ол иһигэр саха тылыгар эмиз туттуллар сана аллайы, үөрүү, өрөгөй, ардыгар алгыс бэлиэтэ (хакаастарга «хурай», алтаайдарга «куруй», сахаларга «уруй»)* [1, 223 с.] диэн быһаарар. Атын тылбаасчыттар бу тылы тумнубуттар.

Доржоону уларыты

Транслитерация – омук буукубатын бэйэ киэнинэн солбуйуу. 1. Омук тылын графической бэлиэтигэр, ол эбэтэр буукубалары биэриигэ олохуор тылбаас албаһа. 2. Биир алпаабыт тиһигинэн суруллубут тизкиһи (төрүт тизкиһи) атын алпаабыт (тылбаастыыр тыл алпаабытын) тиһигин ньымаларынан тизэрдии. 3. Атын омук тылын буукубаларын төрөөбүт тыл / бэйэ тылын / тылбаастыыр тыл алпаабытын көмөлөрүнэн биэрии. 4. Бу тылбаас албаһа маннык: омук тыла (слово) эбэтэр тизминэ тылбаастыыр тыл буукубатынан суруллан, сангарар нуорматынан санарыллан, лизксикэ састаабыгар киирэр. Тылбаасчыт бу ньыманан онорбут сана дьүөрэ тыллара (соответствие) тылбаастыыр тылга эбэтэр кини тизминин хайа эрэ тиһигэр букатыннаахтык киирэр түбэлтэлэрдээх. 5. Тылбаастанар тыл суруллубут киэбин кини санарыллар доржоонун учуоттаабакка эрэ тизэрдии [8, 64 с.].

А. Борисова анал ааттары тылбааһа, нууччалы тылбааска олохуорбут буолан, буукубанын көһөрүү, о. э. транслитерация ньыматынан тылбаастаммыт: *Далай-Байбын, Сай-Тоюн, Демир-Мөге, Кара-Көгел, Арзылан-Кара* уо. д. а.

Транскрипция – доржоонунан көһөрүү / санарылларынан суруйуу / сахатыты. 1. Доржоон бириинсиптиригэр олохуорбут тылбаас ньымата, ол эбэтэр атын омук тылын доржооннорун төрөөбүт тыл буукубатынан суруйуу. 2. Сурукка сана доржоонун (сегментная транскрипция) уонна интэнээссийэ биirimин (суперсегментная транскрипция) биир суолталаахтык бэлиэтиир ньыма. 3. Фонема суругунан болдьох бэлиэтин бөлөбө. 4. Доржоонунан

көһөрүүгэ / санарылларынан суруйууга анал бэлиэлэр. Соробор санарылларынан суруллубут тылы бэйэтин эмиэ “тыл транскрипцията” диэн ааттыыллар [8, 63-64 с.].

А. Жирков тыва тылыттан тылбаастаабыт буолан, саха тылыгар уонна тыва тылыгар баар *б, н, ө, ү* уонна *уһун аһаҕас* дорҕооннору сүтэрбэккэ, бэйэлэринэн хаалларбыт: *Далай Байбын, Эки Хөө*. Сахалыы сана дорҕоонугар көһөрүү (транскрипция) ньыматын туттар: *Сай-Тоюн – Сай Тойун, Хоюскан – Хойусхан, Көгел-Моге – Көбөл Бөбө*.

Тылбааска тахсыбыт токурутуулар

А. Кудияров тыва баатырдыы эпоһын нууччалыы тылбаастыырыгар *алажындан* диэн тылы *алоз-санда* диэн тылбаастаабыт. А. Борисова нууччалыы тизкистэн тылбаастаабыт буолан, эмиэ бу тылы *санда* *алоз* диэн тылбаастыыр. Оттон А. Жирков манна икки суолта киирэ сылдыарын таба көрөн, *алажындан* диэн тылы *ала-яндан* диэн тылтан туспа чуум, *ураһа, алаһа* диэн суолтаҕа туттан, *Далай Байбын олорор дыятэ* диэн быһаарар. Уонна маннык быһааран суруйар: «Ала-Яндан – Азия собуруу өттүгэр үүнэр сандал мас, күндүтүн, атын мастартан ордуктаабын иһин үгүс омуктар итэбэллэригэр туттуллар, ытыктанар диэн быһаарар. Ала – эриэн, элбэх өгнөөх, дьэрэкээн; атын мастардааҕар ордук диэн суолтаҕа эмиэ туттуллуон сөп. Сорох чинчийээччилэр «Ала» диэни «улахан, баараҕай» диэн суолтатын ордороллор. Сандан – сандал. Ала-Яндан – А. В. Кудияров «пестрый сандал» (эриэн сандал) диэн тылбаастаабыта [9, с. 55]. Агар, агар сандан – ытык, ытык сандал. Анаа, анаа-сандан – ураты, ураты (үчүгэй) сандал мас [1, 220 с.].

Аны атын холобуру көрөбүт: *Хунан-Кара шагом подъехал / Подъехав же, у коновязи из чистого золота / С черного паршивого стригунка / Сойти не [смог]; / Как только подъехал, / Кто-то вдруг подошел, / Длинный повод его коня / Два-три раза вокруг шеи / Железного коня обмотал, / Мертвым узлом завязал* [1, 279 с.]. Бу кэрчиккэ А. Кудияров ким эрэ кэлэн Кунаан Хара атын баайбыт курдук өйдөөн суруйбут. Төрүт тизкиһи, баллыр тылбааһы көрдөххө атын: *Хунан-Кара чортпушаан келген туруп-тур. / Келгештиң, алдын чигжир баглаашка / өктөк кара богбазындан / дүжүп чадап туруп-тур. / Кылаштап келген ояарла / чеде хона берген. / Демир аъттың мойнунга / ийи-үш ораай каккаштың, / узун-дынын / өлүг доңнук-биле баглап каан* [1, 43 с.]. (*Хунан-Кара как ехал, тем же ходом подъехал. / Подъехав, из чистого золота у коновязи / со страдающего поносом-[плохонького] черного стригунка своего / слезть никак не мог-[долго слезал]. / [Спеишивиись] как пошел, тем же ходом / подошел [к железному коню]. / [Около ханской юрты] железного коня за шею / два-три раза обвив, / поводья / мертвым узлом привязал [к коновязи]*). Бу токурутууну А. Жирков эмиэ көннөрөн тылбаастыыр.

А. Борисова тылбааһыгар *Баар этилэр киниэхэ / Антаах-алыптаах / Үс күндү харысхал-мал* [1, 370 с.] диэн суруллар. Дьингэ *Үш хортан эртинени, / үш бак чаянны / көрүп оран* [1, 15 с.] (*три годных-[пригодных, полезных] драгоценности, / три плохих участи-[беды], видящие-[предсказывающие]*) диэн буолуохтаах. Ол аата бу судур кинигэ үс үтүнү, үс алдьархайы этэн биэрэрин туһунан этиллиэхтээх.

А. Борисова тылбааһыгар *Хотуммут Сай-Тоюн / Хат буолбута алта ый буолла, / Бларытыйар, мунатыйар!*” *дии тоһуйбуттара дьоно* [1, 372 с.] диэн эмиэ ис хоһоону токурутуу көстөр. Атын тизкистэргэ дьоно-сэргэтэ хотуннара ыарытыйбыта 6 ый буолбутун Далай Байбынҥа этэ тоһуйаллар, туга ыалдыбытын билбэт буолан ойууну, онтон ытык лааманы ыныраллар. Ытык лаама кэлэн бу ыарыы буолбатах, хотуннут хат буолбут диэн төлкө-түөрэх кэбиһэн барар.

Кара хөлдүн (Хара күөл) диэн анал аат нууччалыы тылбааска *Бора-Хол, Демир-Мөге (Тимир Бөбө) – Хан-Моге* буолан хаалбыт. Ону батыһа А. Борисова тылбааһыгар *Бора күөл, Хан-Моге* диэн. Тывалыы төрүт тизкискэ *Күөх Көбөччөр* мэччийэр күөлэ икки араастык

ааттанар: *Кара хөл, Бора хөл*. Ону А. Кудияров нууччалыы тылбаастырыгар *Бора хол* диэн тылбаастаабыт уонна төрүт тизкискэ араастаан ааттаммытын *Бора (серый) хол* диэн тылбаастаатым диэн быһаарар. А. Борисова тылбааһыгар нууччалыыттан *Бора күөл* диэн. А. Н. Жирков сахалыыга чугаһатан, бастакы барыйааны талан *Хара күөл* диэн тылбаастыыр.

Холобур, А. Борисова тылбааһыгар: *Кэлин Узун-Назын дангына, / Офонньору хаһан да өлбөт / Уон алталаах уолга кубулутан, / Эмээхсини хаһан да өлбөт / Уон биэстээх кыыска кубулутан, / Үйэлэр тухары эдэр хаалларбыта. / Кинилэргэ анаан, / Үрүг дьиэни туруортарбыта, / Кинилэргэ анаан / Сүөһүлэриттэн өлүүлээбитэ, / Баайыттан-дуолуттан бэрсибитэ, / Бэйэтин көрүүтүгэр киллэрбитэ* [1, 387 с.] “хаан” диэн тыл көтөн хаалбыт. Ол иһин Узун-Назын дангына дьиэ туттарбыт, сүөһү-ас, баай-дуол бэрсибит курдук ис хоһоонноммут.

А. Жирков уонна А. Борисова тылбаастарын тэнгээн көрүү

«Кунаан Хара» тыва баатырдыы эпоһын икки атын-атын сыаллаах-соруктаах, суоллаах-иистээх тылбаасчыттар сахалыы тылбаастаабыттар.

А. Жирков уу сахалыы өйдөөх-санаалаах, толкуйдаах, баай уонна уран тыллаах, тылы таба туттар, төрүт тизкиһи кылаанын кыларыппакка, кэрэ дьүһүйүүнү өгүн-талатын өлбөөдүппэккэ, күүһүн-уоһун мөлтөппөккө, дьүһүнүн-бодотун кубулуппакка сахатын тылынан толору бизэр тылбаасчыт быһыытынан биллэр. Кини араас жанрга үлэлээбит туспа суоллаах-иистээх тылбаасчыт. Ол курдук, аан бастаан Б. Лунин «Молодежь в осаде» диэн кинигэтигэр кирибит «Партизан Егоров» кэпсээнин тылбаастаан, 2000 сыллаахха Бартыһаан Дьөгүөрөп туһунан онорон таһаарбыт кинигэтигэр киллэрбитэ. 2015 сыллаахха аан дойдуга аатырбыт суруйааччы Ч. Айтматов «Пегий пес, бегущий краем моря» сэтһин тылбаастаабыта. 2017 сыллаахха А. Жирков салалтатынан кыргыыс омук хоһоонноро сахалыы тылбаастанан «Күн кууһар хайатыттан» хомуурунньукка тиһиллэн кирибиттэрэ. Манна А. Н. Жирков Чыныбай Турсунбеков үс хоһоонун тылбаастаабыта. 2021 сыллаахха А. Жирков туруорсуутунан, бэлэмнээһининэн Саха сиригэр В. М. Санги оһолорго аналлаах остуоруйалара уонна үһүээннэрэ сэттэ тылынан тахсыбыттара, ол иһигэр А. Н. Жирков бэйэтэ урукку өттүгэр саха аһааччытыгар биллибэтэх тоһус остуоруйаны сахалыы тылбаастаабыта.

А. Н. Жирков «Аан дойдуну эпическэй айымньылара» сизэрийэнэн тахсыбыт «Манаас», «Ураал Баатыр», «Маадай Хара» эпическэй айымньылар тылбаастарын иилээбитэ-саһалаабыта, эрдээксийлээбитэ. Ону таһынан бу эпостартан быһа тардыылары бэйэтэ тылбаастаабыта «Мэнэ тойуктар» тылбаастарын хомуурунньугар кириэн 2022 сыллаахха кинигэ буолан тахсыбыта.

А. А. Борисова – анал үөрэхтээх идэтийбит тылбаасчыт. Кини айар суолун көрдөххө, тылбаастаабыт айымньылара араас: олонхо, остуоруйа, бөдөн классическай проза, оһо хоһооно-ырыата, лирическай хоһооннор, драматическай айымньылар. А. Борисова Платон Ойуунускай, Өксөкүлээх Өлөксөй, Суорун Омоллоон, Софрон Данилов, Николай Габышев, Сэмэн Тумат, Баһылай Харысхал, Наталья Харлампьева, Куорсуннаах уо. д. а. курдук суруйааччылары нууччалыы санардыбыт тылбаасчыт буолар.

А. А. Борисова тылбаастыыр сүрүн бириинсиптэринэн саха уонна нуучча тылын ойуулуур-дьүһүннүүр кыаһын бэрт мындырдык дьүөрэлээн, аһааччы ылынар кыаһын учуоттаан, төрүт айымньы баай ис хоһоонун, түгэх санаатын тизэрдэргэ дьулуһуу буолар. Кини тылбаастара саха култуурата, тылынан уус-уран айымньыта, литэрэтиирэтэ ханна да хатыламмат кэрэ уратылааһын көрдөрөр, норуот тыһынын бизэр уратылаах айымньылар.

«Кунан Хара» тыва баатырдыы эпоһын А. Жирков тыва тылыттан быһаччы, А. Борисова нуучча тылын нөнгө тылбаастаабыттар. Тылбаас стратегиятын талалларыгар бастаан сыалларын, рецепиеннарын быһаараллар.

А. Н. Жирков сахалыы тыллаах киэн арана ааҕааччыга, ол иһигэр билим үлэһиттэригэр, болкулуору, эпоһы чинчийээччилэргэ, норуот устуоруйатын, этнографиятын сэргээччилэргэ, тылын-өһүн үөрэтээччилэргэ анаан тылбаастаабыт. Кини тыва эпоһын диригинник чинчийэн хайдах баарынан сахалыы уус тылынан тиирдэр сыаллаах үлэлээбит. Хас биридди тылы сахатыппыт, тэннээх тылбаас, быһааран, маарыннатан тылбаас ньымаларын үгүстүк туттубут. Тизкис тас өттүгэр «Бэлиэтээһиннэри» онорбут, онно тыл төрдүн-төбөтүн (этимологиятын, устуоруйатын) киэнник быһаарбыт. Транскрипция ньыматын аҕыйахтык туттар, кирири тыл суоҕун кэриэтэ.

Оттон А. А. Борисова сахалыы тыллаах киэн арана ааҕааччыга анаан А. В. Кудияров нууччалыы онорбут тылбааһыгар саха тылынан тэннээх тылбаас онорор, ураты културуны билиһиннэрэр, эстиэтикэ өттүттэн дуоһуйууну биэрэр сыаллаах үлэлээбит. Кини тылбааһын ааҕа олорон атын омук эпоһын уус-уран тылбааһа буоларын таайабын. Ол курдук омук уратытын көрдөрөр тылы бэйэтинэн хаалларбыт, элбэх уратылы киллэрбит, анал ааттарга транслитерация ньымата туттубут.

Айымньы тутулун ылан көрөр эбит буоллаха, А. Жирков тыва тылыттан устуруока ахсаанын кэспэккэ тылбаастаабыт, кини тылбааһа эмиэ тыва тизкиһин курдук 5442 устуруокалаах. Устуруокалары миэстэлэрин аҕастаһыннарбыт сирдэрин нүөмэринэн бэлиэтээбит. А. Жирков тылбааһа олус чочуллубут, дорҕоон дьүөрэлэһиилээх барыта кэриэтэ 7-8 сүһүөхтээх устуруокалартан турар, онон чахчы даҕаны ат сүүрэн иһэрин курдук тэтимнээх.

Манна даҕатан эттэххэ, А. В. Кудияров тыва тылыттан нууччалыы тылбааһыгар устуруока ахсаанын тутуһар, нуучча тыла ураты сиинтэксистээх буолан, тизкискэ элбэх сиргэ устуруока миэстэтин аҕастаһыннарар. Ханна тугу уларыппытын устуруока нүөмэринэн бэлиэтээн иһэр.

А. Борисова тылбааһыгар устуруока нүөмэрэ ыйыллыбатах, тылбаас 5449 устуруокаттан турар. Сорох сиргэ көбүрээти, сорох сиргэ эбии баар. Холобур: *Три чудотворные драгоценности* диэн *Аптаах-алыптаах /Үс күндү харысхал мал* [1, 372 с.]. Бу кэрчиккэ биир устуруоканы икки устуруоканан биэри түүмүгэр устуруока кэһилиитэ тахсыбыт.

Субурҕаа сүһүөх ахсаанын тывалар мэнэ тойуктарыгар тутуспаттар эбит, тизкис тэтимэ уларыа сылдьар. Ону батыһан А. В. Кудияров, А. А. Борисова тутуспатахтар. Субурҕалар 2-ттэн саҕалаан 13-кэ диэри сүһүөхтээхтэр.

Поэтической уратылары ылан көрөр буоллаха, А. Борисова нууччалыы тизкиһи батыһа төттөрү бэрээдэк (инверсия) ньыматын хото туттубут: *Баара киниэхэ / Хой маныйыһта / Хоюскан кырдыаҕас, / Баара киниэхэ / Сыгы маныйыһта / Хыртын-Шокар аттаах / Үрүн бытык Сайын-Куу сыгыһым* [1, 370 с.].

Бу кэрчиги А. Жирков манньк тылбаастаабыт: *Хой үөрүн маныйыһта / Хойусхан диэн оҕонньор / Харабыла буолбут эбит. / Сыгыларын маныйыһта / Ала Чуоҕур диэн аттаах, / Кырыа манан бытыктаах / Сайын-Куу диэн ааттаах эбит* [1, 87 с.]. Бу курдук тыва тылыттан устуруока бэрээдэгин кэспэккэ тылбаастаахха, сахалыы этии олохсуйбут үөрүйэһинэн кэпсириэтэ кэннигэр турар. Манньк холобур тизкискэ элбэх.

А. Кудияров нуучча тылын этиитин бэрээдэгэр олобуран, «*Были у него...*» диэн ситимтэн саҕалаан салгыы туох баарын ааттаталыыр. А. Жирков ону ылыммат, тывалыы тизкиһи батыһар, саха тылыгар тизкискэ кэпсиэрэ кэннигэр турарын быһыытынан, манньк тылбаастыыр: *Собуруу хайа тэллэбэр / Эгэлгэ эриэн өгнөөх, / Хоту хайа хонноҕор / Халыан*

үгүс ала, хара / Сылгы үөрэ баайдаах эбит [1, 87 с.]. Манна А. Н. Жирков кэккэлэтии ньыматын туттубут холобурун көрөбүт.

Оттон А. Борисова нууччалыы тизкини үүт-маас батыспакка бэйэтин суолун солуур: *Ангы дьүһүннээх, / Араас өгнөөх сылгылара / Собуруу эниэнэн мэччийэллэрэ, / Үтүмэн үгүс сылгылара / Хотугу эниэнэн мэччийэллэрэ* [1, 370 с.]. Бааллара диэн тыл оннугар мэччийэллэрэ диэн кэпсиирэни туттар, этии кэннигэр илдээр.

Икки тылбаасчыт саха олонхото, төрүт ырыата-хоһооно хайдах үөскүүрүн билэр буоланнар, тылбаастара доржоону дьүөрэлээһингэ, кэккэлэтэн этиигэ олобурулар, төрүт ньыманан таныллаллар.

А. Жирков сорох түгэнгэ хайдах баарынан буолбакка, сахабыт баай-талым тылын оонньотон, уустаан-ураннаан тылбаастыр. Холобур: *Землю, что не увидел отец, / Сын (должен) увидет, отец! / Землю, что не увидела мать, / Дочь должна увидет, отец! / Землю, что не увидела кобылица, / Жеребенок должен увидет, отец!* диэн кэрчиги *Абата көрбөтөбүн / Уола булан көрүүхтээх / Ийэтэ билбэтэбин / Кини кыһа билиэхтээх, / Биз тийибэтэх сиригэр / Күлүнчуга тийиэхтээх* диэн тылбаастыр. Көстөрүн курдук, *увидет* диэн тылы А. Н. Жирков үс араас туохтуурунан тылбаастыр.

Баатырдыы эпоска олохсуйбут олуктар баар буолаллар – аан дойду, бухатыыр, бухатыыр атын уо. д. а. ойуулааһыннара, бухатыырдар охсуһууларын, ат айанын ойуулааһыннара, ону сэргэ уларыйбат эпитеттэр, кэм-кэрдии, кизили-киеп уо. д. а. халыыптара. Маннык олуктар эпос аайы маарыннаһар буолаллар эрэри, омок уратыга чабылхайдык көстөр сирэ – бу. Ол иһин, төһө даҕаны маарыннаспыттарын иһин, тылбаастыырга сана олуктары үөскэтэр наадалаах. Сүһэн ылыы ньымата маннык түгэнгэ тыл, култуура уратытын харыстыыр суол быһыытынан көстөр. Түүр-монгуол эпоһыгар уларыйбат олуктар үөскүүр, таныллар ньымалара биир – кэккэлэтэн этии. Кэккэлэтэн этии доржоон дьүөрэлэһиитигэр олобурулар, түүр-монгуол норуоттарын ырыатын-хоһоонун уопсай эстэтиктэ буолар. Ол иһин тылбаастыырга бэйэтэ бэйэтинэн тахсар курдук. Холобур:

Сахалыы чопчу дьүөрэлээх этии: *Мальчик-малыш / С неочистившимся пушком на голове, / С неокрепшими мышцами голени* [1, 243 с.] диэн этиини А. Жирков *Дьулайа куура илик, Буутун этэ буһа илик / Уу ньуулдаһай оҕо* [1, 104 с.], оттон А. Борисова *Ньаассын баттаҕа түһэ илик, / Холун этэ хойдо илик / Уол оҕо барахсан...* [1, 379 с.] диэн тылбаастыыллар.

Зиму по инею, / Лето по росе / Малыш узнавал [1, 252 с.] диэн этиини А. Жирков *Кырыа кыһын кэлэн ааспыт, / Куйаас сайын буолан ааспыт* [1, 114 с.] диэн тылбаастаабыт буоллаҕына, А. Борисова *Кыһыны кырыанан, / Сайыны сиигинэн эрэ / Оҕо билэр буолбут...* [1, 384 с.] диэн суруйар.

Сахалыы буолбатаҕа өйдөнөр эрэри, сахалыы өйдөбүлгэ бэрт чугас маннык этиини: *Предел-конец / Не прерывавшихся три срока / Тридцати тысяч грозных сражений, Подобных числом шерсти на трех собаках. / Это были летучие искры / Не заканчивавшихся в девять сроков Грозных сражений у моря Ус, / Подобных числом шерсти на девяти собаках...* [1, 249 с.] А. Жирков: *Ус үйэҕэ тохтооботох / Ус ыт түүтүн саҕа үгүс / Хааннаах хабыр хапсыһыы / Ханна илик буоллаҕа, / Тобус үйэ тухары / Тобус ыт түүтүн саҕа үгүс / Добун дуолан охсуһуу / Суоһа кэлэр буоллаҕа* [1, 111 с.] диэн тылбаастыр. Оттон А. Борисова: *Ус ыт түүтүн ахсааныны үгүс, / Ус үйэ былаһыны уһун / Отут тыһыынчата оргуйбут охсуһуу / Оһоро-тохтуура дьэ үүммүтэ. / Ол этилэр Ус байбал кытыытыгар / Тобус ыт түүтүн ахсааныны элбэх, тобус болдьох былаһыны өр / Суостаах киирси-кыргыһы / Көтүппүт кыымнара* [1, 262 с.] диэн тылбаастыр.

Атын айылжаа, атын култуураа үөскээбитэ ала-чуо биллэр этиини: *В далекой земле, / Какую и предкам отцам / Вспоминать – и не вспомнить, / Куда холощенный верблюд / Пойдет – не дойдет, / Докуда и булатно-стальные копыта Аранчулы не выдержат – / Расплавятся, либо сотрутся-износятся* [1, 249 с.]. А. Н. Жирков: *Айаннаах ааттаах тэбиэн / Айаннаан кыайан тийибэт, / Өбүгэбит даҕаны / Өйө кыайбат ыраах сиргэ, / Ааттаах Аран Чула ат / Аалы тимир туйаҕа / Этигэр диэри элэйэр – онук ыраах дойдуга...* [1, 110 с.], А. А. Борисова: *Аатырар аранчул ат да тийибэт – / Ыстаал тимир туйахтара элэйэр, / Аттаммыт тэбиэн да тийибэт – / Ырар, сэниэтэ эстэр, / Өбүгэ да өйдөөн бизэбэт / Ус муора кытытыгар сытар / Уһук, кый ыраах дойдуга...* [1, 382 с.] диэн тылбаастыылар.

Түмүк

«Кунан Хара» тыва баатырды эпоһын А. Жирков тыва тылыттан быһаччы, А. Борисова нуучча тылын нөнүө тылбаастаабыттар. Икки тылбааһы тэннээн көрөн баран тывалыы этии сахалыы этиигэ маарынныыр тутуллаах эбит диэн түмүк тахсар. Төрүт тизкиһи атын тылбаас (текст-посредник) көмөгүнэн тылбаастырга этии тутула уларыыр, токурутуулар тахсаллар. Онон тылбаасчыт төрүт тизкискэ сигэнэн, тылдыттары, атын литэрэтиирэни хасыһан үлэлээтэбинэ, тылбаас таһыма үрдүүр.

А. Борисова тизкиһэ атын омук эпоһын тылбааһа буолара тутта харахха бырабыллар. Ол курдук, төрүт өйдөбүлү, норуот уратытын көрдөрөр уратыл үгүстүк туттуллубут. А. Жирков тылбааһа саха олонхотун курдук тэтимнээх, дорҕоон дьүөрэлэһиилээх 7-8 сүһүөхтээх субурҕалартан турар, олус чочуллубут, харахха тутта бырабыллар поэтической куормалаах, уратыл барыта кэриэтэ сахатытыллыбыт, биир да кирири тыл суоҕун тэнэ. Онон ааҕааччы төрүт саха айымньытын курдук ылынар.

Эпос, болкулуор тылбааһын уус-уран уонна академической диэн көрүннэ араарынан наардыыр буоллаахха, А. Борисова тылбааһын нууччалыы тизкис тэннээх уус-уран тылбааһа, оттон А. Жирков тылбааһын тывалыы төрүт тизкис академической (научной) хабааннаах уус-уран тылбаас диэн түмүккэ кэлиэххэ сөп.

Литература

1. Кунан Хара = Хунан-Кара : тыва баатырды эпоһа / Хомуйан онордо А. Н. Жирков. – Дьокуускай : Айар, 2022. – 464 с.
2. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – Москва : ЭТС, 2002. – 158 с.
3. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений / И. С. Алексеева. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Москва : Академия, 2004. – 352 с.
4. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – Москва : Международные отношения, 1975. – 240 с.
5. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – Москва : Р. Валент, 2007.
6. Васильева, А. А. Сахалыы-нууччалыы тылбаас: лиэкскисэ, кырамаатыка : устудьуон үөрэнэр кинигэтэ / А. А. Васильева. – Дьокуускай : Алаас, 2018. – 96 с.
7. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин ; под редакцией Вл. Россельса. – Москва : Международные отношения, 1980.
8. Васильева А. А. Тылбаас үөрэҕин сахалыы тизминэ : устудьуонна көмө кинигэ / А. А. Васильева, С. А. Васильева. – Дьокуускай : Алаас, 2019. – 92 с.
9. Тувинские героические сказания / составитель С. М. Орус-оол. – Новосибирск : Наука. Сибирское предприятие РАН, 1997. – 584 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 12).

References

1. Kunan Hara = Hunan-Kara : tyva baatyrdyy epoha / Homujan onordo A. N. ZHirkov. – D’okuuskaj : Ajar, 2022. – 464 s.
2. Komissarov, V. N. Sovremennoe perevodovedenie / V. N. Komissarov. – Moskva : ETS, 2002. – 158 s.
3. Alekseeva, I. S. Vedenie v perevodovedenie: Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh i lingvisticheskikh fakul’tetov vysshikh uchebnykh zavedenij / I. S. Alekseeva. – Sankt-Peterburg : Filologicheskij fakul’tet SPbGU ; Moskva : Akademiya, 2004. – 352 s.
4. Barhudarov, L. S. YAzyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda) / L. S. Barhudarov. – Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. – 240 s.
5. Recker, YA. I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika / YA. I. Recker. – Moskva : R. Valent, 2007.
6. Vasil’eva, A. A. Sahalyy-nuuchchalyy tylbaas: lieksike, kyramaatyka : ustud’uon yorener kinigete / A. A. Vasil’eva. – D’okuuskaj : Alaas, 2018. – 96 s.
7. Vlahov, S. Neperevodimoe v perevode / S. Vlahov, S. Florin ; pod redakciej Vl. Rossel’sa. – Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980.
8. Vasil’eva A. A. Tylbaas yoregin sahalyy tiermine : ustud’uonra kome kinige / A. A. Vasil’eva, S. A. Vasil’eva. – D’okuuskaj : Alaas, 2019. – 92 s.
9. Tuvinskie geroicheskie skazaniya / sostavitel’ S. M. Orus-ool. – Novosibirsk : Nauka. Sibirskoe predpriyatie RAN, 1997. – 584 s. (Pamyatniki fol’klora narodov Sibiri i Dal’nego Vostoka; T. 12).

В. И. Комиссарова, С. П. Васильева

Концепт «вино» в поэме А. Кулаковского-Өксөкүлээх Өлөксөй «Арыгы» и в её переводе Владимиром Солоухиным «Оборотень»

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: veronika1956@internet.ru

Аннотация. В статье анализируется концепт «вино» в аспекте якутско-русского перевода. Актуальность исследования обусловлена тем, что эстетизация данного концепта в художественных произведениях является мощным средством его формирования у каждого народа, судьбоносно воздействующего на жизнь людей. Цель статьи: раскрытие особенностей концепта «вино» в исследуемых текстах. Для этого рассмотрена структура концепта обоих произведений с выявлением интенции. Проанализированы приёмы перевода. Сделан вывод о концептуальной эквивалентности перевода и выявлена ценностная составляющая изучаемого концепта. В ходе работы применены индуктивный, дедуктивный и сопоставительный методы анализа. Объект исследования – отрывки с мотивами вина и пьянства в поэме А. Кулаковского «Арыгы» и в переводе В. Солоухина. Предмет исследования – художественный концепт «вино» в и особенности его раскрытия в каждом из них. Новизна исследования: в русско-якутском и якутско-русском художественном переводе эта работа является практически первой попыткой изучения данной темы. Выявлены ядро, приядерная зона и периферия концепта с сугубо негативной коннотацией в обоих текстах. В качестве переводческих трансформаций использованы в основном эквивалентные и адекватные замены, многочисленные экспликации, опущения и добавления. Несколько обеднив художественную выразительность, перевод достаточно эквивалентен оригиналу в плане передачи содержания, идеи и интенции. Идеинная ценность поэмы А. Е. Кулаковского и её перевода заключена в художественном изложении предвидения пагубных последствий винопития на судьбу всего народа, позже подтверждённых научной правдой об алкоголе. Исследование обладает перспективой дальнейшего изучения актуального концепта в пространстве русско-якутского и якутско-русского перевода.

Ключевые слова: перевод, поэма, концепт «вино», А. Е. Кулаковский, В. Солоухин, переводческие трансформации, структура концепта, коннотация, интенция.

Для цитирования: Комиссарова В. И., Васильева С. П. Концепт «вино» в поэме А. Кулаковского-Өксөкүлээх Өлөксөй «Арыгы» и в её переводе Владимиром Солоухиным «Оборотень» // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.82.76.005>

КОМИССАРОВА Валентина Иннокентьевна – магистрант кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: veronika1956@internet.ru

KOMISSAROVA Valentina Innokentievna – Master's student, Department of the Yakut language Stylistics and Russian-Yakut Translation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ВАСИЛЬЕВА Саргылана Прокопьевна – к. филол. н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

VASYLYEVA Sargylana Prokopenva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

V. I. Komissarova, S. P. Vasilyeva

The concept of «wine» in A. Kulakovsky's poem- Oksokuleeh Oloksoy «Arygy» and translated by Vladimir Soloukhin «Werewolf»

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
E-mail: veronika1956@internet.ru

Abstract. The article analyzes the concept «wine» in the aspect of the Yakut-Russian translation. The relevance of the study is due to the fact that the aestheticization of this concept in the works of fiction is a powerful means of its formation in every nation, fatefully influencing the minds and behavior of people. Purpose: Disclosure of features of the concept «wine» in the studied texts. To do this, the structure of the concept of both works with the identification of the intention. The methods of translation used to convey the content of the concept are analyzed. A conclusion about the conceptual equivalence of the translation was made, and the value component of the studied concept was revealed. In the course of work inductive, deductive and comparative methods of analysis were used. The object of the study are passages with the motifs of wine and drunkenness in the poem «Arygy» by A. Kulakovsky and in the translation by V. Soloukhin. The subject of the study is the artistic concept of «wine» in these texts and features of its disclosure in each of them. The novelty of the study lies in the fact that in the Russian-Yakut and Yakut-Russian literary translation this work is practically the first attempt to study this topic. The core, prider zone and the periphery of the concept, consisting of bright associations with a purely negative connotation in both texts were identified. Translation transformations include substitutions, mostly equivalent and adequate, omissions, most of which are compensated, numerous explications and additions. Having somewhat impoverished the artistic expressiveness, the translation is quite equivalent to the original in terms of conveying the content, idea and intention of A. E. Kulakovsky's poem. The ideological value of the poem and its translation lies in the artistic presentation of the foresight of the adverse effects of wine drinking on the fate of the entire nation, later confirmed by the scientific truth about alcohol. The study has the prospect of further study of the actual concept in the space of the Russian-Yakut translation of the classics of Russian literature, as well as in interlingual translation of modern Russian and Yakut works.

Keywords: translation, poem, concept «wine», A. E. Kulakovsky, V. Soloukhin, translation transformations, concept structure, connotation, intention.

For citation: *Komissarova V.I., Vasilyeva S. P.* The concept «wine» in A. Kulakovsky's poem «Arygy» and in its translation by Vladimir Soloukhin «Werewolf» // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.82.76.005>

Введение

Огромная эстетическая сила художественных произведений неразрывно связана с понятием «концепт». Из множества трактовок термина в данной работе мы опираемся на определение Ю. Степанова: «Концепт это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек ... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [1, с. 43], а также Е. И. Зиновьевой «Концепт – это основная единица ментальности, заключающая в себе яркое образное представление и пучок ассоциаций и коннотаций, репрезентируемая вербально языковыми единицами разных уровней...» [2, с. 82]. Таким образом, в концепт заложен весь словесный образ какого-либо объекта или явления, мотивированный жизнью человека и народа в целом. А по Д. Лихачёву: «Особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям (особенно поэтам)...» [3, с. 4].

Структура концепта, по В. А. Масловой, «состоит из ядра концепта ..., приядерной зоны... и из периферии (ассоциативно-образные репрезентации)...» [4, с. 17]. В ядро входят

словарные значения той или иной лексемы. Периферия отражает субъективный или народный опыт с коннотацией и ассоциациями. Нами изучены труды отечественных учёных П. Г. Логиновой и И. С. Головановой по исследованию концепта «вино» в русской языковой культуре. П. Г. Логинова в своей диссертации «Языковая манифестация лингвокультурного концепта «вино»: фразеологический аспект на материале французского, итальянского, испанского, английского и русского языков» утверждает, что «репрезентация концепта «вино» резко контрастирует с его западноевропейской трактовкой» [5, с. 266]. Если там вино является объектом культа, то в России оно чаще ассоциируется с горем и социальными бедами. И. С. Голованова в диссертации «Художественный концепт «вино» в русской поэзии XVIII века (30–90-е гг. XVIII в.)» пишет, что мотив вина в русской литературе появился одновременно с политикой распространения вина в России лишь в 30-х годах XVIII века [6, с. 10]. Тогда, благодаря переводной анакреонтической поэзии, резко поменялась оценочная характеристика концепта «вино» с негативной на положительную. Вопреки устоявшемуся мнению, что склонность к пьянству – исконно русская черта, пьянство на трезвой Руси насаждалось западной культурой. Постепенно вино становится символом всевозможных удовольствий и в русской концептосфере. Исследователи якутского языка, которые занимались изучением концепта это: Ф. Н. Дьячковский, Н. И. Попова («Алаас как концепт якутской лингвокультуры») [7]; А. К. Прокопьева («Устаревшие лексемы, вербализующие концепт ТАБЫЛЛЫЫ ‘УДАЧА’ в якутском языке») [8]; А. А. Скрябина («Концепт «дьол» («счастье») в языковой картине мира народа саха (на материале пословиц и поговорок)») [9]; М. И. Кысылбаикова («Отражение концепта «культура» в языковом сознании саха и англичан») [10] и др. Однако в якутской лингвокультуре концепт вино практически не изучен.

Концепт «вино» в произведении А. Е. Кулаковского-Өксөкүлээх Өлөксөй «Арыгы» («Вино»).

«Вино» является базовым концептом в данном произведении. Его ядром является сама лексема *арыгы* (вино), а приядерную зону составляют слова *ас*, *айах* (пища), *кымыс* (кумыс), *утах* (напиток) и *мэниэ* (приманка), так как вино изначально преподносилось привлекательным пищевым продуктом и напитком. В периферию входят яркие эпитеты, олицетворения, метафоры (Ат гынан мииммит, оѳус гынан кѳлүммүт, күтүр дьаалы), а также выражения с разрушительным смыслом с обилием однородных глаголов. Использование их с синтаксическим параллелизмом с возрастающей градацией ярко демонстрируют свойства алкоголя как яда, грозящего будущему всего народа. Патриот своей земли, сын трезвого народа саха, автор прекрасно понимал, что употребление привозимого вина («Абас омуктар аѳалбыт кубулѳаттаах астара», «Күтүр дьаалы») чревато его полным исчезновением. В силу своего пророческого дара Кулаковский не был очарован прославляющей винопитие русской поэзией [11–13]. Считая, что родной народ выжил и развивался в суровейших условиях только благодаря естественной трезвости, основатель первого якутского общества трезвости разоблачает истинную суть ставшего самым желанным напитком вина со свойственной ему иронией. Все эти свойства алкоголя составляют важнейшие составляющие периферии концепта.

Рис. 1. Структура концепта «вино» в произведении А. Е. Кулаковского
 Рис. Комиссаровой, 28.05.2023

Концепт «вино» в переводе Владимира Солоухина «Оборотень» поэмы А. Е. Кулаковского «Арыгы»

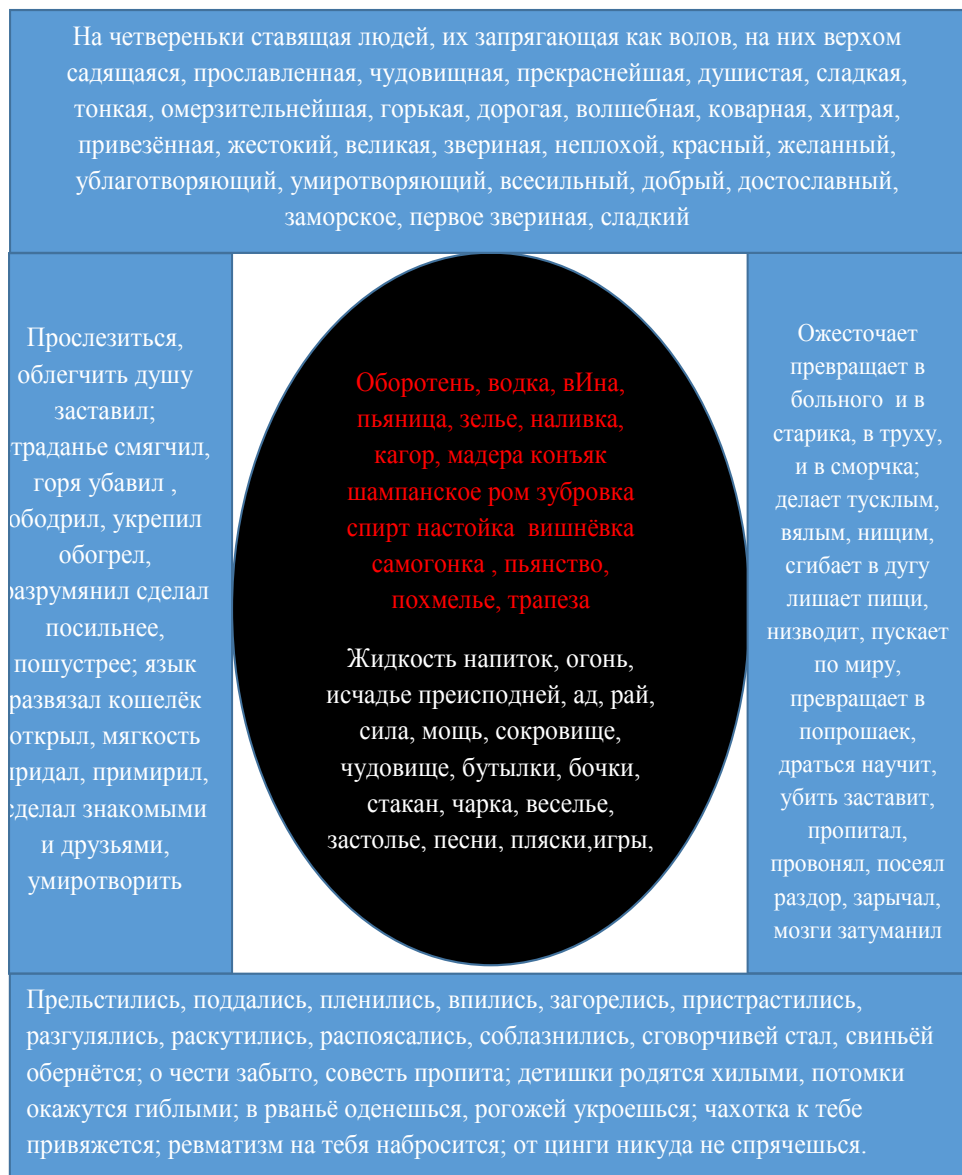

Рис. 2. Структура концепта «вино» в переводе Владимира Солоухина
Рис. Комиссаровой, 28.05.2023

Примечание: на рис. 1 и 2 в круге красным шрифтом выделены слова, относящиеся к ядру, белым шрифтом – приядерные лексемы, в прямоугольники включены слова и выражения, относящиеся к периферии концепта.

Анализ приёмов перевода содержимого концепта

Таблица 1

Замены: эквивалентные соответствия

	ИТ	ТП
1	Ааттаах аһы	Прославленную жидкость
2	Арааһынай даһаны алыптаах буолар эбит	Много разных волшебных свойств имеет, оказывается.
3	Олус даһаны кубулҕаттаах буолар эбит	Много разных коварных (хитрых) свойств имеет, оказывается
4	Тууһугурдулар	Прельстились
5	Умсугуйдулар	Пленились
6	Имэнирдилэр	Пристрастились
7	Көбүйдүлэр	Соблазнились
8	Мунун уҕарытта	Горе убавил
9	Эрэйин чэпчэттэ	Страдание смягчил
10	Сылайбыты сылаанньытта	Утомлённого – ободрил, уставшего – укрепил
11	Күүстээх гынна	Посильнее сделал
12	Быһый гынна	Пошустрее сделал
13	Айаһын аста	Язык развязал
14	Өстөрүн өһүллэ	Враждующих примирил
15	Доҕордуу онордо	друзьями сделал
16	Көр-нар бөбөнү көбүттэ	Причиной залихватского веселья стал
17	Оонньуу-күлүү диэни олохтоото	Играм и смеху повод дал
18	Үнкүү-битии диэни үөдүттэ	Пляскам и песням жару наддал
19	Умсулбаннаах утах кини буолла	Для всех он желанным напитком стал
20	Уордайбыты уҕарытар	Разгневанного разряжающим
21	Кыһырыбыты кыатаннарар	Рассердившегося убаготворяющим,
22	Хомойбуту холкутатар	Обиженного умиротворяющим
23	Холлоох утах буолла	Всесильным напитком стал
24	Эдэр эмник бэйэлээби эрдэ эмэнситэр	Молодого превращает в старика
25	Чизни киртитэр Суобаһы сууйар	О чести забыто. Совесть пропитата
26	Доҕор дьону туора хаамтарар	Друзья стороной обходят
27	Оробуоһа суорҕанныыр	Рогожей укроешься
28	Уорарга уһуйар Өлөрөргө үөрэтэр	К воровству тебя приохотит, Человека убить заставит
29	Саха сириҥ барытын сабардаата,	Всю якутскую землю – пропитал,
30	Тонус сириҥ ордорбокко тунуйда,	Тунгусскую землю – провонял,
31	Чукча сиригэр тийэ	В чукотские стойбища –
32	Таптатарга наадыдаһына	Захочет, чтобы его полюбили,
33	Бисиниэбэй буолан миннийэр	Захочет ... усладить – вишнёвкой называется
34	Сынсаар өлүүгэ	От цинги

Примечание: В таблицах (здесь и далее) жирным выделены соседние строки, в которых Солоухин, следуя стилю автора, применяет синтаксический параллелизм. Жирный шрифт выделяет соответствующую замену из приведенных словосочетаний, другие слова которых переведены иным способом.

Под 14 пунктом видим пример перевода якутского фразеологизма русским с эквивалентным значением. В пп. 17 и 18 примеры компенсации эффекта парных слов. В п. 16 использован приём модуляции.

Таблица 2

Замены: адекватные соответствия

	ИТ	ТП
1	Эгэлгэлээх ас	Прекраснейшую жидкость
2	Кыдыгырдылар	Загорелись
3	Үчүгэйкээн ас	Неплохой напиток
4	Харах уутун хааттарбат гынна	Прослезиться заставил
5	Мунун убарытта	Излить своё горе, горе убавил
6	Хатараабыты хааннаата	Бледного – разрумянил
7	Урутгатар утахтара	Первое средство
8	Ыаллыр күннэ	Гости понаедут (замена антонимом)
9	Күүстээби көппөх онгорор	Крепкотелого в труху
10	Үтүө мөссүөннээби өлбөөркөй дьүһүннүүр	Светящегося делает тусклым
11	Арбабас танаастыыр	В рваньё оденешься
12	Чукча сиригэр тийиэ	В чукотские стойбища –
13	Күдэн күүһүн	Сила великая,
14	Утах	Жидкость
15	Мунун	Горе

Среди указанных в таблице адекватных замен есть случай замены антонимом (пункт 8): “*ыаллыр*” (принимающая гостей сторона) – *гости*.

Таблица 3

Замены: аналогичные соответствия

	ИТ	ТП
1	Саатааатылар	Поддались
2	Үөдүттэ	Жару наддал
3	Дьоробор сотолообу Токур унуохтуур	Стройного сгибает в дугу
4	Тэлибирэс бэйэлээби Тэллийэ онгорор	Шустрого делает вялым
5	Чизэни киртитэр Суобаһы сууйар	О чести забыто, Совесть пропита
6	Сутука курдуур	Мочалкой перепояшешься
7	Архаах өлүүгэ аныыр, Бодонг өлүүгэ буулатар, Сынгсаар өлүүгэ сытыарар	Чухотка к тебе <i>привяжется</i> , Ревматизм на тебя <i>набросится</i> . От цинги куда <i>не спрячешься</i>
8	Күтүр дьаалы	Жестокий нрав

Всего выявлено 57 случаев трансформации заменой, из них эквивалентных – 34, адекватных – 15, аналогичных – 8.

Экспликации

	ИТ	ТП
1	Аан дайды дьонун Ат гынан мииммит, Орто дойду дьонун орус гынан көлүммүт,	На четвереньки ставящую людей двуногих Их запрягающую как волов в упряжку На них верхом сядящуюся ловко
2	Бастын астара	Ему первый почёт
3	Бэттии гынна	Чужих людей – знакомыми сделал
4	Ньюур хомуйсар ньургун утах	Разговор наладить – первое средство
5	Түнүргэ-ходобойго төргүү сүөрэр торут утах	Сваты придут – без него ни на шаг
6	Ыаллыр күннэ ымсылаах кымыс буолла	Гости понаедут – без него ни на шаг
7	Суостаах тойоту уҕарытар улуу утах Бэригимсэх тойоту биэскэлиир минньигэс мэниэ Атыыр ойууну ааттаһар...	<i>К чиновнику за важной бумагой идти – большая подмога. К шаману за нужным делом идти – большая подмога.,</i>
8	Улуу ууһу уулларар...	Кузнецу, чтобы лошадь подковать, чарку надобно поднести
9	Албыннаһар алып ас	Как иначе умиротворить Как заставить добрыми быть, Если в пасти им не плеснуть по хорошей порции водки
10	Үөһэ бөҕө үтүрүөтэбинэ үтэйэр үтө ас, Аллара бөҕө ааннаатабына албыннаһар алып ас, Көстүбэт бөҕө күөттээтэбинэ Көрдөһөр көңсү ас кини буолла	<i>Если верхние силы сверху будут давить, Что их может остановить? Только этот добрый напиток Если нижние силы снизу начнут мутить, Что их может остановить? Только этот волшебный напиток. Кто заставит их убежать? Только этот хитрый напиток</i>
11	Бэрг даа мэйиилээби бэтиннэрэр, үтө даа өйдөөбү үлтүрүтэр	<i>Самого умного, мозговитого, башковитого Моментально в дурачка превращает</i>
12	Сайаҕас даа санаалаабы сарбыһар.	<i>Самого ласкового, душевного, сердечного Словно зверя ожесточает</i>
13	Ыраас хааннаабы ыдырхай сырайдыр,	Красивого в сморчка превращает
14	Баай ханыырын Бахтатан баран Бас баттах ытар,	Сытого лишает пищи богатого делает нищим почтенных пускает по миру
15	Үтө үрдүүрүн Үлтүрүтэн баран Үөлэстээби өнөтөр	Высоких низводит до низу, Превращает в попрошак
16	Кэдэрги кэскиллиир Түнкэтэх төлкөлүүр	
17	Боростуой буолан бургучуйар	Превращается просто в водку
18	Самасаалка буолан саататар	Опохмеляемся самогонкой

18 отрывков, в силу самобытной образности якуского языка трудных для перевода, переведены методом экспликации. В рамках экспликации в пункте 5 видим пример генерализации: *түнүргэ-ходобойго* – *сваты*, в пункте 6 – пример замены антонимом (*ыаллыр...* – *гости*), в пункте 7 применён приём компрессии: *суостаах тойоту*, *бэригимсэх тойоту* – *к чиновнику* с грамматической трансформацией.

Опущения и компенсации

Опущения без компенсации		Опущения с компенсацией	
		Опущения	Соответствующие компенсации
1	Күлүмүрдэс онгордо	1 Омуктар ажалбыт астара	Из старейших городов привезённая
2	Ытык ырыаһыты	2 Ымсыылаах кымыстара	Пьяница ей будет рад
3	Куйааска буһарар тымныыга тонорор Сииккэ силбигитэр	3 Толук туттар тойон айах буолла	Без него ни на шаг; первое средство.
4	Баһардылар	4 Төккүттүүр күннэ төргүү сүөрэр төрүт утах буолла	
5	Таптаатылар	5 Ымсыы тойоту ылыннарарга ымыылаах утах буолла	
6	Мэнийдилэр	6 Олонхоһут киһини... уһарытар утах буолла	
7	Аабылыскай буолан айгыстар	7 Айах тутан амарахсытар	Достославный напиток
8	Кырымскай буолан кыллыһыйар	8 Улуу утах, улуу дьаалы	
9	Бэмэрээнсэбэй буолан биэскилиир	9 Ыччакка диэри ыарыһах ыйаахтыыр	Здорового превращает в больного
10	Симирниэпкэ буолан силигилиир	10 Күтүр дьаалы... орулуур уоһун мэнилийэр бэрдин эбитин	Таящую в себе невиданную Силу; Мощь звериная
11	Сапыкаанка буолан саамыланар	11 Талаанныыгы табаарыстыр Түөкүнү дьүөгэлиир Илээти билиһиннэрэр Куһаҕанна куудуйар	Драться пьянство тебя научит, С лютой каторгой познакомит
		12 Сабардаата, чураадыда күрүлүүр, киннэһиннэрэр, охсуһуннарар, буулаата, алдыатта, дьаабылаата, өлөртөөтө, муодалаата, сиэтэлээтэ, уһаартаата, муннаталаата – Всего 13 глаголов	Пропитал; проник; Словно зверя ожесточает; Стоящего укладывает пластом; Двуногого ставит на четвереньки; Разложил; посеял раздор; нашумел; зарычал; мозги затуманил; великих мерзостей натворил. 5 глаголов и 5 словосочетаний

Хотя большинство опущений (12 из 23) компенсировано, в целом пострадала художественная выразительность оригинала, обусловленная множеством благозвучных аллитераций. Целых пять выразительных поэтических синтаксических конструкций компенсированы лишь повторами художественно бледных прозаических словосочетаний: «без него ни на шаг» и «первое средство». Тринадцать опущенных глаголов компенсированы пятью отдельными глаголами с иным смыслом и пятью образными словосочетаниями (п. 12).

Кроме вышеуказанных трансформаций В. Солоухин применил 29 существенных добавлений: *оборотень, чудовищная, омерзительнейшая; водка; зелье; огонь; исчадьё преисподней; ад и рай; бутылки; бочки; чарки; горькая; подмога; свинья; жестокий; наслажда-*

ющихся, вкушающих; приятели сторонятся, знакомые не замечают; одним боком повернётся – сокровище, другим боком повернётся – чудовище; душистой наливкой; мадерой тонкой; коньяком двадцатилетним; спиртом, как тигр, накинется; в виде красного рома ценится; зубровкой рогатой прикинется; кагором сладким; шампанским заморским пьётся; настойки тонкой.

Добавления «исчадье преисподней; ад и рай», отсутствующие в оригинале, исходят из христианской веры. Эпитеты к алкогольным изделиям обусловлены культурным опытом его поколения. Все приёмы перевода применены с грамматическими трансформациями по правилам русского языка. Переводчик постарался сохранить синтаксический параллелизм, характерный для оригинала.

Заключение

Концепт «вино» в поэме «Арыгы» А. Е. Кулаковского вербализуется как в её названии, так и на протяжении всего текста и доносит читателю могучую интенцию протеста против спаивания народа. Названием перевода поэмы «Оборотень» В. Солоухин удачно подчеркнул идейное содержание оригинала. В целом перевод достаточно эквивалентен и адекватен исходному тексту в плане передачи идеи, интенции и содержания изучаемого концепта произведения А. Е. Кулаковского. Идейная ценность произведения и его перевода на русский язык в том, что в них изложено пророческое предвидение губительных последствий винопития не только для отдельного пьющего, но и для всего народа. Художественный концепт А. Е. Кулаковского обладает мощной отрезвляющей силой.

Литература

1. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд. – Москва : Академический Проект, 2004. – 992 с.
2. Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология : от теории к практике : учебник / Е. И. Зиновьева. – Санкт-Петербург : СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с.
3. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1993. – Т. 52. – № 1. – С 3.
4. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : Учебное пособие. 2-е издание / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
5. Логинова, П. Г. Языковая манифестация лингвокультурного концепта “вино” : фразеологический аспект (на материале французского, итальянского, испанского, английского и русского языков : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» является : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Логинова Полина Гарриевна. – Москва. – 2017. – 375 с.
6. Голованова, И. С. Художественный концепт «вино» в русской поэзии XVIII века (30 – 90-е гг. XVIII в.) : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Голованова Ирина Сергеевна. – Самара, 2007. – 18 с.
7. Дьячковский, Ф. Н. Алаас как концепт якутской лингвокультуры / Ф. Н. Дьячковский, Н. И. Попова // Урало-алтайские исследования. – 2014. – № 3. – С. 58–66. – URL: http://ural-altai.ru/userfiles/files/magazine/ua2014_12.pdf [дата обращения: 14.06.2023]
8. Прокопьева, А. К. Устаревшие лексемы, вербализующие концепт ТАБЫЛЛЫЫ ‘УДАЧА’ в якутском языке / А. К. Прокопьева, А. А. Дьяконова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustarevshie-leksemy-verbalizuyushchie-kontsept-tabyllyu-udacha-v-yakutskom-yazyke> [дата обращения: 14.06.2023]
9. Скрыбина, А. А. Концепт «дьол» («счастье») в языковой картине мира народа саха (на материале пословиц и поговорок) : специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (якутский язык)» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Скрыбина Алевтина Афанасьевна. – Якутск, 2022. – 24 с.

10. Кысылбаикова, М. И. Отражение концепта «культура» в языковом сознании саха и англичан // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008. – № 11. – С. 72-75. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-kultura-v-yazykovoy-kartine-mira-predstaviteley-angliyskogo-i-yakutskogo-kulturnyh-soobschestv> [дата обращения: 14.06.2023]

11. Кулаковская, А. Е. Ырыа-хоһоон. / А. Е. Кулаковская. – Якутский : Саха сириинээҕи кинигэ издательствота, 1978. – 295 с.

12. Кулаковский, А. Е. Наступление лета / А. Е. Кулаковский; перевод с якутского В. Солоухина. – Москва : Современник, 1986. – 383 с.

13. Кулаковский, А. Е. Якутской интеллигенции – URL: <https://minkult.sakha.gov.ru/proekty/100letie-pisma-aekulakovskogo> [дата обращения: 10.04.2023]

References

1. Stepanov, YU. S. Konstanty : Slovar' russkoj kul'tury / YU. S. Stepanov. – 3-e izd. – Moskva : Akademicheskij Proekt, 2004. – 992 s.

2. Zinov'eva, E. I. Lingvokul'turologiya : ot teorii k praktike : uchebnik / E. I. Zinov'eva. – Sankt-Peterburg : SPbGU; Nestor-Istoriya, 2016. – 182 s.

3. Lihachev, D. S. Konceptosfera russkogo yazyka / D. S. Lihachyov // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka, 1993. – T. 52. – № 1. – S 3.

4. Maslova, V. A. Kognitivnaya lingvistika : Uchebnoe posobie. 2-e izdanie / V. A. Maslova. – Minsk : TetraSistems, 2005. – 256 s.

5. Loginova, P. G. YAzykovaya manifestaciya lingvokul'turnogo koncepta “vino” : frazeologicheskij aspekt (na materiale francuzskogo, ital'yanskogo, ispanского, angliyskogo i russkogo yazykov : special'nost' 10.02.20 «Sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe yazykoznanie» yavlyaetsya : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Loginova Polina Garrievna. – Moskva. – 2017. – 375 s.

6. Golovanova, I. S. Hudozhestvennyj koncept «vino» v russkoj poezii v russkoj poezii XVIII veka (30 – 90-e gg. XVIII v.) : special'nost' 10.01.01 «Russkaya literatura» : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Golovanova Irina Sergeevna. – Samara, 2007. – 18 s.

7. D'yachkovskij, F. N. Alaas kak koncept yakutskoj lingvokul'tury / F. N. D'yachkovskij, N. I. Popova // Uralo-altajskie issledovaniya. – 2014. – № 3. – S. 58–66. – URL: http://ural-altai.ru/userfiles/files/magazine/ua2014_12.pdf

8. Prokop'eva, A. K. Ustarevshie leksemy, verbalizuyushchie koncept TABYL'LYY 'UDACHA' v yakutskom yazyke / A. K. Prokop'eva, A. A. D'yakonova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustarevshie-leksemy-verbalizuyushchie-kontsept-tabyllyy-udacha-v-yakutskom-yazyke>

9. Skryabina, A. A. Koncept “d'ol” (“schast'e”) v yazykovoj kartine mira naroda saha (na materiale poslovic i pogovorok) : special'nost' 10.02.02 “Yazyki narodov Rossijskoj Federacii (jakutskij jazyk)” : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Skryabina Alevtina Afanas'evna. – YAkutsk, 2022. – 24 s.

10. Kysylbaikova, M. I. Otrazhenie koncepta “kul'tura” v yazykovom soznanii saha i anglichan // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – № 11. – S. 72-75. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-kultura-v-yazykovoy-kartine-mira-predstaviteley-angliyskogo-i-yakutskogo-kulturnyh-soobschestv>

11. Kulakovskaj, A. E. Yrya-hohoon. / A. E. Kulakovskaj. – YAkutskaj : Saha sirineeҕи киниге издател'stvota, 1978. – 295 s.

12. Kulakovskij, A. E. Nastuplenie leta / A. E. Kulakovskij; perevod s yakutskogo V. Solouhina. – Moskva : Sovremennik, 1986. – 383 s.

13. Kulakovskij, A. E. YAkutskoj intelligencii – URL: <https://minkult.sakha.gov.ru/proekty/100letie-pisma-aekulakovskogo>

А. Д. Максимова, Л. Е. Манчурина

Способы перевода на якутский язык терминов, функционирующих в периодической печати Республики Саха (Якутия)

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

E-mail: maksimova.a.d@mail.ru

E-mail: manchurinale@mail.ru

Аннотация. В нынешнее время все большее количество иностранных и русских терминов входят в различные сферы общества, и главным средством их функционирования являются средства массовой информации, в том числе и газеты. Проблема их передачи на якутский язык в республиканских печатных изданиях составляет актуальность нашей работы. Цель статьи – определить способы перевода на якутский язык терминов, функционирующих в республиканской газете «Саха Сирэ», якутской республиканской общественно-политической еженедельной газете «Кыым», официальном печатном органе Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) газете «Ил Тумэн» и Намской улусной газете «Энсиэли». Теоретико-методологической основой статьи послужили работы В. М. Лейчика, К. Я. Авербуха, А. Г. Анисимовой, Д. С. Лотте, А. А. Реформатского и других. На основе проведенного сравнительно-сопоставительного анализа мы пришли к следующим выводам: во-первых, газеты «Саха Сирэ», «Кыым», «Ил Тумэн», «Энсиэли» при переводе терминов отдают предпочтение такому способу перевода, как беспереводное заимствование. Во-вторых, способ трансформационного перевода используется при переводе 36 терминов. В-третьих, способ калькирования употреблен для перевода 22 терминов. Описательный перевод используется при переводе 6 терминов. Помимо названных способов перевода терминов в республиканской периодической печати прослеживается способ вариантного перевода терминов. Передача терминов различных сфер и областей жизнедеятельности на якутском языке обогащают не только словарный запас читателя, но и вносят существенный вклад в расширение сферы функционирования якутского литературного языка.

Ключевые слова: термин, способы перевода терминов, беспереводное заимствование, калькирование, трансформационный перевод, описательный перевод, периодическая печать, газета.

Для цитирования: *Максимова А. Д., Манчурина Л. Е.* Способы перевода на якутский язык терминов, функционирующих в периодической печати Республики Саха (Якутия) // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.71.90.006>

МАКСИМОВА Анна Дмитриевна – магистрант кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: maksimova.a.d@mail.ru

MAKSIMOVA Anna Dmitrievna – poet, translator, Master's student, Department of the Yakut language Stylistics and Russian-Yakut Translation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

МАНЧУРИНА Лидия Егоровна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: manchurinale@mail.ru

MANCHURINA Lidiya Egorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

A. D. Maksimova, L. E. Manchurina

Methods of translation into Yakut of terms functioning in the periodical press of the Republic of Sakha (Yakutia)

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: maksimova.a.d@mail.ru

E-mail: manchurinale@mail.ru

Abstract. At present, an increasing number of foreign and Russian terms belong to various spheres of society and the main means of their functioning are the mass media, including newspapers. The problem of their transmission in the Yakut language in the republican press is topical of our work. The goal of the work is to determine the means of translation into Yakut of terms functioning in the republican newspaper «Sakha sire», Yakut republican socio-political weekly newspaper «Kyym», the official press body of the National Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia) newspaper «Il Tumen» and Namsk Oblast newspaper «Enzieli». The theoretical and methodological basis of the article were the works of V. M. Leichik, K. J. Averbuch, A. G. Anisimova, D. S. Lotte, A. A. Reformed, E. I. Okoneshnikov, V. I. Byganova, M. Borisova and others. On the basis of the comparative analysis, we have reached the following conclusions: firstly, the newspapers «Sakha sire», «Kyym», «Il Tumen», «Enzieli» when translating the terms prefer this way of translation, as smooth borrowing. Second, the method of transformation translation is used in 36 terms. Third, the calculation method is used to translate 22 terms. Descriptive translation is used to translate 6 terms. In addition to these methods of translation, the national press traces the way of variant translation of terms. The transfer of terms of various spheres and fields of life in the Yakut language enriches not only the reader's vocabulary, but also contribute to the expansion of the literary language.

Keywords: term, methods of translation of terms, uninterrupted borrowing, calculation, transformation translation, descriptive translation, periodical printing, newspaper.

For citation: *Maksimova A.D., Manchurina L.E.* Methods of translation into Yakut language of terms functioning in the periodical press of the Republic of Sakha (Yakutia) // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.71.90.006>

Введение

Средства массовой информации, в частности в печатных изданиях, являются ключевым средством передачи и функционирования терминов различных сфер. Проблема перевода и адаптации иностранных и русских терминов в якутских газетах является актуальной и требует внимания со стороны переводчиков и редакторов.

Целью нашей работы является анализ способов перевода на якутский язык терминов, функционирующих в республиканской газете «Саха сирэ», якутской республиканской общественно-политической еженедельной газете «Кыым», официальном печатном органе Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) газете «Ил Тумэн» и Намской улусной газете «Энзиэли».

«Термин» имеет множество определений, и каждое из них выделяет отдельные его особенности и привносит свою лепту в понимании его значения, как и отмечает К. Я. Авербух: «все возрастающее количество знаний о термине и терминосистемах переходит в качественно новые представления о природе и функциональном статусе этих понятий» [1, с. 38].

Лингвист, терминовед, лексиколог, лексикограф В. М. Лейчик дает такое определение термина: «термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [2]. Также он поясняет, что «в предлагае-

мом определении подчеркиваются следующие важнейшие моменты: 1) термины обладают всеми семантическими и формальными признаками слов и словосочетаний естественного языка; 2) термины фигурируют как таковые именно в лексике языков для специальных целей, а не в лексике того или иного естественного языка в целом; 3) в лексике языков для специальных целей термины служат в качестве средства обозначения специальных общих понятий – результата когнитии в специальных сферах знаний и (или) деятельности; 4) термины представляют собой элементы терминосистем, отражающих (моделирующих) теории, которыми описываются специальные сферы – объекты языков для специальных целей» [2, с. 31-32]. Под словосочетанием «языки для специальных целей» он подразумевает лексику, используемую в различных областях жизни, таких как наука, экономика, политика, здравоохранение, духовная культура, спорт, средства массовой информации и т. д.

Д. С. Лотте также выделяет роль термина в специальной области знаний: «Термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминологии. Если в общем языке (вне данной терминологии) слово может быть многозначным, то, попадая в определенную терминологию, оно приобретает однозначность. Термин не нуждается в контексте, как обычное слово, так как он, во-первых, член определенной терминологии, что и выступает вместо контекста, во-вторых, может употребляться изолированно, например в текстах реестров или заказов в технике и, в-третьих, для чего и должен быть однозначным не вообще в языке, а в пределах данной терминологии» [3, с. 73].

Советский лингвист, доктор филологических наук, профессор А. А. Реформатский в своей работе «Что такое терминология» подчеркивает особенность терминов, как «однозначные слова, лишенные экспрессивности» [4, с. 49-51], и в своем другом исследовании даёт такое определение термину: «это слова, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей. Термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминологии. Терминология – это совокупность терминов данной отрасли производства, деятельности, знания, образующая особый сектор лексики, наиболее доступный сознательному регулированию и упорядочиванию» [5, с. 110-111].

В. Н. Комиссаров, напротив, утверждает, что «более верно рассматривать термин не как слово, а как его особое качество, приобретаемое и теряемое в речи, т. к. слово становится термином всякий раз, когда начинает обозначать научное понятие» [6, с. 8].

Я. И. Рецкер отмечает главную функцию термина: «точно, кратко и однозначно определять понятие в данной отрасли науки, техники, искусства» [7, с. 74].

Многогранность термина отмечает З. И. Комарова: «Нет единицы более многоликой и неопределённой, чем термин, причём наблюдается несколько подходов к определению термина: одни исследователи пытаются дать ему достаточное логическое определение; другие – стараются описательно раскрыть содержание термина, приписав ему характерные признаки; третьи – выделяют термин путём его противопоставления какой-либо негативной единицы; четвёртые ищут противоречивые процедуры выделения терминов, чтобы прийти затем к строгому определению этого понятия; пятые пытаются дать пока хотя бы «рабочее» определение» [8, с. 7].

П. А. Флоренский утверждает, что «термин – это вариант обычного слова или культивированная специально созданная единица, обладающая как свойствами своей первоосновы, так и новыми, специфическими качествами» [9, с. 360].

Б. Н. Головин даёт следующее определение: «термин – это отдельное слово или образованное на базе имени существительного подчинительное словосочетание, обозначающее профессиональное понятие и предназначенное для удовлетворения специфических нужд

общения в сфере определённой профессии (научной, технической, производственной, управленческой)» [10, с. 276].

По мнению И. С. Квитко: «термин – это слово или словесный комплекс, соотносящиеся с понятием определенной организованной области познания (науки, техники), вступающие в системные отношения с другими словами и словесными комплексами и образующие вместе с ними в каждом отдельном случае и в определенное время замкнутую систему, отличающуюся высокой информативностью, однозначностью, точностью и экспрессивной нейтральностью» [11, с. 21].

Так, изучив определения, данные разными исследователями, можно прийти к заключению, что термин – это специальное слово, обозначающее определенное понятие в какой-то сфере жизнедеятельности.

Разные классификации способов перевода терминов в переводоведении

А. Г. Анисимова, кандидат филологических наук, выделяет следующие способы перевода терминов: «В западной науке предлагаются несколько методов перевода терминов, которым присущи специфические коннотации соответствующего иностранного языка: использование функционального эквивалента, свойственного культурным и языковым традициям страны; (cultural / functional equivalent); буквальный перевод каждого слова (translating word by word); заимствование оригинального термина языка-источника (transcribing (i.e. borrowing the SL term)); создание неологизма (neologising).

Российскими учеными выделяются следующие способы перевода терминов: беспереводное заимствование, калькирование, трансформационный перевод, описательный перевод / интерпретация» [12, с. 139].

Также М. М. Филиппова, кандидат филологических наук и ее аспирант Е. С. Капшутарь, опираясь на классификацию способов перевода терминов, данную А. Г. Анисимовой поясняют, что беспереводное заимствование – перевод терминов через транскрипцию или транслитерацию, «примерами являются *бёрглэри (burglary)*, *фелония (felony)*, а также многочисленные латинские выражения *эд хок (ad hoc)*, *де факто (de facto)*, *де юре (de jure)*», и подчеркивают: «данный метод... не рекомендуется для широкого применения, поскольку часто происходит излишнее заимствование, в то время как в языке уже существует исконный вариант перевода» [13, с. 44].

Как объясняет А. Г. Анисимова: «Метод калькирования обычно применяется при переводе сложных терминов или терминов-словосочетаний, когда обе (или более) части переводятся последовательно как, например, *shadow cabinet* ó *теневой кабинет*; *brain drain* ó *утечка мозгов*; *backbencher* ó *заднескамеечник* и т. п.» [12, с. 139].

Также выделяет следующие грамматические структуры для передачи терминологических словосочетаний на русском языке в соотношении «признак-предмет»: 1) прилагательное/ причастие + существительное: *merchant bank* – *торговый банк*; 2) существительное (именительный падеж) + существительное (родительный падеж): *alarm system* – *система сигнализации*; 3) существительное + предложный оборот: *job bias* – *дискриминация в области труда* [12, с. 141].

А. Г. Анисимова отмечает, что, как и транскрипция, транслитерация, способ калькирования не полностью передает оригинал: «сложные и составные слова и устойчивые словосочетания, при переводе которых калькирование используется чаще всего, нередко имеют значение, не равное сумме значений их компонентов; значение всего лексического образования в целом может остаться нераскрытым» [12, с. 141].

М. М. Филиппова и Е. С. Капшутарь объясняют, что «под калькированием понимается пословный перевод составных частей сложного термина или термина-словосочетания.

В этом случае переводятся друг за другом все части: *material evidence* – *существенные доказательства/ вещественные доказательства*» [13, с. 44].

Следующий способ перевода, который выделяет А. Г. Анисимова – трансформационный перевод: «Трансформационным перевод считается в том случае, когда имеет место изменение смысловой структуры английского слова или его внутренней формы: *Commonwealth Nation* – *страны содружества*» [12, с. 142].

К этому же методу она относит перевод с помощью аналога: «Подыскивается ближайшее по значению монолексемное соответствие для термина иностранного языка, не имеющего в русском языке точных соответствий, а также для перевода английской безэквивалентной лексики в русском языке: *горсовет* – *Municipal Council*; *райсовет* – *Regional Council*; *know how* – *секреты производства*» [12, с. 142].

В свою же очередь, М. М. Филиппова и Е. С. Капшутарь дают такое объяснение трансформационному переводу – «весьма распространенная стратегия при поиске эквивалента специфического понятия. В его основе лежит передача изначального смысла при помощи лексических и/ или синтаксических изменений первичной структуры термина. Термин *bench warrant* принято переводить как *приказ об аресте* несмотря на то, что в оригинальном термине нет слова, означающего арест, и именно в этом заключается трансформация» [13, с. 44].

Следующий способ перевода, который приводит А. Г. Анисимова: «Описательный / интерпретирующий метод перевода представляет собой раскрытие значения термина при помощи развернутого определения/описания: *vindictive* – (эк.) *денежное возмещение в виде наказания ответчика*» [12, с. 142].

И также отмечает, что описательный способ перевода раскрывает значение слова, но «имеет тот серьезный недостаток, что он обычно оказывается весьма громоздким и неэкономным» [12, с. 142]. Изучив способы перевода терминов, А. Г. Анисимова приходит к выводу, что «часто переводчики прибегают к сочетанию двух приемов транскрипции/ калькирования и описательного перевода, давая последний в сноске» [12, с. 142-143].

Способы перевода газетных терминов с русского языка на якутский язык

Основываясь на классификации методов перевода терминов, данной А. Г. Анисимовой, мы выделили следующие способы перевода 205 терминов, функционирующих в газетах «Саха Сирэ», «Кыым», «Ил Түмэн» и «Энсиэли»:

Способом *беспереводного заимствования* переведено 159 терминов, в том числе транскрипцией, например: 'аренда' *арыанда*, 'автобус' *оптубус*, 'асфальт' *аспаал*, 'бассейн' *бассыайын*, 'беседа' *бэсиэдэ*, 'библиотека' *библиэтиэкэ*, 'бизнес' *биисинэс*, 'билет' *билиэт*, 'ветеран' *бэтэрээн*, 'боец' *байыас*, 'бюджет' *бүддьүөт*, 'ведомство' *биздэмистибэ*, 'ветеран' *бэтэрээн*, 'выборы' *быыбар*, 'газ' *гаас*, 'главный' *кылаабынай*, 'делегация' *дэлэгээссийэ*, 'деловой' *дьыалабыай*, 'департамент' *дэпэртээмэн*, 'депутат' *дьокутаат*, 'деятель' *диэйэтэл*, 'директор' *дириэктэр*, 'дисциплина' *дьисциплиинэ*, 'договор' *дуогабар*, 'журналист' *суруналыыс*, 'заказ' *сакаас*, 'запас' *саппаас*, 'заявка' *сайаапка*, 'заявление' *сайабылыан-на*, 'инвалид' *инбэлиит*, 'инвалидность' *инбэлиидинэс*, 'искусство' *ускуустуба*, 'история' *устуоруйа*, 'кандидат' *хандьыдаат*, 'капитальный ремонт' *хапытаалынай өрөмүөн*, 'квартира' *кыбартыыра*, 'коллектив' *кэлэктиип*, 'комитет' *кэмитиэт*, 'контроль' *хонтуруол*, 'кооператив' *кэпэрэтиип*, 'космос' *куосумас*, 'кредит' *кирэдьиит*, 'культура' *култура*, 'курс' *куурус*, 'линия' *лииньийэ*, 'лицей' *лиссийэ*, 'маршрут' *морсуруут*, 'массовость' *маассабаас*, 'медицина' *мэдиисиинэ*, 'механизм' *мэхэньиисим*, 'министерство' *министирэ-ристибэ*, 'министр' *миниистир*, 'мобильная бригада' *мобильнай биригээдэ*, 'музыка' *муу-сука*, 'налог' *нолуок*, 'население' *нэһилиэнньэ*, 'населенный пункт' *нэһилиэнньэлээх пуун*,

‘наставник’ *настаабынньык*, ‘научная конференция’ *научнай кэмпириэнсийэ*, ‘начальник’ *начаалынньык*, ‘общество’ *уопсастыба*, ‘объект’ *эбийиэк*, ‘оператор’ *эпэрээтэр*, ‘опыт’ *уопут*, ‘орган’ *урган*, ‘ответственность’ *эппиэтинэс*, ‘общественность’ *уопсастыбаннас*, ‘памятник’ *пааматынньык*, ‘партия’ *баартыйа*, ‘паспорт’ *пааспар*, ‘патриот’ *ботуруйуот*, ‘пенсия’ *биэнсийэ*, ‘площадка’ *былаһаакка*, ‘повар’ *пуобар*, ‘повестка’ *бэбиэскэ* и другие. Используя данный способ заимствования, как транскрипция, периодические издания передают термины в более понятном для читателя варианте, соблюдая сингармонизм гласных звуков якутского языка.

К тому же встречаются и иные вариации написания транскрипции одного и того же термина, например: ‘ватсап’ *батсаап* («Саха сирэ») и *бассаап* («Кыым», «Ил Тумэн», «Эн-сиэли»), ‘ведомство’ *биздэмистибэ* («Саха сирэ», «Кыым», «Ил Тумэн») и *биздэмэстибэ* («Энсиэли»), ‘военный комиссар’ *байыаннай хамыһаар* («Кыым») и *байыаннай комиссар* («Саха сирэ», «Ил Тумэн»), ‘гараж’ *гараас* и *хараас* («Кыым»), ‘список’ *испиһэк* и *испиэһэк* («Кыым»), ‘государственность’ *судаарыстыбаннас* и *судаарыстыбыннас* («Кыым»), ‘государство’ *судаарыстыба* и *судаарыстаба* («Кыым»), ‘деловой’ *дьыалабыай* и *дьылабыай* («Кыым»), ‘квартал’ *кыбаартал* («Саха сирэ», «Ил Тумэн») и *кыбартаал* («Саха сирэ», «Кыым», «Энсиэли»), ‘конкурс’ *куонкурус* и *конкурус* («Энсиэли»), ‘медицина’ *мэдиисиинэ* и *мэдэссиинэ* («Ил Тумэн»), ‘механизм’ *мэхэньиисим* и *мэхэньиһим* («Ил Тумэн»), ‘техника’ *тиэхиньикэ* и *тиэхиникэ* («Кыым»), ‘трактор’ *тыраахтыр* и *тыраахтар* («Кыым»), ‘университет’ *үнүбэрситиэт*, *үнүбүрсүтүөт* и *үнүбэрсит* («Кыым»). Причины возникновения таких расхождений могут быть: во-первых, транскрибирование терминов разными авторами; во-вторых, орфографические ошибки. Но главной причиной вариации написания транскрипции одного и того же термина является отсутствие общепринятой, утвержденной передачи термина на якутском языке.

Способ транслитерации используется при переводе таких терминов, как, например: *аренда*, *асфальт*, *бассейн*, *библиотека*, *бизнес*, *газ*, *газон*, *гражданин*, *делегация*, *деятель*, *директор*, *договор*, *журналист*, *инвалид*, *инвалидность*, *искусство*, *кандидат*, *квартира*, *ковид*, *коллектив*, *комитет*, *коронавирус*, *космос*, *линия*, *лицей*, *маршрут*, *музыка*, *наука*, *номинация*, *оператор*, *патриот*, *патриотизм*, *пенсионер*, *производство*, *пропаганда*, *повар*, *управление*, а также при вариантном переводе совместно с другими способами перевода. Данный способ беспереводного заимствования, в основном, используется в том случае, когда невозможно транскрибировать термин или же, когда транскрипция неблагозвучна. Нередки и случаи, когда способы транскрипции и транслитерации равнозначно используются при переводе одного термина: *арыанда*, *аренда*; *биисинэс*, *бизнес*; *гараас*, *гараж*; *успуор*, *успуорт*, *спорт*; *энергийэтикэ*, *энергетика*. Как мы ранее отметили, такое происходит из-за отсутствия общепринятой нормы передачи термина на якутский язык.

Способ **калькирования** использован при переводе 22 таких терминов, как ‘английский язык’ *аангылыа тыла*, ‘заметки’ *бэлиэтээһиннэр*, ‘здравоохранение’ *доруобуйа харыстабыла*, ‘ветхий дом’ *хаарбах дьиэ*, ‘избиратель’ *быыбардааччы*, ‘лесной пожар’ *ойуур баһаара*, ‘охрана окружающей среды’ *тулалыыр эйгэ харыстабыла*, ‘прямой эфир’ *быһа биэриш*, ‘частичная мобилизация’ *быстах хомуур*, ‘муниципальное образование’ *муниципальной тэрилли*, ‘наводнение’ *халаан уута*, ‘научная конференция’ *билим кэмпириэнсийэтэ*, ‘общая мобилизация’ *уопсай хомуур*, ‘общественное собрание’ *уопсастыбаннай түмсүү*, ‘органы местного самоуправления’ *олохтоох бэйэни салайыны уорганнара*, ‘охрана окружающей среды’ *тулалыыр эйгэ харыстабыла*, ‘пенсионер’ *биэнсийэлээх*, ‘социальная сеть’ *социальной ситим*, ‘частичная мобилизация’ *быстах хомуур* и другие. Как видно из вышеприведенных примеров, данный способ передачи термина на якутский

язык в основном используется при переводе терминов-словосочетаний. Способ калькирования подразумевает собой перевод каждой части термина-словосочетания. В результате перевода получается термин-словосочетание, состоящее либо полностью из исконно якутских слов, либо первый компонент – слово заимствовано из русского языка или через якутский язык, второй – слово исконно якутского происхождения.

Также встречаются различные вариации калькирования в разных печатных изданиях, например: ‘алкогольные напитки’ *аһыы утах* («Саха сирэ»), *итирдэр утах* («Кыым»), *алкоголлаах утах* («Ил Тумэн»); ‘дополнительное финансирование’ *эбии үбүлээһин* («Саха сирэ»), *эбии үп, эбии үп-харчы, эбии үбүлээһин* («Кыым»), *хос үбүлээһин* («Ил Тумэн»), *эбии үп* («Энсиэли»); ‘исполнительный директор’ *тодорор дириэктэр* («Саха сирэ»), *тодороччу дириэктэр* («Кыым», «Энсиэли»); ‘лесной пожар’ *ойуур баһаара* («Саха сирэ», «Ил Тумэн»), *ойуур умайыта, тыа баһаара* («Кыым»); ‘специальная военная операция’ *анал байыаннай дьайыы* («Саха сирэ», «Ил Тумэн»), *анал байыаннай эһэрээссийэ* («Саха сирэ», «Кыым», «Ил Тумэн»), *анал байыаннай операция* («Энсиэли»). Также из-за отсутствия утвержденного перевода терминов на якутский язык, газетам приходится переводить термины, используя различные вариации.

Третий способ перевода терминов – **трансформационный перевод**, этим методом переведено 36 терминов, например: ‘аренда’ *түүлэһии*, ‘воспитатель’ *иитээчи*, ‘детский сад’ *уһуйаан*, ‘Глава РС(Я)’ *Ил Дархан*, ‘доярка’ *ыанныксыт*, ‘заключение под стражу’ *көҥүлү быһыы*, ‘информация’ *иһитиннэри*, ‘конкурс’ *күөн-күрэх, күөн күрэс, күрэс*, ‘конституция’ *төрүт сокуон*, ‘линия’ *ситим*, ‘музей’ *түмэл*, ‘мультфильм’ *ойуулук*, ‘наводнение’ *халаан*, ‘наставник’ *уһуйааччы*, ‘налог’ *түһээн*, ‘наука’ *билим*, ‘номинация’ *аат*, ‘общая мобилизация’ *хомуур*, ‘отделение’ *салаа*, ‘отопление’ *ититии*, ‘охрана окружающей среды’ *айылба харыстабыла*, ‘оценка’ *сыанабыл и сыаналааһын*, ‘памятник’ *өйдөбүннүк*, ‘пандемия’ *хамсык*, ‘предприниматель’ *урбаанньыт*, ‘преступление’ *буруйу оноруу*, ‘поддержка’ *өйөбүл*, ‘производство’ *онгоруу таһаарыы*, ‘соглашение’ *сөбүлэһии и сөбүлэн*, ‘ущерб’ *хоромньу*, ‘финансирование’ *үбүлээһин*, ‘читатель’ *аабааччы*, ‘этаж’ *мэндизмэн*. К данному способу перевода А. Г. Анисимова относит аналог: ‘беседа’ *кэпсэтии, сэхэргэһии*, ‘наводнение’ *угуттаан*, ‘охрана окружающей среды’ *ойуур харыстабыла*. Данные способы перевода терминов, как трансформационный перевод и аналог, наиболее полно раскрывают значение оригинального термина на языке получателя, в нашей ситуации, на якутском языке.

Описательный перевод используется при переводе 6 терминов, например: ‘патриотизм’ *дойдуга бэриниһлээх буолуу*, ‘доброволец/ контрактник’ *баҕа өттүнэн хантараагынан барбыт* («Саха сирэ»), *хантараагынан сулууспалы барбыт* («Кыым»), *баҕа өттүнэн барбыт / хантараабынан сулууспалааччы* («Ил Тумэн»), *баҕа өттүнэн контрагынан барбыт* («Энсиэли»), ‘газон’ *сымнаҕас хонуу* («Энсиэли»), ‘инвалид’ *кыаммат киһи* («Саха сирэ»), *доруобуйаларынан хааччахтаах дьон* («Ил Тумэн»), ‘патриотизм’ *дойдуга бэриниһлээх буолуу* («Ил Тумэн»), ‘праймериз’ *барыллаан куоластааһын* («Саха сирэ», «Кыым»), ‘телеграм-канал’ *телеграм социальнай ситим* («Ил Тумэн»). В основном способ описательного перевода терминов используется в газетах параллельно с беспереводным заимствованием. Описательный перевод термина, во многих случаях, употребляется за неимением другого способа перевода, так как термин должен быть ёмким, однословным.

Помимо вышеперечисленных способов перевода терминов в республиканской периодической печати прослеживается способ вариантного перевода терминов, например:

– **беспереводное заимствование / трансформационный перевод**: ‘аренда’ *аренда* («Саха сирэ», «Энсиэли»), *арыанда* («Саха сирэ», «Кыым», «Ил Тумэн») / *түүлэһии* («Саха

сирээ», «Кыым», «Ил Тумэн»); ‘беседа’ *бэсидэ* («Саха сирээ», «Кыым», «Энсиэли») / *кэпсэтии* («Саха сирээ», «Кыым», «Ил Тумэн»), *сэхэргэһии* («Кыым»); ‘газ’ *гаас* / *күөх төлөн* («Ил Тумэн»); ‘главный’ *кылаабынай* («Саха сирээ», «Кыым», «Энсиэли») / *сүүрүн* («Кыым», «Ил Тумэн»), *сүүрүнүүр* («Кыым»); ‘детский сад’ *дьыссаат* / *уһуйаан* («Кыым»); ‘договор’ *дуогабар* / *сөбүлэн* («Ил Тумэн»); ‘доярка’ *дайаарка* / *ыанньыксыт* («Саха сирээ», «Кыым», «Энсиэли»); ‘конкурс’ *куонкурус* / *күрэх, күрэс* («Саха сирээ», «Кыым»); ‘конституция’ *конституция* / *төрүт сокуон* («Саха сирээ», «Ил Тумэн»); ‘мобильная бригада’ *мобильнай биригээдэ* / *анал биригээдэ, суһал биригээдэ, мобильнайдар* («Кыым», «Энсиэли»); ‘музей’ *музей, мусуой* / *түмэл* («Саха сирээ», «Кыым», «Энсиэли»); ‘мультфильм’ *мультфильм* / *ойуулук* («Саха сирээ»); ‘налог’ *нолуок* / *түһээн* («Ил Тумэн»); ‘наставник’ *настаабынньык* / *уһуйааччы* («Саха сирээ», «Ил Тумэн»); ‘общая мобилизация’ *мобилизация* / *хомуур* («Кыым»); ‘отделение’ *отделение* / *салаа* («Саха сирээ», «Кыым», «Энсиэли»); ‘памятник’ *пааматынньык* / *өйдөбүнньүк* («Ил Тумэн»); ‘пандемия’ *пандемия* / *хамсык* («Саха сирээ», «Кыым», «Ил Тумэн»); ‘повар’ *пуобар* / *астааччы* («Кыым»); ‘пособие’ *босуобуйа* / *көмө* («Ил Тумэн»); ‘предприниматель’ *предприниматель* / *урбаанньыт* («Энсиэли»); ‘проезд’ *проезд* / *төлөбүр* («Энсиэли»); ‘проект’ *бырайыак* / *барыл* («Ил Тумэн»); ‘производство’ *производство* / *онгрон таһаарыы* («Саха сирээ», «Кыым»); ‘субсидия’ *субсидия* / *көмө* («Ил Тумэн»); ‘тариф’ *тарыып* / *кэрискэ, сыана* («Ил Тумэн»); ‘этаж’ *этээс* / *мэндизмэн* («Саха сирээ», «Кыым»);

– **беспереводаемое заимствование / калькирование:** ‘здравоохранение’ *здравоохранение* / *дорубуйа харыстабыла* («Кыым»); ‘детский сад’ *детсад, детсаад* / *оҕо уһуйаана, оҕо саада* («Энсиэли»); ‘заметки’ *заметки* / *бэлиэтээһиннэр* («Кыым», «Энсиэли»);

– **беспереводаемое заимствование / описательный перевод:** ‘гражданин’ *гражданин* / *дойду олохтооҕо* («Саха сирээ», «Ил Тумэн»); ‘газ’ *гаас* / *гаас уматык* («Кыым»); ‘газон’ *газон* / *газон ото* («Кыым»); ‘ЕГЭ’ *ЕГЭ* / *биир кэлим судаарыстыбаннай эксээмэн* («Саха сирээ»), *биир кэлим государственной экзамен* («Энсиэли»); ‘инвалид’ *инбэлиит* / *кыаммат киһи* («Саха сирээ»), *дорубуйаларынан хааччахтаах дьон* («Ил Тумэн»); ‘ковид / коронавирус’ *ковид-19, коронавирус / коронавирус дьаһа* («Энсиэли»); ‘мультфильм’ *мультфильм* / *ойуу киһи* («Энсиэли»); ‘патриотизм’ *патриотизм* / *дойдуга бэринишлээх буолуу* («Саха сирээ»); ‘пенсия’ *бизнсийэ* / *бочуоттаах сынньалан* («Ил Тумэн»); ‘пожар’ *баһаар* / *уот туруута* («Кыым»); ‘пожарный’ *баһаарынай* / *баһаары умуруорааччы* («Кыым»); ‘праймериз’ *праймериз* / *барыллаан куоластааһын* («Ил Тумэн»); ‘президент’ *бэрэсидьиэн* / *дойду Аҕа баһылыга* («Саха сирээ»), *президент* / *дойду президентэ* («Энсиэли»); ‘субсидия’ *субсидия* / *социальной төлөбүр* («Кыым»);

– **трансформационный перевод / калькирование:** ‘алкогольные напитки’ *арыгы* («Энсиэли») / *аһыы утах* («Саха сирээ»), *итирдэр утах* («Кыым»), *алкоголлаах утах* («Ил Тумэн»); ‘детский сад’ *уһуйаан* / *оҕо уһуйаана* («Ил Тумэн»); ‘заключение под стражу’ *көңүлү быһыы* / *хаайыыга угуу* («Кыым»); ‘лесной пожар’ *ойуур умайыыта* / *тыа баһаара* («Кыым»); ‘муниципальное образование’ *хомууна* / *муниципальной тэрилли* («Кыым»);

– **трансформационный перевод / описательный перевод:** ‘автомобильная авария’ *саахал, массыына түгнэстиитэ* («Саха сирээ»); ‘мультфильм’ *ойуулук* / *анимационнай киһи* («Ил Тумэн»); ‘наводнение’ *халаан* / *халаан уута* («Саха сирээ»);

– **калькирование / описательный перевод:** ‘частичная мобилизация’ *быстах хомуур* («Саха сирээ», «Кыым», «Ил Тумэн», «Энсиэли») / *быстах байыаннай хомуур* («Кыым», «Энсиэли»); ‘ветхий дом’ *хаарбах дьиэ* («Саха сирээ», «Ил Тумэн», «Энсиэли») / *хаарбах туруктаах дьиэ* («Кыым», «Ил Тумэн»); ‘ЕГЭ’ *СКЭ* / *биир кэлим эксээмэн* («Кыым»);

– *беспереводное заимствование* / *трансформационный перевод* / *описательный перевод*: ‘ковид’ *ковид*, *ковид-19* / *дьанг* / *ковид ыарыы* («Кыым»); ‘мультфильм’ *мультфильм* («Саха сирэ»), *мультик* («Энсиэли») / *ойуулук* («Саха сирэ», «Кыым», «Ил Тумэн») / *ойуу киинэ* («Энсиэли»), *анимационнай киинэ* («Ил Тумэн»); ‘патриотизм’ *патриотизм* / *дойдунаат* / *дойдуга бэриниһлээх буолуу* («Кыым»);

– *беспереводное заимствование* / *калькирование* / *описательный перевод*: ‘автомобильная авария’ *абаарыйа*, *суол саахала*, *массыына харсыһыта* («Кыым»).

Вариантный перевод является результатом работы по подыскиванию наиболее подходящего варианта перевода. В результате каждодневной переводческой работы якутских журналистов, впоследствии, возможно, утвердиться наиболее соответствующий вариант перевода термина или термина-словосочетания в якутском языке.

Заключение

Изучив способы перевода на якутский язык 205 терминов, функционирующих в периодической печати Республики Саха (Якутия), можно прийти к следующим выводам: газеты «Саха сирэ», «Кыым», «Ил Тумэн», «Энсиэли» при переводе терминов отдают предпочтение такому способу перевода, как беспереводное заимствование. Данный способ перевода используется при переводе 159 терминов. Способ транскрипции наиболее часто употребляется в газетах «Саха сирэ», «Кыым» и «Ил Тумэн», а способ транслитерации – в газете «Энсиэли». К тому же, в различных газетах встречаются разные вариации написания транскрипции одного и того же термина. Способ транслитерации используется во всех четырех газетах при переводе 5 таких терминов, как: *гражданин*, *патриот*, *праймериз*, *производство*, *управление*. Нередки и случаи, когда способы транскрипции и транслитерации равнозначно используются при переводе одного термина.

Способ трансформационного перевода используется при переводе 36 терминов. Также к нему относится такой способ перевода, как подбор аналога. Он используется при переводе таких терминов, как *беседа*, *наводнение* и *охрана окружающей среды*. Трансформационный перевод наиболее употребляется в газете «Ил Тумэн»: 24 термина. Данный способ перевода является самым эффективным, так как он наиболее полно передает значение оригинала на языке получателя.

Способ калькирования употреблен для перевода 22 терминов. Также встречаются различные вариации калькирования в разных печатных изданиях в виду отсутствия сложившегося перевода определенного термина.

Описательный перевод используется при переводе 6 терминов. В основном способ описательного перевода терминов употребляется в газетах параллельно с беспереводным заимствованием.

Помимо названных способов перевода терминов в республиканской периодической печати прослеживается способ вариантного перевода терминов, в таком соотношении: беспереводное заимствование и трансформационный перевод – 27 терминов, беспереводное заимствование и калькирование – 3 термина, беспереводное заимствование и описательный перевод – 14 терминов, трансформационный перевод и калькирование – 5 терминов, трансформационный перевод и описательный перевод – 3 термина, калькирование и описательный перевод – 3 термина. Также встречается вариантный перевод с использованием 3 способов перевода таких, как: беспереводное заимствование, трансформационный перевод и описательный перевод. Данный способ используется при переводе 3 терминов. Наблюдается такое сочетание при переводе термина *автомобильная авария*: беспереводное заимствование, калькирование и описательный перевод в газете «Кыым». Вариантный перевод является результатом работы по подыскиванию наиболее подходящего варианта перевода.

В целом, можно утверждать, что в якутской периодической печати перевод терминов с русского языка на якутский язык все еще не имеет общепринятого характера, в разных изданиях имеются расхождения в переводе терминов. Учитывая, что газеты на якутском языке становятся основным средством распространения и популяризации родного языка, а термины различных сфер и областей жизнедеятельности на якутском языке обогащают не только словарный запас читателя, но и вносят значительный вклад в расширение сферы функционирования современного якутского литературного языка, требуется незамедлительная работа по унификации и кодификации переводных терминов в якутском языке.

Литература

1. Авербух, К. Я. Терминологическая вариативность: теоретический и прикладной аспекты / К. Я. Авербух // Вопросы языкознания, 1986. – № 6. – 38–49 с.
2. Лейчик, В. М. Терминоведение : предмет, методы, структура. 4-е изд., испр. и доп. / В. М. Лейчик. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2006. – 256 с.
3. Лотте, Д. С. Образование системы научно-технических терминов / Д. С. Лотте // Основы построения научно-технической терминологии. – Москва : АН СССР, 1961. – 120 с.
4. Реформатский, А. А. Термин как член лексической системы языка / А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. – Москва : Наука, 1967.
5. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология? / А. А. Реформатский. – Москва, 1959.
6. Комиссаров, В. Н. Слово о переводе / В. Н. Комиссаров. – Москва : Международные отношения, 1973.
7. Рецкер, Я. И. Что же такое лексические трансформации? // Тетради переводчика / Я. И. Рецкер. – Москва : Международные отношения, 1980. – №17.
8. Комарова, З. И. Терминосистема подъязыка эвристики (на материале англ. яз.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Комарова З. И. – Одесса, 1991.
9. Флоренский, П. А. Термин // Татаринцев В. А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения : очерк и хрестоматия / П. А. Флоренский. – Москва : Московский лицей, 1994.
10. Головин, Б. Н. Основы культуры речи : Учебник для вузов. – 2-е изд., испр. / Б. Н. Головин. – Москва : Высшая школа, 1988. – 320 с. – ISBN 5-06-001165-8. М., 1980.
11. Квитко, И. С. Термин в научном документе / И. С. Квитко. – Львов : Вища школа, 1976. – 125 с.
12. Анисимова, А. Г. К вопросу о переводе терминов гуманитарных наук // Язык, сознание, коммуникация : Сборник статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС Пресс, 2002. – Вып. 21. – 139–143 с.
13. Капшутарь Е. С. Особенности перевода современных англоязычных терминов права / Е. С. Капшутарь, М. М. Филиппова // Научный диалог, 2016. Вып. №10 (58). – 41–53 с.

References

1. Averbuh, K. YA. Terminologicheskaya variativnost': teoreticheskij i prikladnoj aspekty / K. YA. Averbuh // Voprosy yazykoznanija, 1986. – № 6. – 38–49 s.
2. Lejchik, V. M. Terminovedenie : predmet, metody, struktura. 4-e izd., ispr. i dop. / V. M. Lejchik. – Moskva : LIBROKOM, 2006. – 256 s.
3. Lotte, D. S. Obrazovanie sistemy nauchno-tekhnicheskikh terminov / D. S. Lotte // Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoj terminologii. – Moskva : AN SSSR, 1961. – 120 s.
4. Reformatskij, A. A. Termin kak chlen leksicheskoy sistemy yazyka / A. A. Reformatskij // Problemy strukturnoj lingvistiki. – Moskva : Nauka, 1967.
5. Reformatskij, A. A. CHto takoe termin i terminologiya? / A. A. Reformatskij. – Moskva, 1959.
6. Komissarov, V. N. Slovo o perevode / V. N. Komissarov. – Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1973.
7. Recker, YA. I. CHto zhe takoe leksicheskije transformacii? // Tetradi perevodchika / YA. I. Recker. – Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. – №17.

8. Komarova, Z. I. Terminosistema pod"yazyka evristiki (na materiale angl. yaz.) : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Komarova Z. I. – Odessa, 1991.
9. Florenskij, P. A. Termin // Tatarinov V. A. Istoriya otechestvennogo terminovedeniya. Klassiki terminovedeniya : ocherk i hrestomatiya / P. A. Florenskij. – Moskva : Moskovskij licej, 1994.
10. Golovin, B. N. Osnovy kul'tury rechi : Uchebnik dlya vuzov. – 2-e izd., ispr. / B. N. Golovin. – Moskva : Vysshaya shkola, 1988. – 320 s. – ISBN 5-06-001165-8.M., 1980.
11. Kvitko, I. S. Termin v nauchnom dokumente / I. S. Kvitko. – L'vov : Vishcha shkola, 1976. – 125 s.
12. Anisimova, A. G. K voprosu o perevode terminov gumanitarnykh nauk // YAzyk, soznanie, kommunikaciya : Sbornik statej / Otv. red. V. V. Krasnyh, A. I. Izotov. – Moskva : MAKS Press, 2002. – Vyp. 21. – 139-143 s.
13. Kapshutar' E. S. Osobennosti perevoda sovremennykh angloyazychnykh terminov prava / E. S. Kashputar', M. M. Filippova // Nauchnyj dialog, 2016. Vyp. №10 (58). – 41–53 s.

– ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ –

DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.18.56.007 УДК 821.512.157-1 Васильев-Борогонский.09

В. Е. Степанова

Художественное своеобразие поэмы «Артель Романа» С. С. Васильева-Борогонского

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия
E-mail: varvarast77@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности поэтического языка лиро-эпической поэмы С. С. Васильева-Борогонского «Арамаан артыала» («Артель Романа», 1929). Анализ поэтики произведения представляет одно из основных направлений исследования мастерства писателя. Как правило, поэт передает свои мысли через художественное слово, в этом отношении рассмотрены приемы художественной выразительности, использованные С. С. Васильевым. Изучение текста произведения проводится в аспектах лексического и фонетического строя. По ходу анализа текста поэмы обращается внимание на особенности стиховой организации и поэтический синтаксис. В результате анализа языка выявляются особенности поэтического языка произведения, а также мастерство писателя.

Ключевые слова: С. С. Васильев-Борогонский, поэма «Артель Романа», якутская поэма, лиро-эпические произведения, поэтический язык произведения, средства выразительности, стиховая организация, аллитерация, рифма, синтаксические параллелизмы.

Для цитирования: *Степанова В. Е.* Художественное своеобразие поэмы «Артель Романа» С. С. Васильева-Борогонского // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.18.56.007>

V. E. Stepanova

Artistic originality of the poem «The Artel of the Novel» by S. S. Vasilyev-Borogonsky

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
E-mail: varvarast77@mail.ru

Abstract. The article discusses the features of the poetic language of the lyric-epic poem by Sergei Vasilyev-Borogonsky «Aramaan artyala» («Artel of the Novel», 1929). The analysis of the poetics of the work is one of the main directions of the study of the writer's skill. As a rule, the poet conveys his thoughts through an artistic word, in this regard, the techniques of artistic expression used by S. S. Vasiliev are considered. The study of the text of the work is carried out in the aspects of lexical and phonetic structure. In the course of analyzing the text of the poem, attention is drawn to the peculiarities of the verse organization

СТЕПАНОВА Варвара Егоровна – к. филол. н., научный сотрудник Института А.Е. Кулаковского, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: varvarast77@mail.ru

STEPANOVA Varvara Egorovna – Candidate of Philological Sciences, Researcher at the A.E. Kulakovsky Institute, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

and poetic syntax. As a result of the analysis of the language, the features of the poetic language of the work, as well as the skill of the writer, are revealed.

Keywords: S. S. Vasiliev-Borogonsky, poem «Artel of the Novel», Yakut poem, lyric-epic works, poetic language of the work, means of expression, verse organization, alliteration, rhyme, syntactic parallelisms.

For citation: *Stepanova V. E.* Artistic originality of the poem «The Artel of the Novel» by S. S. Vasilyev-Borogonsky) // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.18.56.007>

Введение

Имя С. С. Васильева стало широко известным, когда было опубликовано его первое объемное произведение «Арамаан артыала» («Артель Романа»), посвященное теме создания артелей и колхозов. Поэма написана в 1929 г. и напечатана в первом номере журнала «Кыһыл ыллык» («Красная тропа») и в газете «Эдэр бассабыык» («Молодой большевик», 24 апреля 1930 г.). Сразу после опубликования поэмы многие писатели-современники С. С. Васильева высоко оценили способность поэта предугадать картину будущего. Литературная критика особо подчеркивала яркость фантазии автора в умении изображать то время, когда якутские села и деревни еще не были столь технически развитыми [1]. Позднее в статье народного поэта Якутии С. П. Данилова были отмечены художественные достоинства произведения: «Поэма сырдык тыына, сайаҕас оптимизма, ааҕааччыны көбүлүүр эдэр эрчимэ, чэбдигэ – уопсайынан эттэххэ, ис да хоһоонун, тас да киэбин өттүнэн сонуна, оччотообу олох күүрэнигэр, күлүмүгэр-чабылыгар сөп түбэхэрэ кини саамай күүстээх өттүнэн буолар. Ол да иһин поэма тута норуокка кэрэхсэппитэ киэнник тарҕаммыта, бэрт сотору дьиннээх народнай айымньы буолбута түмсүүлэргэ, бырааһынньыктарга оһуокай тойуга буолан ылламмыта» [2, с. 6] (Поэма отличается светлым духом, добрым оптимизмом, энергией, вдохновляющей читателя, свежестью – в общем, как содержание, так и форма новые, и соответствуют напряженной, энергичной жизни того времени. Тем не менее, поэма сразу привлекла к себе всеобщее внимание и вскоре стала настоящим народным произведением и воспевалась на собраниях и праздниках в качестве народной песни. *Здесь и далее перевод наш – В. С.*). В этом плане следует отметить, что произведение С. С. Васильева вызывает большой интерес для изучения его поэтики, языка.

Из истории создания поэмы «Артель Романа»

Как известно, С. С. Васильев активно занимался общественной работой и для создания поэмы с романтическим содержанием «Артель Романа» основывался на материалах своих жизненных университетов. В этом отношении поэма оценивалась как лиро-эпическое произведение, имеющее автобиографический характер [3]. Это подтверждают воспоминания поэта И. И. Артамонова. Он считает, что прототипом образа главного героя, коммуниста Романа является его близкий родственник И. Ф. Артамонов, который работал председателем колхоза «Арыылаах» Ольтекского наслега Борогонского улуса. С. С. Васильев был лично знаком с ним, в 1920-е гг. оба активно участвовали в работах по земельной реформе и коллективизации [4].

Интересен процесс работы над созданием поэмы «Артель Романа». По воспоминаниям самого автора, его консультировал писатель с огромным творческим талантом и большим опытом П. А. Ойунский. Старший коллега по перу подробно прочитал рукописи стихотворных произведений «Арыылаах артыала» («Артель Арыылааха») и «Арамаан оҕо артыала» («Артель Романа-юнца») С. С. Васильева. Как наставник, посоветовал молодому поэту из двух похожих по содержанию и теме произведений создать одну объемную поэму [5]. В результате чего С.С. Васильев, объединив эти два произведения, а также усилив средства художественной выразительности, воссоздал лиро-эпическую поэму «Артель Романа».

Изобразительно-выразительные средства в поэме

По классификации якутских поэм П. В. Максимовой, произведение С. С. Васильева относится к разряду крупных эпических произведений [6]. Следовательно, поэма наиболее приближена к поэтике фольклора, что особо четко наблюдается в ее поэтическом языке и звукописи.

Для создания высокохудожественного образа, передачи идеи автора, для эстетического воздействия на читателя С. С. Васильев использует разнообразные изобразительные средства, особенно частыми из которых являются олицетворения.

В лирическом отступлении, которое расположено во вступительной части поэмы, представлена картина местности Арыылаах. Изображение окружающей обстановки перекликается с описанием Среднего мира, которое всегда находится в зачине олонхо. Необходимо отметить, что данное описание в поэме выполняет функцию нарративного начала. Пейзаж используется как средство поэтической экспрессии, которая настраивает читателя на требуемую эмоциональную волну [8]. Такие олицетворения, как, например, «*Саҥа күнүм арылыһан, / Көтөн ойон күөрэйдэ*» (*Новое солнце светясь, / Летя, высоко поднялось, / Сверкая-мигая склонилось*) [7, с. 13], «*Сибэкки отум тэтэрэн / Аламай күннэ хайыста*» (*Цветок алый, / К ясному солнцу повернулся*) [7 с. 130] выполняют функцию передачи не только особого радостного, одухотворенного чувства лирического героя, но и возвышенного, романтического пафоса поэмы.

Автор описывает, как народ, сплотившись, ощутил радость и счастье от нового уклада жизни; сила и мощь сельскохозяйственной техники изображаются подобно описанию физических данных персонажей якутского народного эпоса, в котором используются такие формульные выражения, как «*көлө обургу*» (*трактор славный*) [8, с. 58], «*кини дьаалы киппэйн*» [7, с. 19] (*ишь какой он крепко сложенный*). Кроме того, наблюдаются такие олицетворения, например, как: «*Барабыыкпыт барахсан / барыар хара турбата / Үөлэс аһан үөгүлээбит*» [7, с. 18] (*дымовая труба нашего паровика, распахнувшись завопила*), «*Көлөһө тимир эргийэн, / Ситим быаны субуйбут / Сирдир-сирдир охсубут*» [7, с. 18] (*Железное колесо вертась, потянул веревку, энергично начал косить*).

В тексте поэмы находим интересные сравнения, составленные при помощи послелогов курдук, которые, безусловно, способствуют для того, чтобы образ стал еще более зримым, например: «*дуобат курдук ыһыллан, / туспа-туспа олорон*» [7, с. 14] (*живем разъединенно, словно шашки*). Но в то же время автор применяет традиционные для народной поэзии уподобляющие приемы: «*оһобос курдук субууга*» [7, с. 23] (*сено в валках будто длинные кишки*), «*күөччэх курдук дьэргэйн*» [7, с. 18] (*вертась как мутовка*) и т. д. Поэт уподобляет изображаемое предметам быта, органам и свойствам тела человека, растительному и животному миру, что характерно для национальной поэзии в целом.

Поэтическая способность автора выявляется в умелом соединении приемов метафоры и метонимии при изображении полета самолета: «*Күөх урсун күөнүгэр, / Күн долгун көхсүгэр / Тимир кынат тэрэйн, / <...> / Үөһэ-аллара күөрэйдит, Үстэ-түөртэ эргийбит*» [7, с. 19] (*По груди голубой глади, по волнистой спине солнца / железное крыло выдвигаясь / вниз-вверх взлетело / три-четыре раза облетело*). Как видно, подобное употребление приемов поэтической выразительности позволяет отметить о богатой образности художественного текста поэмы в целом.

Значительное место в поэтизации произведения «Артель Романа» занимают различные эпитеты. Их основная функция выражается в усилении особого признака и свойства предмета или явления. Наблюдается, что автор для описания объектов и явлений природы обильно использует постоянные эпитеты, свойственные текстам народной поэзии, на-

пример: «*итир былыт*» (перистые облака), «*аламай күн*» (ясное солнце), «*мотуок солко нуобай*», «*бөдөн лоһуор мастардаах*» (с громадными деревьями), «*бөлкөй ойуур*» (густой лес) и др. Для передачи основной идеи произведения, поэт поясняет абстрактные понятия, связанные с физическим трудом сельских рабочих, строительством новой жизни. Поэт передает одухотворение и восхищение сельского народа коллективным трудом в производстве, применяя эпитеты: «*үрдүк дьол*» (высокое счастье), «*бастын дьол*» (лучшее счастье), «*үллэр күүскэ*» (увеличивающаяся сила), которые, по нашему мнению, являются авторскими. Кроме того, использованы цветочные эпитеты, которые характерны в якутской лирике в целом, например: «*көмүс күн*» (золотое солнце), «*үрүг күн*» (белое солнце), «*көбөрөр хонуу*» (зеленое поле), «*көбөрөр ойуур*» (зеленеющий лес), «*арабас-ньүөгү алаастан*» (желтоватая поляна, алас).

Как видно, поэт, в основном, использует устойчивые выразительные средства национальной лирики. При этом, следует подчеркнуть, что применяемые автором художественные приемы имеют новое звучание, передающие основную идею и содержание произведения. Посредством выбранных поэтом тропов не только отражается действительность того времени, которая описывается в поэме, но и основные авторские замыслы.

Поэтическая фонетика, лексика

Специфика произведения «Артель Романа» наблюдается в способах организации стиха, при создании которого С. С. Васильев умело сочетает национальную систему стихосложения – аллитерацию, соединяя с силлабическим стихом. Поэма состоит из семи- восьмисложных строк, что соответствует напевной форме якутского народно-песенного стиха. От общего количества стихов (всего 406 стихотворных строк) поэмы 270 стихов состоят из 2-2-3 слоговых структур и образуют семисложные строки, которые занимают 66,5 % объема. Количество восьмисложных строк равно 109, и они занимают 26,9 %. В основном образуются из сочетания структур: 2-2-4, 3-2-3 [8, с. 58]. Вертикальная аллитерация, парная рифмовка и силлабический ритм стихов придают поэме особую мелодику:

*Тэһнэ тутуллаһ дьэндэйбит,
Тэһил-тэһнээх дьылэрбит
Дэлэйэн, элбээн барбыттар,
Дэриэбинэ бэрдэ буолбуттар.
Көрөр күнүм түһүгэ,
Күндү таастаах түһүгэ
Күнүм уотун көрсүбүт,
Күлүм-дьирим мөхсүбүт* [7, с. 18].

Одновременно построенные
Одинаковые наши дома
Стало их много и больше,
Прекрасная деревня отстроена.
Каждый день вижу как
Окно с драгоценными камнями
Встречающее солнечный луч,
Пробивалось светом.

Аллитерацией охвачено 95,1 % строк. По мнению исследователей якутского стихосложения, аллитерация может быть использована в начале строки, которая по другому определяется как начальная рифма [9, с. 42]. По классификации аллитерации и рифмы стиховеда Е. А. Архиповой, имеются такие виды, как: аллитерация-рифма эхо, с усечением, с замещением, рифма-аллитерация с замещением и прибавлением, с замещением и усечением [10, с. 34]. Придерживаясь исследований Н. Н. Тобурокова, М. Н. Дьячковой и Е. А. Архиповой, можно систематизировать начальные рифмы поэмы в таком плане:

1) аллитерация с замещением одного звука: *Күнүм уотун көрсүбүт / Күлүм-дьирим мөхсүбүт...* [7, с. 18] (*Свет моего солнца встречает / Сверкая-мигая плещется*);

2) аллитерация с двойным замещением: *Тингыйэр-тангыар тыаһыттан / Тингилэх кытта доргуйбут...* [7, с. 17] (*От шума издающихся громких глухих звуков / Даже пятки дрожат*);

3) аллитерация-рифма с наращением конечного согласного звука во втором слове аллитерированной пары: *Арыы бөлөх ыалларың / Арыый аҕай үрдүнэн...* [7, с. 19] (*Чуточку выше / Над соседями, отдельно живущими*);

4) аллитерация-рифма с замещением и усечением: *Буойуң күүстээх муоһунан / Буору тизэрэ силгэйбит...* [7, с. 19] (*Вол Буойун своими сильными рогами / Землю перевертывая раскидывал...*);

5) аллитерация-рифма с замещением гласных звуков и наращением конечного согласного: *Сүүрэ-көтө мөхсүбүт / Сүрэх-бэлэс уолаттар...* [7, с. 22] (*Резвась-бегая хлопотали / Трудолюбивые юноши...*) [8, с. 59-60].

Кроме строфической аллитерации в поэме выявлены такие внутристиховые аллитерации, как, например: «*Бирили-бирили билтэйбит / Күрүлүү-күрүлүү күлтэйбит*» [7, с. 13] (*издавая звук отекал, бурлясь вздувался*). Внутристиховая аллитерация наблюдается в 135 строках (33,3 %), что дополнительно упорядочивает звуки и образует особую ритмическую структуру [8, с. 60].

Благозвучию текста произведения способствуют конечные рифмы. Рифмовка, использованная поэтом, в основном, смежная. На основе классификации рифм, разработанных стиховедами Н. Н. Тобуроковым, М. Н. Дьячковой, Е. А. Архиповой, сгруппированы виды рифм поэмы:

1) фонеморфологические рифмы: образованные из одной части речи: *иититтэн-кэн-ниттэн* [7, с. 13] (*с ореола солнца-сзади*), *сыбарыйан-сыралыйан* [7, с. 13] (*закрывая-раскаляя*), *санаалаах-саргылаах* [7, с. 16] (*с намерением-благополучный*) и др.;

2) рифмы, различающиеся согласными звуками: *тыктарбыт-сырдаппыт* [7, с. 19] (*брызнуть-осветить*), *тиэргэннэ-титииккэ* [7, с. 20-21] (*во дворе-в летнем коровнике*), *куннүгэ-күдэҕэ* [7, с. 21] (*дневник-энергия*) и др.;

3) рифмы, различающиеся гласными звуками: *үүнэммит-буоламмыт* [7, с. 15] (*вырастающая-являясь*), *ылыхпыт-тутуохпут* [7, с. 15] (*заберем-построим*), *булаары-билээри* [7, с. 17] (*найти-узнать*) и т.п.;

4) рифмы, в которых совпадают корневые звуки: *чабылыйан-арылыйан* [7, с. 13] (*зблистая-бывая чистым*), *айхала-артыала* [7, с. 18] (*слава-артель*), *онгорон-толорон* [7, с. 18] (*сделав-выполнив*), *үөскээбит-элбээбит* [7, с. 20] (*зародиться-приумножиться*) и др.;

5) точная рифма, образованная из разных частей речи: *үрдүттэн-күөкэйэн* [7, с. 13] (*сверху-вытягиваясь*), *алаастан-анатан* [7, с. 16] (*с поляны-определенный*), *кумахтан-аннынан* [7, с. 16] (*из песка-снизу*), *улаппыт-ыччаппыт* [7, с. 16] (*подрастать-молодежь*) и др.;

6) точная рифма, рифма эхо: *барахсан-арахсан* [7, с. 20] (*родной-растающая*), *ыллаатым-тыллаатым* [7, с. 23] (*петь-сообщать*) и т. д. [8, с. 60-61].

В поэме «Артель Романа» всего 1218 слов, из них парных слов – 244. Это 20 % от общего количества слов поэмы, 53,3 % занимают двусложные слова, 44,8 % – трехсложные. Максимальное количество двух и трехсложных слов, а также парных слов: *кулум-дьири* (*сверкающий-мерцающий*), *көтөн-ойон* (*летя-прыгая*), *үөрэ-көтө* (*радуясь-летя*), *ыллытыуойа* (*воспевающая-запевающая*) и т. п. – создает динамичную ритмику, что способствует сохранению романтического содержания и идеи произведения.

Стоит отметить, что парные слова и словосочетания состоят из различных частей речи якутского языка. Поэма отличается обилием парных словосочетаний, выраженных деепричастиями, например: «*буһан-хатан*» (*закаляясь*), «*сиэлэн-хааман*» (*бегая-шагая*). Их количество равняется 29 парам, что занимает 24 % от общей численности парных словосочетаний. Кроме того, автор употребляет словосочетания, выраженные именами прилагательными: «*эгил-тэгил*» (*равный*), «*кэрэ-дьикти*» (*красивый, чудесный*), «*кулум-дьири*»

(мерцающий); именами существительными: «күүспут-уохпут» (сила), «сибэкки-дээрэкээн» (цветы-пестрота), «ойуу-мандаар» (рисунок-узор) и др. При этом поэт умело употребляет парные слова, меняя их местами: «Олохтоох дьону хомуйан, / **Оонньуу-күлүү** арийан, / Көнгүл, сынньалан куннэргэ / **Күлүү-оонньуу** тэрийбит...» [7, с. 17] (Местных людей собрав / приоткрыв веселье / в свободное время / организовал игры). Как видно, подобная замена сделана для достижения созвучности начал стихотворных строк.

Внимание привлекают и то, что парные слова представлены повторяющимися словами, например: «киһи-киһи аайыга» [7, с. 14] (каждому человеку); «туспа-туспа олорон» [7, с. 14] (отдельно садясь); «сирдир-сирдир охсубут» [7, с. 18] (ритмично разрубая); «араас-араас дойдуттан» [7, с. 18] (из разных стран); «көбүс-көбүс быспыттар» [7, с. 22] (кусками резали), которые усиливают ритмичность строк. В поэме всего найдено 16 подобных парных слов. Кроме того, автор использует парные словосочетания, составленные из антонимических прилагательных: «ылар-биэрэр наадалаах» (с нуждой получать-отдавать), «үөһэ-аллара күөрэйбит» (вниз-вверх взлетать), «үрүн-хара дьүһүннээх» (бело-черный цвет), «арбаа-илин хайыһан» (оглядываясь на запад-восток); из синонимичных существительных и деепричастий, например: «көдүүс-туһа кэлбэккэ» (нет пользы-пригодности), «муну-сору көрөммүт» (насмотревшись горе-мучения) «ыллы-туойа турабын» (стою запева-воспева) и др. Поэтическая лексика произведения обогащена парными словами разговорного языка, например: «изскэ-күүскэ киэрэрбит» (задолжали), «кыаммат-түгэмэт буолбуппут» (не были состоятельными), «көнөн-байан иһиэхпит» (будем в достатке жить), «атах-бытах дьонноро» (неважные люди) и т. д.

Особая ритмичность стихотворного текста достигается при помощи частого использования повторов строк – рефрена: «Аныгы олох айхала – / Арамаан совет артыала» (Слава новой жизни – / Артель Романа), который не только начинает новую строфу стихотворного произведения, но и передает его основное идейное и тематическое содержание.

В поэме, кроме парных словосочетаний и рефрена, выделяются синтаксические параллелизмы, которые как стилистический прием составлены из параллельных конструкций-предложений, играющих важную роль при построении композиции художественного текста. Параллелизмы, которые в тексте поэмы выстроены при помощи соединения слов и сочетаний с одинаковым грамматическим оформлением, служат средством образования простых (фономорфологических) рифм:

<i>Хатын чаран тумуллаах,</i>	<i>С березовой роцей мысом</i>
<i>Халын ойуур тулалаах,</i>	<i>Густым лесом окруженный</i>
<i>Бүччүм сайылык киинигэр,</i>	<i>В центре укромного летника</i>
<i>Бүтэй хаарчах бүөрүгэр</i>	<i>В глухом широком загоне</i>
<i>Сүүрэн-көтөн үөскээбит</i>	<i>Резвься развелось много скота</i>
<i>Сүөһү арааһа элбээбит.</i>	<i>Их количество увеличилось</i>

Как видно, при помощи однородных членов предложения создается звуковая и ритмическая упорядоченность стиха. Более того, приемы синтаксических параллелизмов в произведении «Артель Романа», как и в народной поэзии выполняют функцию воплощения цельного поэтического образа: «Кини дьаалы киппэйэн, / Килэгир тимир килтэйэн, Чэгийн сиртэн тирэнэн, / Дьээтин диэки тэбинэн / Бирилии-бирилии билтэйбит, / Күрүлүү-күрүлүү күлтэйбит» [7, с. 19] (ишь какой он крепко сложенный, его гладкое железо блестя, опираясь на крепкую землю, добежал до дома, тараторя, производя бурлящий звук).

Частотность применения парных слов, составленных из различных частей речи, повторов, рефрена и синтаксических параллелизмов, еще раз подтверждает особый поэтический язык произведения, а также индивидуальность авторского стиля С. С. Васильева.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что поэтика произведения «Артель романа» С. С. Васильева-Борогонского основана на традициях устной народной поэзии. Используемые автором изобразительные средства в основном присутствуют и в фольклорных текстах. Влияние народного эпического произведения обнаруживается в результате анализа стиховой структуры поэмы, которая написана аллитерационным стихом, при этом поэт применяет рифму и придерживается равносложности стихотворных строк. Начальные и конечные созвучия строк создают четкую организацию стиха, обеспечивают ритмичность и стройность поэтического текста произведения. Рефрены как стилистические приемы способствуют композиционной стройности произведения в целом. Синтаксические параллелизмы выполняют функцию акцентирования внимания на художественные образы, их детального описания и характеристики внешних данных. В специфике художественного оформления текста поэмы «Артель Романа» заключается новаторство самого поэта.

Литература

1. Чиряев, В. Г. «Арамаан артыала» / В. Г. Чиряев // Эдэр коммунист. – 1967. – 24 сентября.
2. Данилов, С. П. Сергей Васильев. Васильев-Борогонский С. С. Хоһооннор, поэмалар / Сергей Васильев; [киири тылы суруйда Семен Данилов]. – Дьокуускай : Саха сириинээҕи кинигэ изд-вота, 1958. – С. 3-16.
3. Копырин, Н. З. Өлбөт өрөгөй (Поэт Сергей Васильев олоҕо, үлэтэ, айымньыта). = Бессмертие (О жизни и творчестве Сергея Васильева) / Н. З. Копырин. – Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2007. – 103 с.
4. Артамонов, И. И. Норуот дьылбатынан олороро / И. И. Артамонов // Бииһи Сэргэйбит : ыстатыйалар, ахтыылар. = Жил ради судьбы своего народа // Наш Сергей : статьи, воспоминания. – Якутск : Бичик, 1997. – С. 197–232.
5. Васильев, С. С. Үйэҥ тухары үчүгэйгэ тардыһан = На протяжении всей жизни стремился к лучшему / С. С. Васильев // Эдэр коммунист. – 1963. – 17 ноября.
6. Максимова, П. В. Жанровая типология якутской поэзии : Вопросы эволюции и классификации форм / П. В. Максимова ; ответственный редактор Н. Н. Тобуроков. – Новосибирск : Наука, 2002. – 255 с.
7. Васильев С. С. Талыллыбыт айымньылар, икки томнаах = Избранные произведения в двух томах. Т. I. / С. С. Васильев. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1966. – 264 с.
8. Степанова, В. Е. Творчество С. С. Васильева-Борогонского : фольклорные истоки, поэтика : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации (якутская литература)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Степанова Варвара Егоровна. – Якутск, 2022. – 203 с.
9. Дьячковская, М. Н. Аллитерация и рифма в якутской поэзии. Проблемы эволюции и классификации / Ответственный редактор Н. Н. Тобуроков. – Новосибирск : Издательство СО РАН : НИЦ ОИИГМ, 1998. – 153 с.
10. Архипова, Е. А. Поэзия Ивана Арбиты (Творческий путь и поэтика): Электронный ресурс: монография. – Якутск, 2018. – 221 с. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32813895_59732034.pdf (дата обращения: 12.05.2023).

References

1. Chiryayev, V. G. «Aramaan artyala» / V. G. Chiryayev // Eder kommunist. – 1967. – 24 sentyabrya.
2. Danilov, S. P. Sergej Vasil'ev. Vasil'ev-Borogonskaj S. S. Hohoonnor, poemalar / Sergej Vasil'ev; [kiirii tyly surujda Semen Danilov]. – D'okuuskaj : Saha sirineeҕi kinige izd-vota, 1958. – S. 3-16.
3. Kopyrin, N. Z. Өлбөт өрөгөй (Poet Sergej Vasil'ev oлоҕо, үлөтө, айымн'ыта). = Bessmertie (O zhizni i tvorchestve Sergeya Vasil'eva) / N. Z. Kopyrin. – YAkutsk : IGI AN RS(YA), 2007. – 103 s.
4. Artamonov, I. I. Noruot d'ylbatynan olororo / I. I. Artamonov // Bihigi Sergejbit : ystatyjalar, ahtyylar. = ZHil radi sud'by svoego naroda // Nash Sergej : stat'i, vospominaniya. – YAkutsk : Bichik, 1997. – S. 197–232.

5. Vasil'ev, S. S. Yjer tuhary ychyggeje tardyhan = Na protyazhenii vsej zhizni stremilsya k luchshemu / S. S. Vasil'ev // Eder kommunist. – 1963. – 17 noyabrya.
6. Maksimova, P. V. ZHanrovaya tipologiya yakutskoj poezii : Voprosy evolyucii i klassifikacii form / P. V. Maksimova ; otvetstvennyj redaktor N. N. Toburokov. – Novosibirsk : Nauka, 2002. – 255 s.
7. Vasil'ev S. S. Talylybyt ajymn'ylar, ikki tomnaah = Izbrannye proizvedeniya v dvuh tomah). T. I. / S. S. Vasil'ev. – YAkutsk : YAkutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. – 264 s.
8. Stepanova, V. E. Tvorchestvo S. S. Vasil'eva-Borogonskogo : fol'klornye istoki, poetika : special'nost' 10.01.02 «Literatura narodov Rossijskoj Federacii (yakutskaya literatura)» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Stepanova Varvara Egorovna. – YAkutsk, 2022. – 203 s.
9. D'yachkovskaya, M. N. Alliteraciya i rifma v yakutskoj poezii. Problemy evolyucii i klassifikacii / Otvetstvennyj redaktor N. N. Toburokov. – Novosibirsk : Izdatel'stvo SO RAN : NIC OIIGM, 1998. – 153 s.
10. Arhipova, E. A. Poeziya Ivana Arbity (Tvorcheskij put' i poetika): Elektronnyj resurs: monografiya. – YAkutsk, 2018. – 221 s. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32813895_59732034.pdf (data obrashcheniya: 12.05.2023).

– ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ –

DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.54.30.008

Н. Н. Ефремов

Х. М. Есенов – талантливый исследователь синтаксического строя казахского языка

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия
E-mail: nik.efrem50@mail.ru

Для цитирования: *Ефремов Н. Н.* Х. М. Есенов – талантливый исследователь синтаксического строя казахского языка // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.54.30.008>

Научная деятельность д. филол. н. Х. М. Есенова (1931-1996) была тесно связана с исследованием синтаксиса казахского языка. Его кандидатская и докторская диссертации были посвящены освещению актуальных проблем синтаксического строя данного тюркского языка. В 1961 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Условные и уступительные придаточные предложения в современном казахском языке», в 1982 г. – докторскую диссертацию «Основные вопросы синтаксиса осложненного предложения в современном казахском языке». Им были опубликованы монографии, в которых были рассмотрены структурные особенности сложноподчиненного и осложненного предложения: «Структура сложноподчиненного предложения в казахском языке», «Синтаксис осложненного предложения в казахском языке». В своих исследованиях талантливый исследователь казахского языка последовательно опирался на достижения русистики и тюркологии. Хаирболат Муканович анализировал и использовал в своих трудах по синтаксису казахского языка основные положения и результаты работ исследователей русского языка по

ЕФРЕМОВ Николай Николаевич – д. филол. н., г. н. с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: nik.efrem50@mail.ru

EFREMOV Nikolay Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Chief Scientific Associate, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

сложному предложению (М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, Н. И. Греча, Н. И. Буслаева, В. А. Богородицкого, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского и др.). При освещении осложненного предложения казахского языка Хаирболат Муканович также основывался на трудах русистов (В. В. Виноградова, В. И. Кодухова, А. Г. Руднева, Л. К. Дмитриевой, Н. Ю. Шведовой и др.).

Для современной лингвистики особую ценность представляют исследования Х. М. Есенова, посвященные осложненному предложению, которое впервые в казахском языке было рассмотрено им. Как пишут ученые, в синтаксисе тюркских языков осложненные предложения представляют собой одну из наиболее трудных проблем [Тыбыкова А. Т., Черемисина, Тыбыкова, 2009, с. 30], а в синтаксической теории они еще не получили строго определения.

Обращаясь к такой сложной проблематике языка, как осложненное предложение, Хаирболат Муканович подчеркивал важную роль предложения в изучении синтаксиса, ибо в нем «концентрируются такие главные закономерности, присущие синтаксису, сочетаемость слов, синтагматические группы, синтаксические обороты, связь с другими предложениями и т. д.» [Есенов, 1982, с. 3]. Казахский исследователь оперировал также понятием синтаксической нормы и подчеркивал ее базирование на структуре слов и закономерностях согласования их в контексте. В отличие от многих тюркологов, он признавал осложненное предложение в качестве самостоятельной синтаксической категории [Там же, с. 31], хотя его компоненты и не отвечают «требованиям предикативности». Он писал, что «такие присоединенные компоненты выражают отношения дополнения, конкретизации, уточнения и распространения к содержанию основного предложения» [Там же, с. 32-33].

Хаирболат Муканович системно рассмотрел не только структурные, но и семантические, модальные, стилистические особенности осложненного предложения. В определении статуса тех или иных синтаксических конструкций казахского языка он, опираясь на свою теорию об осложненном предложении, внес определенные коррективы в результаты и положения исследований некоторых казаховедов. Это имеет место прежде всего при анализе модальных синтаксических единиц, которые квалифицировались отдельными его предшественниками (например, Р. С. Амировым) в качестве сложноподчиненного предложения. Ср. каз. *Мейлің, әзір қысқа өлеңдеріңнен* 'Ладно, пока, если хочешь'.

Ученым была представлена структурно-семантическая классификация осложненных предложений казахского языка, в которой данные предложения характеризуются двумя основными разновидностями: осложненные предложения с синтаксическими оборотами; осложненные предложения с обособленно-уточняющими компонентами. Первая разновидность – это осложненные предложения со смыкающимися оборотами и осложненные предложения с примыкающими оборотами. Вторая – вводные предложения, вставные предложения, однородно-осложненные предложения.

Хаирболат Муканов имел тесные научные контакты с новосибирской синтаксической школой, возглавляемой проф. М. И. Черемисиной. Казахский синтаксист выступал с докладами на конференциях, проводимых в г. Новосибирске. Он был официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации, посвященной временным сложноподчиненным предложениям якутского языка [Ефремов, 1981; 1984].

Основные результаты и положения трудов талантливого лингвиста-синтаксиста Х. М. Есенова оказали и продолжают оказывать плодотворное влияние на развитие теории полипредикативных конструкций, элементарного простого предложения и осложненного предложения, которая успешно применяется в изучении синтаксического строя языков народов Сибири.

Основные труды:

Есенов Х. М. Условные и уступительные придаточные предложения в современном казахском языке. Автореф дисс. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1961. – 21 с.

Есенов Х. М. Причастный оборот в казахском языке (в сравнении с тем же оборотом в некоторых других тюркских языках) // Советская тюркология. №1. – 1975. – С. 26-32.

Есенов Х. М. Основные вопросы синтаксиса осложненного предложения в современном казахском языке. Дисс. ... доктора филол. наук. – Алма-Ата, 1982. – 338 с.

Есенов Х. М. Структура сложноподчиненного предложения в казахском языке. – Алма-Ата: Гылым, 1982. – 140 с.

Есенов Х.М. Синтаксис осложненного предложения в казахском языке. Алма-Ата: Гылым, 1992. – 205 с.

О нём:

Ефремов Н. Н. Сложноподчиненные предложения в якутском языке. – Москва: Наука, 1984. – 88 с.

Ефремов Н. Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. Структурно-семантическое описание. – Новосибирск: СО РАН, 1998. – 193 с.

Тыбыкова А. Т., Черемисина М. И., Тыбыкова Л. Н. Осложненное предложение в алтайском языке. – Новосибирск: ИД «Сова», 2009. – 296 с.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск: Наука, 1987. – 197 с.

N. N. Efremov

H. M. Yessenov is a talented researcher of the syntactic structure of the Kazakh language

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk, Russia
E-mail: nik.efrem50@mail.ru

For citation: *Efremov N. N.* H. M. Yessenov is a talented researcher of the syntactic structure of the Kazakh language // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.54.30.008>

The scholarly activity of Hairbolat Yessenov (1931–1996) was closely associated with the study of the syntax of the Kazakh language. His candidate of sciences and doctoral dissertations focused on highlighting the relevant issues of the syntactic structure of this Turkic language. In 1961, he defended his candidate of sciences thesis on «Conditional and concessive subordinate clauses in the modern Kazakh language»; in 1982, his doctoral dissertation «Basic questions of the syntax of a complicated sentence in the modern Kazakh language». He published monographs in which the structural features of a complex and complicated sentence were considered: «The structure of a complex sentence in the Kazakh language», «Syntax of a complicated sentence in the Kazakh language».

In his studies, the talented researcher of the Kazakh language consistently relied on the achievements of Russian studies and Turkic studies. In his works on the syntax of the Kazakh language, Yessenov analyzed and used the main provisions and results of the work of Russian language researchers on a complex sentence (M. V. Lomonosov, A. Kh. Vostokov, N. I. Grech, N. I. Buslaev, V. A. Bogoroditsky, A. A. Shakhmatov, A. M. Peshkovsky and others). When covering a complicated sentence of the Kazakh language, Yessenov also relied on the works in

Russian Language Studies (V. V. Vinogradov, V. I. Kodukhov, A. G. Rudnev, L. K. Dmitrieva, N. Yu. Shvedova and others).

For modern linguistics, the research of Yessenov on the complicated sentence, which was considered by him for the first time in the Kazakh language, is of specific value. As scholars write, in the syntax of the Turkic languages, complicated sentences are one of the most difficult problems [Tybykova, Cheremisina, Tybykova, 2009, p. 30], and in syntactic theory they have not yet received a rigorous definition [Ibid., p. 5].

Turning to such a complex linguistic problem as the complicated sentence, Yessenov emphasized the important role of the sentence in the study of syntax, because it «concentrates such main patterns inherent in syntax, word compatibility, syntagmatic groups, syntactic constructions, connection with other sentences, etc.» [Yessenov, 1982, p. 3]. The Kazakh researcher also operated with the concept of the syntactic norm and emphasized its basing on the structure of words and the patterns of their agreement in the context [Ibid.]. Unlike many Turkologists, he recognized the complicated sentence as an independent syntactic category [Ibid., p. 31], although its components do not meet the «requirements of predicativity». He wrote that «such attached components express the relations of addition, concretization, clarification and distribution to the content of the main sentence» [Ibid., pp. 32-33].

Yessenov systematically considered not only the structural, but also the semantic, modal and stylistic features of the complicated sentence. In determining the status of those other syntactic constructions of the Kazakh language, relying on his theory of a complicated sentence, he made certain adjustments to the results and provisions of the studies of some Kazakh scholars. This takes place primarily in the analysis of modal syntactic units, which were qualified by some of his predecessors (for example, R. S. Amirov) as a complex sentence. Cf. Kaz. *Мейілің, әзір қысқа өлеңдеріңнен* 'Okay, bye, if you want'.

The scholar proposed a structural-semantic classification of complicated sentences of the Kazakh language, in which these sentences are characterized by two main varieties: complicated sentences with syntactic constructions; and complicated sentences with separate-clarifying components. The first variety is complicated sentences with closing constructions and complicated sentences with adjoining constructions; the second includes introductory sentences, plug-in sentences, and homogeneously complicated sentences.

Yessenov had close scholarly contacts with the Novosibirsk syntactic school headed by Prof. M. I. Cheremisina. The Kazakh syntaxist made presentations at conferences held in Novosibirsk. He was an official opponent at the defense of a candidate of sciences thesis on temporary complex sentences of the Yakut language [Efremov, 1981; 1984].

The main results and provisions of the works of the talented linguist-syntaxist Yessenov have been a fruitful influence on the development of the theory of polypredicative constructions, elementary simple sentences and complicated sentences, which is successfully used in the study of the syntactic structure of the languages of the peoples of Siberia.

Major works:

Yessenov H. M. Conditional and concessive subordinate clauses in the modern Kazakh language. Abstract of diss. ... cand. philol. sciences. Alma-Ata, 1961.

Yessenov H. M. Participle construction in the Kazakh language (in comparison with the same construction in some other Turkic languages). Soviet Turkology. No. 1. 1975. Pp. 26-32.

Yessenov H. M. The main questions of the syntax of a complicated sentence in the modern Kazakh language. Diss. ... Doctor of Philological Sciences. Alma-Ata, 1982.

Yessenov H. M. The structure of the complex sentence in the Kazakh language. Alma-Ata: Gylym, 1982.

Yessenov Kh.M. The syntax of the complicated sentence in the Kazakh language. Alma-Ata: Gylym, 1992.

About the scholar:

Efremov N. N. Complex sentences in the Yakut language. M.: Nauka, 1984.

Efremov N. N. Polypredicative constructions in the Yakut language. Structural-semantic description. Novosibirsk: SB RAS, 1998.

Tybykova A. T., Cheremisina M. I., Tybykova L. N. Complicated sentence in the Altaic language. Novosibirsk: Sova, 2009. 296 p.

Cheremisina M. I., Kolosova T. A. Essays on the theory of complex sentences. Novosibirsk: Nauka, 1987.

АЛТАИСТИКА

Электронное научное периодическое издание

№ 2 (09) 2023

Технический редактор *Н. В. Дмитриева*

Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 29.06.2023. Формат 70х108/16.

Дата выхода в свет 30.06.2023.